

Больше чем

ШЕФ

ЛИЗА ЛЭЙН

Да что ж это такое?! Только у нас с Марком появилась надежда на совместное будущее, как все рушится на глазах. Ресторан, где мы работаем, под угрозой закрытия. Еще и бывший приходит и рассказывает о Марке неприглядную правду. Может мы не созданны друг для друга? Ведь обретя любовь мы начинаем терять все, что нам дорого.

Глава 1. Агата

— Я думаю, тебе все же стоит остаться у ребят.

Марк проводит ладонью по моей щеке и не надолго задерживает руку на ней. — Или, если хочешь, Олег приедет и отвезет тебя домой.

Я отрицательно мотаю головой, глядя на мужчину.

— Я думаю, что как шеф-повар ресторана должна находиться сейчас там. Ясно же, что стряслось что-то серьезное.

Мне не хочется отпускать Марка одного, как бы не выглядел для других наш совместный приезд. Там что-то происходит и оставаться в стороне — выше моих сил. Но Михельсон совершенно не намерен брать меня с собой, и вот уже добрых десять минут мы спорим на пороге. Марк кладет руку мне на плечо и заглядывает в глаза.

— Давай так. Если я приеду и пойму, что твое присутствие как шефа требуется, я сразу тебя наберу и пришлю за тобой Олега. Договорились?

— Хорошо, — с тяжелым вздохом, наконец, соглашаюсь я. — Как узнаешь в чем дело, хотя бы напиши мне.

— Есть, шеф.

Марк широко улыбается, но я вижу как в глубине его зеленых глаз плещется тревога и это разбивает мне сердце. В голове проигрываются сценарии произошедшего в «Есенине» один другого страшнее и мне не хочется, чтобы Марк справлялся с этим в одиночку. Но все что я сейчас могу — не мешать ему разбираться с проблемами.

— Не волнуйся. Я уверен, ничего страшного не произошло. Это какое-то недоразумение. Я все быстро улажу и приеду за тобой.

Марк накрывает мои губы легким поцелуем и внутри меня, вопреки ситуации, разливается тепло от вкуса его губ. Я отстраняюсь от мужчины и уверенно киваю.

— Ты прав. Вряд ли там что-то серьезное. Просто все это не вовремя, — сделав над собой усилие, я смеюсь. — Но на то она и взрослая жизнь.

Марк улыбается и снова целует меня.

— Я позвоню.

Когда габаритные огни его Хаммера растворяются в темноте, я возвращаюсь в дом и устало сажусь на диван в гостиной. Вечер безнадежно испорчен. Верка отправляется укладывать спать детей, а Кирилл остается наводить порядок на кухне.

— Давай я помогу, — запоздало встаю я.

— Сиди уже, я почти все.

Осаженная грозным взглядом Кири обратно на диван, я закусываю губу и лезу в карман джинс за телефоном. Гугл на запрос «Есенин» выдает официальный сайт ресторана и множество ссылок на различные статьи, но ни одной от сегодняшнего числа. Чтобы ни случилось в ресторане, в СМИ об этом пока неизвестно.

— Налить вина?

Кирилл держит в руках бутылку и вопросительно смотрит на меня.

— Давай, — закрываю вкладки на телефоне и кладу его на подлокотник дивана.

Кирия наполняет два бокала, подходит ко мне и садится рядом, протягивая один мне.

— Не дрейфь, подруга. Михельсон со всем разберется.

— Я знаю, но... — я зажимаю переносицу двумя пальцами и морщусь. — Что

потребовалось полиции в ресторане? А что если кому-то стало плохо? Или, не дай бог, посетитель отравился? Это же такие проблемы. Да еще и перед проверкой инспекторов Мишлен.

— Агата, успокойся, — крепкая рука друга ложится мне на плечо. — Я уверен, что Марк прав и ничего серьезного не стряслось. Ну может подавился какой богатеи, поскандалит немного и все разъедутся по домам.

— Надеюсь, ты прав.

Тревога, железной хваткой сдавливающая мне горло, только нарастает. Я совершенно не слушаю разговор между Верой, которая вернулась в гостиную, и Кириллом. В нервном ожидании я гадаю, что могло такого случиться, и безостановочно проверяю телефон на наличие сообщений от Марка. Но время идет, а он так и не объявляется. Когда часы показывают почти полночь, я встаю с дивана.

— Так, все. Хватит сидеть в ожидании неизвестно чего. Тем более вы сейчас оба тут и уснете. Расходимся.

Заметно, что Вера хочет начать спорить, но внезапно зевает и машет рукой.

— Я постелила тебе где обычно. Думала, что вы вдвоем останетесь, но что уж...

Снова махнув рукой, подруга, безостановочно зевая, скрывается в их с мужем спальне. Я бросаю взгляд на Кирилла, проверяющего дверь, и отправляюсь на второй этаж, в комнату, которую уже давно мысленно окрестила своей. Верино замечание про «останетесь вдвоем» становится мне понятно, как только я захожу в комнату. На разложенном диване застелено ужасающее постельное белье. Поросячьего розового цвета с крупными вишневыми сердечками проткнутыми золотыми стрелами.

— Ну, Вера... — я качаю головой и не сдерживаю улыбки.

Марк бы оценил Веркину шутку. Он вообще оказался очень легким и веселым. В Михельсоне нет ни грамма снобизма, а только искренняя жажда жизни. При мыслях о Марке сердце снова тревожно сжимается. Я знаю как для него важен этот ресторан и весь бизнес в целом, поэтому не могу найти себе место. Но экран телефона ожидаемо оказывается пуст и мне ничего не остается как начать готовиться ко сну.

Телефон безжалостно вибрирует у меня под подушкой. Я нажимаю на кнопку громкости и надоедливое жужжание прекращается. Отлично, можно спать дальше. Но через мгновение телефон вибрирует снова, и я с трудом открываю глаза. Вытащив смартфон из-под подушки резко сажусь на неудобном диване и нажимаю на экран.

— Да, — я прокашливаюсь. — Алло.

— Я тебя разбудил, — голос Марка звучит устало, как будто он еще не ложился.

— Ничего. Все в порядке?

— Хм... Нет, не в порядке, — повисает пауза. — Олег сейчас приедет за тобой и отвезет в «Есенин», твое присутствие все-таки потребуется.

— Конечно, я сейчас соберусь. Но, Марк, все и правда настолько серьезно?

— Хуже, чем могло быть.

Я слышу обреченность в его голосе и сердце опускается куда-то в район желудка. Тугой ком в горле мешает мне сделать вдох, и я озираюсь по сторонам в поисках бутылки с водой. Марк все еще молчит отчего мои ладони покрываются липким потом. Но когда он продолжает, я понимаю, что ожидала чего угодно, кроме этого.

— Посетитель умер от анафилактического шока прошлым вечером. Обстоятельства выясняются, но пока все указывает на ошибку кухни в отдаче заказа. В общем, будет

расследование.

— Ох, черт, — я теряю дар речи от неожиданности.

— В общем, я жду тебя тут.

— Я поняла.

В спешке собирая вещи и приводя себя в порядок, я пытаюсь унять панику и включить холодной разум. Посетителя, к сожалению, не вернешь и ситуацию обратно не отыграешь. Сейчас все силы надо бросить на разбирательство и спасение репутации заведения. Благодаря нашей электронной системе все заказы фиксируются. Поэтому понять на каком этапе произошла утеря важной информации по поводу аллергена, если она там была, выяснить не составит труда.

Пока я размышляю, успевает приехать Олег.

— Агата Александровна, — водитель кивает и открывает передо мной заднюю дверь Майбаха.

— Спасибо, Олег, — бормочу я и сажусь в машину.

— Марк Давидович просил отвезти вас сразу в ресторан.

— Да, я в курсе. Заезжать никуда не надо.

Остаток пути мы проводим в тишине. Олег предлагает включить музыку, но я отказываюсь, из желания обдумать всю ситуацию. Только пока у меня нет всех фактов, это оказывается довольно проблематично.

Через полтора часа мы подъезжаем к «Есенину». Ничего перед рестораном не указывает на случившуюся здесь минувшим вечером трагедию. Питер медленно просыпается от ночных гуляний и самые ранние туристы отправляются на утренние экскурсии.

Олег открывает передо мной дверь машины, и я выбираюсь на улицу. Оглянувшись по сторонам, стремительно захожу внутрь ресторана. Мне кажется неуместной моя одежда, но тратить время, на то, чтобы переодеться, было совершенно неразумным.

Внутри оглушающе тихо и до меня не сразу доходит почему. Вместо привычной утренней суеты завтраков в ресторане царит атмосфера уныния. Часть столов не сервированы и стоят абсолютно пустые, на части, наоборот сохранились следы чьих-то трапез. Посетителей нет, хостес не встречает меня у входа.

С тревогой окинув взглядом зал, я направляюсь в кабинет Марка. Ресторан словно вымер. Никто из сотрудников не попадает на глаза, пока я иду. Только в коридоре служебного помещения я натываюсь на Лизу и морщусь под ее пронизывающим взглядом. Кажется, последний раз я видела ее на дне рождения Андрея, рядом с Артемом...

Додумать эту мысль до конца я не успеваю, потому что дверь в кабинет Марка резко распахивается и оттуда, практически, вылетает взбешенный Илья. Совершенно ничего не замечая вокруг, он едва не сбивает меня с ног.

— О, привет, — усилием воли управляющий берет себя в руки. — Здесь творится полнейший пиздец.

Он взмахивает руками, но больше никак не комментирует происходящее и, громко хлопнув дверью, скрывается в недрах своего кабинета. Я удивленно смотрю вслед Илье и стучусь в дверь кабинета Михельсона. Через мгновение раздается низкий голос Марка.

— Входите.

Я толкаю дверь и захожу внутрь. Марк сидит в кабинете один, обхватив голову обеими руками. Перед ним на столе стоит графин с виски и наполовину пустой стакан.

— Что с Ильей?

Марк поднимает на меня взгляд и в его глазах на секунду мелькает радость.

— Он не готов слышать неудобные для него вещи, не более того.

Марк морщится, делает глоток из стакана и откидывается в кресле. На мгновение мне кажется, что за окном снова апрель, я пришла на собеседование и вижу Михельсона в первый раз спустя четырнадцать лет. Я смотрю в его зеленые глаза с легкой паутинкой морщин вокруг них и думаю, о том как бы сложилась моя жизнь, если бы тогда я струсила.

— Так что произошло? — я сажусь на стул напротив него.

Марк тяжело вздыхает и делает очередной глоток из бокала.

— Сын одного богатого и известного депутата решил поужинать со своей невестой у нас в ресторане. Все было хорошо, пока молодые люди не решили заказать крокембуш. Со слов невесты погибшего парня, он несколько раз сообщил про свою аллергию официанту, на что его уверили, что подадут парню десерт без орехов.

— По всей видимости это оказалось не так.

— К сожалению, да. Проблема в том, что совершенно не ясно как орехи оказались у него в пирожном. На кухне клянутся, что отдавали заказ в соответствии с чеком, где четко было указано, что у посетителя аллергия. При этом официанты твердят, что отдали парню пирожное, которое ему и предназначалось. В пирожном его невесты тоже есть орехи, — Марк разводит руками. — Не было бы, можно было подумать что официанты перепутали два десерта, а так...

Марк замолкает и проводит рукой по подбородку. Он выглядит устало, и я понимаю, что этой ночью ему совсем не удалось сомкнуть глаз.

— Кто был на кондитерке?

— Анжелика.

Я слышу имя повара и чувствую укол вины. Мы так и не успели с Андреем ничего предпринять по поводу нее. Сначала су-шеф вызвался сам понаблюдать, а когда пришло время обсуждать увиденное им, случилась авария и все это отошло на второй план. А теперь это стоило жизни человека. В кабинете повисает напряженная тишина.

— У нас большие проблемы, — нарушает ее Марк.

Я вздыхаю и задаю вопрос, тревожащий меня всю дорогу до ресторана:

— Чем нам это грозит?

Я встаю из-за стола и поворачиваюсь к окну. Я сильно устал за прошедшую ночь. Суета, шум, постоянные допросы. Нервы на пределе. В этой ситуации больше всего пугает неизвестность и беспомощность перед ней. Я рад, что Агата со мной. Без ее поддержки было бы в разы сложнее. Но на работе мы вынуждены держать дистанцию, чтобы избежать пересудов. А так хочется подойти и обнять ее. Просто прижаться к ней всем телом и вдохнуть запах жасмина и сандала от ее волос.

— Как минимум штраф, — я скрещиваю руки за спиной. — Как максимум — все, что угодно. Репутация ресторана испорчена, еще СМИ сейчас точно подольют масла в огонь. Естественно, будет расследование, естественно, разбирательство по чьей вине аллерген попал в десерт. Но это все может сильно затянуться, а нам нужно как-то открыться и работать дальше. Еще непонятно, что с этим депутатом... Как он на все отреагирует.

— Ты его знаешь? — спрашивает Агата.

— К сожалению, нет. Но он очень влиятельный. Семенов Виталий Степанович. Может быть, слышала о таком? — я оборачиваюсь на Агату. Та пожимает плечами. Видимо, политическая жизнь родного города ее особо не интересует. Это не страшно. — Он баллотировался в мэры два года назад, и даже, вроде бы, прошел во второй тур, но его слил федеральный кандидат.

— Правящая партия решает, — говорит Агата. Возможно, она и не так далека от политики, как мне показалось сначала.

— Именно, — киваю я. — Как бы то ни было, денег у него просто жопой жуй. Он из тех, кто поднялся в лихие девяностые, сделал себе состояние, когда разворовывали страну. Сейчас у его жены, — я рисую кавычки в воздухе двумя пальцами обеих рук, — есть бизнес на любой вкус. От привокзальных кафешек до нефтяных вышек на Сахалине. Семенов — очень серьезная фигура. И как он отреагирует на смерть своего сына по вине нашего ресторана — одному богу известно.

— Странно, что такой богатый и влиятельный человек ни разу не был в «Есенине», — задумчиво произносит Агата.

Я разворачиваюсь, обхожу стол и сажусь в кресло напротив нее. Она выглядит уставшей и не выспавшейся. Бедная, натерпелась этой ночью. Так странно что, как только мы снова сошлись, тут же посыпались испытания. Испытания, которые нам еще предстоит преодолеть. Но на этот раз мы пройдем через это все вместе. Я же говорил, что теперь мы будем хлебать дерьмо вдвоем. Похоже, что накаркал.

— Он заходил несколько раз на ужин. Был на многих банкетах и торжествах. Но, как я и сказал, мы достаточно далеки друг от друга. Только поверхностное знакомство на уровне представления друг другу. Так что снисходительности я от него не жду. Только надеюсь на здравый смысл.

— А что говорит полиция? — нахмурившись, спрашивает Агата.

— Ничего, — пожимаю плечами я и откидываюсь на спинку кресла. — Забрали записи с камер видеонаблюдения, опросили всех, кто работал в эту смену, несколько посетителей, невесту и меня еще зацепили допросом. Но так как меня здесь не было, то и сказать я особо ничего не мог. Только обещал всячески содействовать. Вроде как обещали прислать следователей с утра.

— Понятно, что ничего не понятно, — констатирует Агата. — А ты сам, что думаешь?

— Я не знаю, — закрываю руками лицо. — Илья говорит, что десерт готовила Анжелика. На камерах это вроде бы видно. Но она в состоянии шока сейчас. Говорит, что крокембушей в этот вечер делала не один десяток, но точно помнит несколько заказов без орехов. И, разумеется, клянется, что не добавляла их.

— Может пыль или какие-то остатки попали? — с надеждой спрашивает Агата.

— Все возможно. Оперативники, кстати, не исключали версию о несчастном случае. Скажи мне, это правда, что ты хотела заменить Анжелику?

— Не заменить, а присмотреться к ней, — хмуро отвечает Агата. — Это несколько разные вещи. Она плохо справлялась на кондитерке, и я подумывала перевести ее в холодный цех. Если я правильно помню, Андрей даже с ней беседу проводил. Она обещала исправиться. Она — хороший кондитер, но с нашим потоком справляется плохо. Ну а менять сладкое королевство на салаты... Сам понимаешь, — Агата разводит руками в знак того, что это так себе идея. — А почему ты спрашиваешь? И откуда ты знаешь вообще? Я разговаривала об этом только с Андреем, — хмурится она.

— Только с Андреем? И больше ни с кем? — хмурюсь и я.

— Да. Я не привыкла обсуждать кадровые вопросы с кем попало.

— Даже с руководством? — поднимаю бровь я.

— Ты меня извини, конечно, но мне точно виднее с кем работать на кухне, а с кем нет. В конце концов, я за нее отвечаю и спрос в конечном счете с меня. Даже будь Анжелика самый худший кондитер в мире, она — мой кондитер. В первую очередь мой! Я решаю, что с ней делать — уволить, перевести, обучить. Твоя задача — функционирующий ресторан и довольные клиенты. Моя задача — отдать вкусное блюдо вовремя.

— Ты права. Права, — горячо заверяю ее я. — Интересно тогда откуда об этом знает Илья?

— Ах, вон откуда ноги растут, — щурится Агата и скрещивает руки на груди. — Тогда тут как раз все понятно. Андрей поговорил с Анжеликой. Та в расстройстве поведала все нашей главной змее Лизоньке. По-моему очевидно как эта информация оказалась у Ильи.

— Да, твоя версия весьма правдоподобна, — киваю я.

— И что наговорил про меня наш дорогой управляющий? — язвительно спрашивает Агата. — Как обычно, что я никчемный шеф и мне не место здесь?

— Про никчемного речь не шла, но да, про место, он заикался не раз, — отвечаю я. — Он невзлюбил тебя с самого начала и причина его ненависти мне не ясна. Мы сильно поругались из-за этого.

— Поэтому он выбежал от тебя, как ошпаренный? — догадывается Агата.

— Да. Он уверен, что во всех наших бедах виновата ты. Бред, — отмахиваюсь я. — Я его не узнаю последнее время. Ведет себя просто отвратительно. Ну что ты напряглась?

Агата натянулась как струна в кресле и пристально смотрит мимо меня. Поза закрытая, руки и ноги скрещены. Этот разговор ей явно неприятен.

— Какая разница, что думает Илья? — я наклоняюсь вперед и протягиваю руку. — Главное, что думаю я. Наши с ним мнения диаметрально расходятся. И свое я донес ему предельно тщательно и громко. Поверь! Дай руку.

Я трясую открытой ладонью в воздухе и пытаюсь улыбнуться. Агата нехотя расслабляется, нагибается ко мне и кладет свою ладонь на мою. Я тут же хватаю ее второй рукой и крепко сжимаю обеими.

— Обвинять меня в случившемся — просто вершина хамства, — зло цедит Агата. — Меня даже близко в ресторане не было. И да, я сомневалась в Анжелике. Но не потому, что она плохой кондитер. Она профессионал высокого класса.

— Именно это я ему и сказал. Мне нечего от тебя скрывать, я говорю тебе чистую правду. Вот как есть, так и говорю. Даже самую горькую, которую тебе неприятно слышать. Не хочу чтобы между нами были недомолвки, — улыбаюсь я девушке. Та вроде бы смягчается. — Я в принципе, не думаю, что хоть кто-то виноват в случившемся. По крайней мере умышленно. Произошла роковая случайность! Да, трагическая. Но время вспять уже не вернуть, нам остается только двигаться дальше и как-то выбираться из всего этого. И я рад, что ты сейчас со мной. Твоя поддержка очень важна для меня. Один я бы не справился.

Агата, наконец, улыбается и опускает плечи.

— Ты же со мной? — спрашиваю я.

— Конечно, с тобой, дурачок! — смеется она.

Я тянусь к ней с поцелуем. Девушка хмурится, а я делаю самое жалостливое лицо на какое только способен. Поддавшись искушению, девушка движется навстречу.

В тот же момент кто-то отчаянно стучит в дверь. Мы едва успеваем отпрянуть друг от друга и принять максимально расслабленные позы, как в проеме показывается взъерошенная голова администратора Лизы. Удивительная способность появляться в ненужном месте в ненужное время.

— Марк Давидович! Ах, простите, — испуганно тараторит она. — Там посетитель...

— Мы закрыты, — строго говорю я.

— Да, но это... — она сглатывает.

Я хмуро смотрю на нее и, кажется, догадываюсь.

— Это Семенов, — шепчет она.

Я тут же вскакиваю и поправляю пиджак.

— Он что-нибудь говорил?

— Нет, сидит на месте своего сына.

Мои глаза округляются в ужасе. Я медленно поворачиваю голову и смотрю на Агату. Та тоже замерла. Это новость повергла ее в шок.

— Если хочешь, я пойду с тобой, — осторожно говорит девушка.

— Нет, — твердо отвечаю я, собравшись с духом. — Я пойду сам. Проверь пожалуйста кухню, вдруг ты найдешь там что-то... Что-то что покажется тебе странным.

— Хорошо, — кивает Агата.

Я выпрямляюсь, выдыхаю и твердым шагом устремляюсь на выход из кабинета.

Посреди пустого зала, за столиком для двоих, сидит Виталий Степанович Семенов. На том же самом месте, где двенадцать часов назад ужинал его сын. Грузный мужчина с огромными щеками, свисающими вниз. На голове почти не осталось волос, а те, что есть уже давно покрыты сединой. Ему далеко за пятьдесят. Дорогой пиджак от Ermenegildo Zegna едва застегнут единственной пуговицей, которая держится из последних сил на его огромном пузе и рискует вот-вот выстрелить со скоростью пули.

Мимо меня проносится Илья с тарелкой в одной руке. На ней возвышается крокембуш.

— Как вы просили, Виталий Степанович, — произносит Илья, ставя десерт на стол перед депутатом.

Он стоит несколько секунд в ожидании, но комментариев не поступает. И Илье приходится удалиться.

Семенов смотрит в одну точку — на десерт, который так и не доел его сын. Правая рука берет вилку.

— Виталий Степанович, — учтиво произношу я, подойдя к столику. — Примите мои искренние соболезнования.

Семенов не двигается. Кажется, он ничего не слышит вокруг. Я замираю в ожидании.

— Удивительное дело, — спустя минуту произносит депутат. Самую долгую минуту в моей жизни. — Как такая вполне обычная вещь может быть смертельно опасной. Орехи! Самое безобидное растение на планете. Ты знаешь ядовитые орехи, Марк?

— Нет, Виталий Степанович.

— Я тоже, — ухмыляется депутат. — А они вот! На тарелке передо мной, — он поднимает свой взгляд на меня и пронизывает меня серыми холодными глазами. — Что будет, если ты их съешь?

— Ничего, — коротко отвечаю я.

— Интересно. А как думаешь, что будет, если их съем я? — наклоняет голову вбок Семенов.

— Рискну предположить, что тоже ничего, — сглатываю я.

— Кто знает? Может для меня они тоже окажутся отравленными, — делает ничего не значащее лицо депутат.

Он крепко сжимает вилку и отламывает ей кусок десерта. Затем медленно несет ее к раскрытому рту. Еще мгновение и ореховый крокембуш скрывается внутри. Депутат сжимает губы, чтобы на вилке не осталось ни грамма крема, и достает ее изо рта. Он замирает ненадолго, а потом начинает медленно и вдумчиво жевать, перекатывая языком десерт. Когда первая порция успешно проглатывается, он тянется за второй и также медленно повторяет всю процедуру. Семенов доедает десерт, медленно смакуя каждый кусочек. Соскребает с тарелки все до последнего мазка крема, так, что она выглядит будто после мойки.

Все это время я стою и боюсь дышать. Не знаю, как вести себя в этой ситуации. Он богатый и влиятельный. Он только что потерял сына в моем ресторане. В МОЕМ, блядь ресторане! Что я могу ему сказать в этой ситуации?

Семенов со звоном бросает вилку на тарелку и с отвращением выковыривает языком остатки крема из зубов.

— Так себе еда, — констатирует депутат. Он поднимает глаза, смотрит будто сквозь меня. Они полны гнева и отвращения. — Ты лишишься всего, Марк. Я раздавлю тебя.

Глава 3. Агата

На кухне царит идеальный порядок. Сейчас не лучшее время для гордости, но я ощущаю именно ее. Какой бы ни была ситуация, повара остались при холодной голове. Нигде нет брошенных кастрюль, остатков еды или следов готовки. Все чисто, убрано и находится на своих местах. Все, кроме поваров. Ресторан пуст и это угнетает.

Репутации «Есенина» нанесен непоправимый ущерб, но боюсь что невозможность заполнить звезду Мишлен сейчас наименьшая наша проблема.

Я прохожу в кухню, понимая, что ничего здесь не найду. Надо смотреть чеки, а для этого мне нужен компьютер в кабинете Марка. Остаться на кухне не имеет никакого смысла, но я все же задерживаюсь. Пройдя на шефскую кухню сажусь за барную стойку и обхватываю голову руками. Не знаю как Марк справляется. Вся ситуация похожа на сошедший с рельсов поезд, который несется вперед со скоростью локомотива и безжалостно сносит все препятствия, оказавшиеся на его пути. И конца этой катастрофе не видно. Из размышлений меня вырывает знакомый голос.

— Привет.

Я вскидываю голову и киваю Андрею, стоящему в дверях.

— Как ты себя чувствуешь?

Я улыбаюсь. Все-таки Андрей отличный парень.

— Довольно неплохо, чего не скажешь о сыне депутата.

Мы синхронно морщимся от моих слов и на кухне повисает тишина.

— Как это вышло?

Андрей вздыхает, проходит в кухню и садится на стул, с другой стороны барной стойки.

— Хрен его знает.

Я присматриваюсь к су-шефу и замечаю следы усталости на его лице. Да уж, всех зацепил этот локомотив.

— Лица утверждает, что готовила без орехов, поставила оба десерта рядом, озвучив, что один для гостя с аллергией. Все. Дальше пирожные оказались в зале и что там произошло — загадка, — он разводит руками и опускает взгляд в пол. — Это моя вина.

— В смысле? — непонимающе смотрю на Андрея.

— Если бы я что-то решил с Анжеликой, а не ждал тебя...

Я прерываю его взмахом руки.

— Даже не думай. С таким успехом можно сказать, что это и моя вина тоже. Только это все роковая случайность. Да, парень погиб, но по нелепому недоразумению, не более того. Поэтому не смей себя винить.

Андрей кивает, но в глазах, я замечаю неуверенность в моих словах. Мне знакомо его чувство вины. Сама испытала его несколькими минутами ранее.

— Ладно, — он встряхивает головой и поднимает глаза. — Какие наши дальнейшие действия?

Полчаса мы обсуждаем план на открытие ресторана. Следователи пока не сказали когда мы можем открыть свои двери для посетителей, но мы должны подготовиться заранее. Неясно чего ждать — наплыва гостей, привлеченных трагедией или пустые столы по той же причине. Поэтому мы решаем, делать заготовки в привычном объеме. Излишек, в конце концов, можно будет заморозить. А в случае нехватки — вывести дополнительно персонал.

В ресурсах у нас проблем пока нет. Когда я снова захожу в кабинет Марка, натякаюсь там на полицейских в форме.

— Я не вовремя? Прошу меня извинить.

— А вы кто?

Я не успеваю ответить, потому что Марк меня опережает.

— Агата Александровна Лушкевич — шеф-повар ресторана. Агата, это капитан Соловьев и лейтенант Куцилин.

— Господа, — я киваю обоим и прохожу в кабинет. Сесть мне никто не предлагает. Марк поднимается со стула и жестом указывает мне на него. Я отрицательно мотаю головой и выжидающе смотрю на полицейских.

— Так-так-так, — лейтенант окидывает меня оценивающим взглядом и довольно хмыкает. — А где же вы гражданочка шеф-повар были, пока ваши повара людей травили?

— Во-первых, мои повара людей не травят, товарищ лейтенант. А во-вторых, я была и сейчас нахожусь на больничном.

— Что-то вы не выглядите больной. Что за хворь у вас, если не секрет?

— Мои проблемы со здоровьем к ситуации не имеют никакого отношения. Но если вам так угодно — у меня сотрясение мозга после аварии.

Я скрещиваю руки на груди и выразительно смотрю на полицейский сверху вниз. Мне совершенно не нравится их тон. сразу понятно, что они предвзяты. И судя по всему, разбираться в произошедшем они не намерены. Для них все предельно ясно.

— Господа, Агата Александровна вряд ли что-то добавит в нашем разговоре, потому что обладает еще меньшей информацией, чем вы. Если это все, что вы хотели уточнить, то я попрошу позволения откланяться. У меня еще очень много дел.

— Да, конечно, — нехотя мужчины встают. — Если что-то узнаете, незамедлительно сообщите.

— Разумеется, — Марк протягиваем им руку.

Ответив на рукопожатие, полицейские протискиваются мимо меня к выходу.

— Шеф, — лейтенант берет под козырек и подмигивает мне.

— Лейтенант, — смутить ему меня не удастся.

Когда дверь за ними закрывается, я сажусь в освободившееся кресло напротив Марка.

— Что они хотели?

— В сотый раз задать одни и те же вопросы. И так по кругу со вчерашнего вечера.

— На них давят?

— Скорее всего, — Марк трет ладонью лицо. — Семенов пообещал меня уничтожить.

— Ох, Марк.

Он поднимает руку, призывая меня молчать.

— Я понимаю его, он объят горем и жаждой мести. Но когда он успокоится, я думаю мы будем способны спокойно все обсудить.

Я закрываю глаза, не зная что сказать Марку в ответ. Его уверенность я не разделяю. Боюсь, что все самое страшное у нас еще впереди. Все, что я сейчас могу — быть для него поддержкой.

— Марк, поехали домой?

В тишине пустой квартиры трель телефонного звонка Марка кажется оглушающей. Я вздрагиваю от неожиданности и резко сажусь на диване. Марк, прижавшись ко мне всем телом, безмятежно продолжает спать. Убрав с глаз растрепавшиеся волосы, я трогаю его за

плечо.

— Марк, тебе звонят.

Мужчина ворочается, но не просыпается.

— Марк, — приходится несильно его потрясти. — Телефон разрывается.

Михельсон открывает глаза и мутным взглядом смотрит сквозь меня. Я улыбаюсь ему и сую телефон под нос. Пару раз моргнув, Марк все-таки берет смартфон, смотрит на экран и встает с дивана.

— Алло, — идя в сторону кухни, он отвечает на звонок.

Я снова ложусь на диван и широко зеваю. Кажется, бессмысленный фильм, который мы включили на телевизоре, сморил нас обоих и мы благополучно уснули на диване. Я поднимаю руку с часами и смотрю на время. Ого, мы проспали почти три часа, что немудрено. У нас выдалась бессонная ночь, а затем суматошное утро. Пока я думаю стоит ли встать или проще перебраться в кровать, в комнату возвращается Марк.

— Мне надо будет ненадолго отлучиться.

Я снова принимаю вертикальное положение.

— Зачем?

— Позвонил знакомый, меня могут сегодня принять в префектуре, попробую решить как-то вопрос с Семеновым.

— Ты думаешь, что он выполнит свои угрозы?

— Не знаю, но подстраховаться будет не лишним, — Марк переводит взгляд на телефон. — Я быстро в душ и в префектуру. Надеюсь, что за пару часов управлюсь.

— Хорошо, — я встаю с дивана и пытаюсь пригладить футболку.

— Ты можешь остаться.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Марк делает шаг ко мне и положив руку на талию притягивает к себе.

— Наоборот. Очень хорошая. Остайся, закажи поесть. Я скоро вернусь.

Он как кот трется носом об мою щеку, и я смеюсь.

— Марк, у меня даже смены вещей нет, только то, что я брала к Вере.

— Давай ключи, я заеду к тебе, хоть весь шкаф привезу целиком.

— Марк, я...

Я вздыхаю. Идея кажется заманчивой. Мне ужасно не хочется домой, ночевать в пустой квартире. Марсик остался в Новолисино с Верой, поэтому причин возвращаться домой у меня совершенно нет. Я снова вздыхаю и обнимаю Марка за шею.

— Ладно, я останусь. Но на ужин никаких заказных омаров, я что-нибудь сама приготовлю.

— Как скажешь, — мужчина звонко целует меня в щеку и скрывается в ванной комнате.

Я стою посреди навороченной кухни Михельсона и помешиваю соус в сотейнике. По квартире расползаются дурманящий ароматы базилика, тимьяна и красного вина. Из колонок стереосистемы доносятся звуки симфонического оркестра, в духовке томится свинина, а картофель закипает на плите. Я ловлю себя на мысли, что счастлива. Несмотря на все свалившиеся на нас неприятности, в данный момент времени мне просто хорошо. Готовить для Марка, ждать его дома и, в целом, быть с ним.

Хлопает входная дверь и через мгновение на кухне показывается сам Марк.

— Мммм, я и не знал, что такой голодный, — ведет он носом.

— Еще десять минут. Как раз руки вымоешь и переоденешься.

Марк не отвечает, и я разворачиваюсь проверить, слышит ли он меня. Опершись плечом о дверной проем, он стоит в проходе и задумчиво смотрит на меня.

— Что? — улыбаюсь я.

— Просто ты выглядишь на моей кухне так, как будто всегда здесь была.

— Я шеф-повар. Я так буду выглядеть на любой кухне.

Марк отрицательно качает головой.

— Нет, дело в не в этом.

Но в чем, он решает не уточнять, а молча разворачивается и уходит вглубь квартиры.

Мы ужинаем, обсуждая совершенно посторонние вещи. Такие как планы на выходные, желание выбраться за пределы Питера или ремонт моего Порше, который все еще не закончен. Когда с едой покончено, а посуда загружена в посудомойку, мы забираем со стола бокалы с вином и отправляемся в гостиную.

— Кино? — вопросительно выгибает бровь Марк.

— Лучше расскажи как прошла твоя встреча.

— Если честно, никак, — мужчина разводит руками. — Префект сказал, что поговорит с Семеновым, но скорее всего это гиблое дело. Семенов и так довольно принципиальный мужик, а тут вообще ситуация. И я могу его понять.

Я вспыхиваю.

— Конечно, это трагедии и горе, но при чем тут ты? От того, что он уничтожит твой бизнес, сына Семенов не вернет. Это все не имеет никакого смысла!

— Не заводись, — Марк кладет ладонь мне на руку в успокаивающем жесте. — Я справлюсь со всем. Ты думаешь, это первый депутат, который обещает меня уничтожить? Нет. Но где бы я сейчас был, если бы перед каждым пасовал. Все образуется.

Я сглатываю, ставшей вязкой слюну и смотрю на Марка.

— А что если он не успокоится пока не дойдет до конца?

— Значит мы так и проведем всю жизнь в борьбе.

— Я волнуюсь, — я кладу ладонь на щеку Марка и смотрю в его зеленые глаза.

— Я знаю. Просто доверься мне.

— Ладно, — я закрываю глаза и пытаюсь сделать вид, что Марку удалось меня убедить. — Я хочу завтра съездить за Марсиком, раз скоро мне выходить на работу. Можно я возьму твой Мерседес?

— Давай лучше Олег отвезет тебя?

— Не стоит, я прекрасно доеду сама.

Я вижу, что Марк колеблется и не могу понять причину. Но в том момент, когда я уже решаю спросить о ней, он кивает.

— Конечно, без проблем.

— Спасибо.

Остаток вечера мы проводим за просмотром очередной несмешной комедии. Медленно напряжение уходит, оставив после себя чувство тревоги и неуверенности. Я смотрю на экран телевизора, совершенно не воспринимая происходящее там. Больше всего мне хочется знать, что принесет нам завтрашний день.

Глава 4. Марк

«Есенин» открылся с горем пополам. Сначала зал и кухню тщательно осмотрели следователи. А когда, наконец, дали отмашку, что можно открываться, персонал приступил к тщательной уборке всех помещений. Все как единое целое бросились устранять последствия ужасного происшествия. Царила дружная атмосфера воодушевления. Позабыв старые обиды и споры, вместе мы открывали этот ресторан как будто заново. Официанты с администраторами и Ильей приводили в порядок зал, а повара под управлением Агаты драили кухню. Миг единения был настолько пронизывающим все окружающее, что я не выдержал и присоединился к ребятам, помогая как в зале, так и на кухне.

Вот в этой атмосфере веселья и дружелюбности, мы открыли ресторан уже через два дня после отъезда полиции. Но это была катастрофа. Обычно заполненный на половину ресторан во время завтрака был практически пуст, лишь пять занятых столиков. В обед, когда регулярно у нас была полная посадка, зал едва был заполнен наполовину. А на ужин к нам не пришел практически никто. Я успокаивал себя эффектом первого дня, но это повторилось и на следующий день, а потом следующий и еще. Трехдневная выручка едва могла покрыть наш обычный дневной оборот в будний день. Близилась выходная, и я все еще успокаивал себя тем, что на них все наладится.

— У «Ресторанного ревизора» вышел ролик, где он призывает не ходить к нам, — говорит Илья, задумчиво водя пальцем по экрану смартфона.

Мы сидим у него в кабинете и, несмотря на раннее утро, пьем десятилетний виски. В последние дни это уже стало традицией. Я допиваю второй стакан.

— Это кто? — хмурясь, спрашиваю я, поправляя штанину закинутой правой ноги на левую.

— Это блогер. У него свой канал на ютубе. Странно что ты не знаешь, — хмыкает Илья.

— Я далек от всего этого, — честно признаюсь я. — Не думаю, что блогер так страшен для нас.

— У него три миллиона подписчиков, — резонно замечает Илья. — Каждый выпуск имеет такие же охваты. Поверь, если хоть как-то и можно объяснить наш провал в последние дни, то только этим.

— Наша публика вряд ли сидит на ютубе и смотрит каких-то ревизоров, — скептически произношу я. — В сарафанное радио я еще поверю. В козни Семенова хоть как-то. Хотя надеюсь он все-таки остыл и одумался.

— О, брат! — протягивает Илья. — Боюсь, что это все совокупность факторов. И то, и другое, и третье сделали свое дело. И как результат — пустой зал «Есенина». Что будем делать?

— Не знаю, — качаю головой я. — Худшее что нам грозит это ребрендинг. Но это уйма денег. Нужно привлекать еще инвесторов, составлять дизайн-проект, новая мебель, новое меню, маркетинг. Это будет армагеддон.

— Я могу вложиться, если что, — осторожно говорит Илья.

— Ты? — прищуриваюсь я. — Когда ты успел разбогатеть?

Илья бросает смартфон на стол, отъезжает в кресле, кладет ногу на ногу и скрещивает пальцы обеих ладоней на животе. Поза закрытая, да он похоже хочет завести серьезный разговор, который ему не особо по душе.

— Ну ты мне не три копейки платишь. Я скопил. Сумма небольшая, но пополам мы потянем, — пожимает плечами управляющий. — Честно говоря, я давно хотел предложить тебе что-то подобное. Вложиться в какой-нибудь проект. В этот или какой-нибудь новый. Мне пора двигаться дальше, засиделся в управляющих.

Я хмыкаю. Эта идея не особо мне нравится. Илья и так последнее время ведет себя как последний мудак. И только на подготовке «Есенина» к открытию он немного остыл, и я стал узнавать своего прежнего друга. А если он будет моим партнером, боюсь на голове у него вырастет корона такой величины, что будет чиркать потолок над его рабочим местом. Впрочем, если все будет совсем плохо, его предложение можно оставить как запасной вариант.

— Что? — спрашивает Илья. — Тебе не нравится эта идея?

— Я этого не говорил, — поднимаю бровь я.

— Но и восторга не показываешь, — криво ухмыляется Илья.

— Это слишком неожиданная новость, чтобы быть в восторге.

— Ясно, — кивает Илья. — Ты не веришь в меня. Всегда меня недооценивал.

— Я лишь пытаюсь понять, как все это будет выглядеть. Ты меня удивил. Я не ожидал таких заявлений от тебя. Что ты хочешь? Чтобы я прыгал от восторга? Ну мы, по-моему, не в том возрасте. Тем более в такое время, когда поезд практически сошел с рельс...

— Вот именно, Марк! — Илья вскакивает и начинает ходить по кабинету. Он активно жестикулирует и явно раздосадован. — Поезд УЖЕ сошел с рельс и едет вниз к обрыву. Я предлагаю тебе помощь, а ты презрительно хмыкаешь мне в ответ!

— Презрительности я не выказывал, — едва разомкнув губы, говорю я. Откидываюсь на спинку кресла и занимаю наиболее непринужденную позу.

— А выглядело все именно так! — он останавливается и пристально смотрит на меня. — Мы в одной обойме уже сколько? Пять лет? Семь? Я тебя хоть раз подводил?

— Нет, — отрицательно мотаю я головой. — Но последнее время я тебя не узнаю. Твои выходки порой меня сильно удивляют. И это еще мягко сказано.

— Да уж кто бы говорил, — язвительно замечает Илья. — Я знал, что так будет. С самого начала знал. Дело ведь в ней, так?

— В ком?

— Не придуривайся. Ты прекрасно знаешь о ком я говорю, — Илья сжимает кулаки, а желваки на его шее выпирают. — О нашем шеф-поваре. Я сразу все понял, как только увидел, как ты на нее смотришь.

— Как я на нее смотрю? — вспыхиваю я.

— Как кот на валерьянку, как коала на лист эвкалипта. Ты же спишь с ней! Так?

— Тебя это не должно касаться, — тут же вскакиваю.

Мы смотрим друг другу в глаза. Воздух в комнате так напряжен, что кажется будто вот-вот засверкают молнии.

— Нет, это касается меня, Марк, — презрительно говорит Илья. — Еще как касается. Это из-за нее тебя почти месяц не было в ресторане, где мне одному приходилось разгребать все это дерьмо.

— Тебя для этого и наняли! — выплевываю ему прямо в лицо. Еще одно слово и его зубы полетят на этот дубовый пол.

— Вот и проявляется твоя сущность. Говорили мне...

Он не успевает договорить, как раздается трель смартфона. Если бы не этот звонок, кто знает к чему бы привел наш разговор.

— Да? — говорит в трубку управляющий, подойдя к столу. — Когда? ... Где это? ... Ясно. — он нажимает отбой и хмуро смотрит на меня. — Пойдем. Ты охренеешь, когда увидишь!

Мы продираемся сквозь толпу официантов и поваров, которая столпилась у дверей ресторана. Персонал заворуженно смотрит в одну сторону. Я выскакиваю на улицу и смотрю по направлению их взглядов. Прямо через дорогу стоит небольшой старенький минивен непонятной марки с открытым багажником. Около него возвышается приличных размеров лестница, опертая на громадный билборд. Двое мужичков на самом верху заканчивают свою работу — довешивают правый угол красно-черного плаката. На нем изображено испуганное лицо девушки, которая прижала обе руки к щекам и открыла рот. А сверху крупными буквами:

«ЖИЗНЬ — САМОЕ ДОРОГОЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ! БЕРЕГИТЕ ЕЕ! ЕШЬТЕ У НАС!»

И подпись ниже:

«ТРИ КИТА»

— Да бля-я-я-ядь! — ору я на всю улицу, сжимая кулаки.

Злость застилает мне глаза, я мчусь через дорогу к билборду. Отпрыгиваю в сторону от проносящейся мимо машины, которая истошно сигналит. Но бегу дальше, только отмахнувшись. Во мне два стакана виски и инстинкт самосохранения забился где-то далеко внутри.

— Эй вы! — ору я мужикам навверх, задрав голову. — А ну снимайте это говно нахер отсюда!

— Ты кто такой? — хмыкает один из рабочих. Он крупнее и на голову выше своего напарника. Светлые волосы на яйцеобразной голове подстрижены в короткий ежик.

— Хозяин этого ресторана! — указываю рукой на «Есенин».

Яйцеголовый опирается на поручни билборда, смотрит на меня сверху вниз и сплевывает вниз

— И? — коротко спрашивает он.

— Хули «и»? Я тебе сказал — снимай это говно!

— Ты хозяин билборда?

— Меня не ебет кто хозяин. Я сказал тебе снимать!

— Ну, раз ты не хозяин, меня не ебет, что ты сказал, — пожимает плечами яйцеголовый.

Ко мне сзади подлетает Илья и хватается за плечо.

— Пойдем, Марк. Они тут не причем, — говорит он.

— Ах, тебя не ебет, — ору я яйцеголовому. — Давай спускайся! Тебя это сейчас очень заебет.

— Да без проблем, — пожимает плечами мужчина.

— Марк, пойдем, — тянет меня за руку Илья. Я вырываю плечо из его хватки.

— Давай-давай. Сейчас ты быстро снимешь, все что повесил. И у хозяина разрешения не спросишь, — ору я.

— Марк! — уже кричит Илья, выскакивая передо мной. Он пытается посмотреть мне в глаза, схватив за плечи, но я все время выглядываю из-за его головы.

— Да я уже иду, — спокойно отвечает яйцеголовый, спускаясь по лестнице.

— Быстрее давай, — я пинаю лестницу, которая угрожающе покачивается.

— Э, бля! — срывается на крик, испугавшийся яйцеголовой. — Ты что долбанутый?

— Спускайся, не останавливайся.

Ко мне подбегает су-шеф Андрей и еще двое здоровых поваров из ресторана — один горячего цеха, а второй, как ни странно, кондитер.

— Марк Давидович, вам нужно успокоиться, — испуганно произносит Андрей, возникая передо мной.

— Давай-давай, шевели ногами, — продолжаю я орать наверх.

— Уводите его, — бросает Андрею Илья.

Мужчины буквально хватают меня под руки и несут обратно в ресторан. Я пытаюсь вырваться, но тщетно. По пути еще выкрикиваю ругательства. Илья остается у билборда и о чем-то говорит с яйцеголовым. Видимо, успокаивает и приносит глубочайшие извинения. Плевать.

Когда меня подволакивают ко входу в ресторан из дверей выбегает испуганная Агата, в чепчике и фартуке.

— Что здесь происходит? — возмущенно восклицает она. И тут же замирает в ужасе, глядя на билборд на другой стороне дороге. Ее глаза округляются, а рот непроизвольно открывается. — Охереть! — только и удается произнести ей.

— Боровиков, сука! — гневно произношу я, измеряя шагами свой кабинет.

Илья сидит в моем кресле за столом, а Агата аккуратно присела на краешек дивана.

— Ну, а что ты хотел? — спрашивает Илья. — Это черный пиар. Он использует ситуацию на полную.

— Я покажу ему ситуацию. Я ему такую ситуацию устрою, — продолжаю тираду я. — Нет, ну каков наглец! Еще и мою идею украл! Это же я пошутил тогда на приеме, что повешу билборд напротив его ресторана, а он...

— А он взял и воплотил в жизнь, — продолжает за меня Илья.

— Это же просто конец, — останавливаюсь я, кладу руки на пояс и запрокидываю голову. На потолке сидит муха и довольно потирает лапками, как будто злорадствует. Кажется, весь мир сговорился против меня. — До этого-то был конец, а этот жирный пидор вбил последний гвоздь в крышку нашего гроба!

— Может как-то связаться с хозяевами билборда? — осторожно спрашивает Агата. — Попросить снять плакат? Может заплатить двойную цену?

— Как ты себе это представляешь? — не отрывая взгляда от мухи, спрашиваю я. — Позвонить — «Здрасьте. Нам тут этот плакат не нравится. Можете его снять? Вот вам куча денег». Так?

— Я всего лишь пытаюсь найти выход, — пожимает плечами Агата. — Накидываю идеи. Пускай даже безумные.

— Отличная идея — выдавать безумные идеи, — закатываю глаза я и смотрю на нее. Девушка хмурится. — Только этого нам сейчас и не хватает — безумства!

Илья притих и пристально наблюдает за нашей перепалкой. Кажется, он получает удовольствие от этого.

— Нет, лучше стоять, пялиться в потолок и причитать, что все пропало, — зло говорит Агата.

— Ну давай, все бросим, и побежим сами снимать все, что они там навешали, — язвительно произношу я. — А что? Отличная идея! Это же лучше, чем стоять и причитать.

Отберем лестницу у тех мужиков. Андрей и ребята их скрутят. Ты поддержишь лестницу, а я с твоим шефским ножом полезу наверх. Этого ты хочешь?! — срываюсь на крик я.

— Не кричи на меня! — повышает голос Агата. — Я только пытаюсь помочь!

— Спасибо, помогла!

Глава 5. Агата

Я иду по коридору в сторону кухни и пытаюсь унять трясущиеся от злости руки. Конечно, вся ситуация — огромный стресс для Марка, но все же это не повод повышать на меня голос. Противный голос в моей голове зудит о том, что этого следовало ожидать заводя отношения со своим начальником. Только вот мне от этого не легче.

Я врываюсь на кухню и замираю. Всегда оживленная, гудящая сейчас она выглядит пугающе тихо. Повара спокойно переговариваются между собой, не слышно несмолкаемого стука ножей по доскам. И это разбивает мне сердце. Я думаю о Марке и осознаю, что ему гораздо тяжелее, чем всем нам вместе взятым. На его глазах рушится дело всей его жизни.

— Марк Давидович в ярости? — передо мной возникает Андрей.

— Не то слово, — качаю я головой.

— Не представляю какого ему сейчас, — вздыхает Андрей и проходит мимо меня дальше в кухню.

— Я тоже, — шепчу ему вслед. — Я тоже.

Яркий солнечный свет выглядит как издевательство. Я щурюсь от солнца и лезу в сумку за очками. Спрятав глаза за темными линзами, достаю телефон и захожу в приложение для аренды автомобилей. Пока Порш в ремонте приходится использовать каршеринг. Марк предлагал мне взять Мерседес на все время, но уверена, что сотрудники ресторана не раз видели его за рулем этой машины и поэтому решила отказаться. Пока я ищу ближайшую свободную машину всплывает окно с смс-кой от Марка.

“Нам надо поговорить.”

Я все еще сержусь на него, поэтому смахиваю диалоговое окно и нажимаю, чтобы забронировать выбранную машину, стоящую за углом. Повернувшись, я натываюсь глазами на билборд и новая волна гнева поднимается внутри. Как это подло и низко даже для Боровикова. И ведь это сделано не с целью рекламы, а для того чтобы задеть и унижить Марка. Надеюсь никому не хватило ума снять на видео утреннее шоу и выложить в интернет. От этой догадки все внутри холодеет, и я снова лезу в карман брюк за телефоном.

— О, нет.

Первый же ролик в поисковике во всей красе демонстрирует как Марк, с трудом избегая столкновения с машинами, несется к рабочим, устанавливающим билборд. Вот к нему присоединяется Илья, а потом Андрей с двумя поварами. Марк кричит и размахивает руками. Я закрываю глаза. Это точно никак не поспособствует возрождению имиджа ресторана и Марка. А самое противное, что судя по ракурсу, снимали со стороны “Есенина”.

Сев в арендованный Кашкай, я открываю список контактов в смартфоне и долго смотрю на телефонный номер, по которому собираюсь звонить. Не знаю, что мне это даст, но попытаться стоит. Глубоко вздохнув, я подключаю телефон к автомобилю, набираю номер и, слушая длинные гудки, выезжаю с парковки.

— Агата, милая, не ожидал, что ты позвонишь, — я стискиваю руль и пытаюсь унять бушующую во мне злость.

— Лев, здравствуй.

— Дай угадаю, ты поняла, что крейсер по имени “Есенин” скоро пойдет ко дну и решила вернуться в родные пенаты? Прости, не хочу тебя разочаровывать, но я смогу тебе предложить только место су-шефа. Ой, что? А нет, Петрус говорит, что только что нанял

кого-то, поэтому все что мы можем предложить тебе — повар холодного цеха. Ну что, ты согласна?

От его гадких слов внутри разливается горечь. Мне стоит больших усилий продолжить этот разговор в спокойном тоне.

— Нет. Я звоню не ради работы

— Однажды твоя гордость будет стоять тебе карьеры. И знаешь, я с удовольствием на это посмотрю

— Зачем, Лев?

— Что зачем?

— Зачем тебе был нужен этот гнусный билборд напротив “Есенина”?

— А что, обидно за Марка? Но кто-то же должен был осадить этого самовлюбленного и наглого выскочку. Почему не я?

— Но... — он не дает мне продолжить.

— Ты знаешь его сколько? Месяц, два? А я знаю несколько лет, с тех пор как он пришел в этот бизнес и решил, что может подмять под себя всех, благодаря своим деньгам, связям и имени своего отца. Марк без всего этого — пшик, пустой звук. Обычный среднестатистический мужик в дорогом костюме. И всем скоро предстоит это увидеть. А если ты достаточно умная, то успеешь свалить из “Есенина”, пока лавина рушащейся карьеры Михельсона не зацепила и тебя. А теперь, прошу меня извинить, но у меня еще много дел. Приятно было поболтать, Агата.

Он отключается. Я проглатываю ругательства рвущиеся наружу и пытаюсь сосредоточиться на дороге. Но мысли каждый раз возвращаются в ресторан и к попыткам придумать хоть какой-то выход из этой патовой ситуации.

Скорее всего на ресторане “Есенин” придется поставить крест. Как бы ни прискорбно было это принимать, но смерть в заведении не способствует его процветанию. Ни о какой звезде уж тем более не стоит даже думать. Для меня видится только один выход — полная смена концепции. Ребрендинг и путь с нуля. Только это может дать ресторану еще один шанс. При условии, что Семенов не задается целью уничтожить Марка как бизнесмена. Я вздыхаю. Каждая новая перспектива еще хуже предыдущей.

А город за окном автомобиля живет. Какое ему дело до того, что где-то умер человек и эта трагедия оказалась значимой не только для его родных, но и для людей, совершенно с ним незнакомых. Одна смерть, а столько жертв. Питер шумит, гудит и продолжает жить, как ни в чем не бывало. Отовсюду раздаются сигналы автомобилей, толпы туристов заполнили тротуары и везде слышится иностранная речь. С трудом преодолев все пробки в городе, я заезжаю во двор и нахожу свободное место. Завершив аренду выхожу из машины, когда сзади раздается голос, услышать который я ожидала меньше всего.

— Артем? Что ты тут делаешь?

Тема стоит прямо передо мной, и я замечаю насколько неважно он выглядит. Волосы всклокочены и, судя по всему, давно не мыты. Одежда вся в каких-то пятнах. Безумный взгляд блуждает по моему лицу.

— Нам надо поговорить, — он озирается по сторонам. — Поднимемся?

Я испуганно пячусь назад, подальше от мужчины, стоящего передо мной. Он дергается ко мне, но замечает страх в моих глазах и отшатывается.

— Ты меня боишься, ну да, конечно, — Тема проводит пятерней по своим грязным волосам и поднимает на меня взгляд. — Но нам надо поговорить. Это важно. И это касается

твоей Марка.

Имя мужчины он произносит полным презрения голосом, но больше не делает попытки приблизиться ко мне.

— Лучше, если мы поговорим дома.

Я смотрю на человека, которого когда-то любила и принимаю решение.

— Пойдем, — киваю Теме и иду к парадной.

Марсик радостно встречает Артема и тот садится на корточки, чтобы потрепать пса по голове. Мне странно видеть его здесь, гостем в квартире, которая когда-то была “нашей”. Артем озирается по сторонам, изучая обстановку.

— Ты ничего не меняла, — тихо произносит он.

— А ты думал я затею ремонт, после твоего отъезда? Это глупо.

Я прохожу на кухню, не проверяя следует ли он за мной.

— Ну да, ну да, — бормочет Тема себе под нос и идет следом.

Я киваю ему на стул, а сама облакачиваюсь на кухню. В кармане вибрирует телефон, я достаю его и сбрасываю звонок от Марка. Сейчас неподходящее время для нашего разговора.

— Так о чем ты хотел поговорить?

— О Марке.

— Это я поняла.

Артем вздыхает и извлекает из-под мышки какую-то папку, на которую до этого я не обратила внимание.

— На словах ты мне не поверишь. Поэтому сначала посмотри это, а потом мы поговорим.

Я недоверчиво смотрю на Тему, но все-таки забираю папку, которую он мне протягивает. Внутри нее какие-то бумаги, фотографии, счета.

— Что это?

— Это доказательства. Доказательства того, что твой ненаглядный Михельсон... — его голос срывается, Тема сжимает руки в кулаки и делает глубокий вдох. Успокоившись, он продолжает. — Того, что Марк пытался меня купить и того, что та девица, с которой ты меня застала тоже его рук дело.

— Господи, какой бред, — я перевожу взгляд на Артема. — Ничего более идиотского я не слышала.

— Я знал, что ты мне не поверишь. Поэтому подготовил эти документы. Они дорого мне обошлись, но я не мог позволить тебе оставаться в неведении.

— Артем, прекрати, пожалуйста. Между нами все кончено. И дело не в Марке. Дело в нас. Эти отношения себя изжили, нам уже давно не по пути. Поэтому, уходи.

Я скрещиваю руки на руди и смотрю на Тему сверху вниз. Он встает со стула и молча идет к выходу, но в дверях кухни оборачивается.

— Я не надеюсь, что ты меня простишь и мы начнем все сначала. Но Марк далеко на ангел, каким хочет всем казаться.

С этими словами он выходит из кухни, и через мгновение я слышу как хлопает входная дверь. Марсик подбегает ко мне и вопросительно заглядывает в глаза.

— Пойдем гулять, малыш, — шепчу я псу и иду в комнату, чтобы переодеться.

Вернувшись с улицы, я обнаруживаю на кухонном столе папку, которую оставил мне Артем. Я не верю ни одному его слову, но любопытство оказывается сильнее меня. Поэтому, налив себе чай, я сажусь за стол и открываю ее. Половина документов это какие-то счета,

переводы и транзакции. Счета получателей какие-то рекламные компании, а услуги — реклама канал Темы на ютубе. Счета отправителя разные, но чаще всего повторяется один и тот же номер. На другом документе я нахожу ответ на то кому принадлежит счет и эта информация неприятно удивляет меня. Марк спонсировал стримы Артема, только зачем? Я откладываю бумаги с цифрами и беру другие файла. Это досье на девицу, с которой переспал Артем. Фото анфас и профиль, приводы в полицию за проституцию, личное дело. Все, конечно, очень здорово, только это совершенно не подтверждает версию Артема. Я перелистываю страницу и натываюсь на запись беседы этой девушки с кем-то.

— *Вы Маркова Вероника, две тысячи первого года рождения, так?*

— *Так.*

— *Занимаетесь проституцией?*

— *Да.*

— *Как вы познакомились с гражданином Макаарским?*

— *Подошла к нему на улице, изображая преданную фанатку.*

— *Откуда вы знали где можно будет встретить гражданина Макаарского и что ему надо сказать?*

— *Мне подсказали.*

— *Кто подсказал?*

— *Какой-то тип.*

— *Поподробнее, пожалуйста.*

— *Меня нанял тип, дал бабок, сказал к кому где и во сколько подкатить. Что надо изображать фанатку и писаться кипятком от этого чувака. В общем, обычный заказ. Я все исполнила. Только он гад не предупредил меня, что там еще баба домой явится. Хорошо скандал не учинила, спокойная оказалась. Вот и вся история.*

— *Как зовут типа вы знаете?*

— *Представился Мироном, а так его зовут или нет уж не знаю.*

Я закрываю папку и сжимаю пальцами виски. Не может быть, чтобы Марк так поступил. Это низко для него. Но червячок сомнений уже поселился в моей душе и требует ответов. Я беру со стола телефон и смотрю на экран. Несколько пропущенных звонков и сообщений от Марка. Пока я раздумываю с чего начать разговор с Михельсоном, в дверь звонят. Марсик звонко лаает и несется в коридор. Я кладу смартфон на стол и иду открывать дверь. На пороге стоит Марк с букетом цветов и виноватым видом.

— Ты не отвечала на мои звонки.

— Я была занята, прости.

— Это ты меня прости, я сорвался, — он протягивает мне цветы и улыбается. — Можно войти?

Я отхожу от двери, пропуская мужчину внутрь. Мак заходит и начинает снимать ботинки.

— Не сердись на меня, просто все это выбивает меня из равновесия, еще этот чертов билборд, и я вспылел...

— Марк, — перебиваю я мужчину.

Стянув один ботинок, он поднимает на меня вопросительный взгляд.

— Ты знаешь человека по имени Мирон?

Глава 6. Марк

Вопрос Агаты застаёт меня врасплох. Стоя по-дурацки согнувшись, в одном снятом ботинке и глядя на нее, я лихорадочно соображаю, что ей ответить. Что она знает? Кто ей сказал? Как она к этому отнеслась? Тысячи вопросов вихрем проносятся в сознании. И я решаю выбрать осторожный путь.

— Имя довольно редкое, — отворачиваю голову, чтобы она не видела моих глаз и делаю вид, что снимаю второй ботинок. — Но парочку человек я знаю.

— В Питере живут два человека с редким именем и тебе они известны? — сильно удивляется Агата.

Я снимаю ботинок и выпрямляюсь. Девушка выглядит обескуражено. В ее глазах прострация. Значит, что-то она все-таки знает. Но как?

— Представь себе, — улыбаюсь ей я. — Также, как и с именем Агата, — кладу ей руку на плечо, притягиваю к себе и целую в щеку. Она не отстраняется, но и не отвечает на поцелуй. Никак! Даже бровью не повела. — А почему ты спрашиваешь?

Агата разворачивается и идет на кухню. Я иду следом за ней, в ожидании хоть какой-то конкретики. Мы проходим в кухню. Девушка кладет цветы на столешницу и достает вазу из навесного шкафа. Легким движением она открывает кран с теплой водой.

— Приходил Артем, — как бы невзначай говорит она, под шум льющейся струи.

Я округляю глаза. Сказала как само собой разумеющееся. Даже плечо не вздрогнуло. Артем, Мирон... Картинка очень размыта, но персонажи действительно взаимосвязаны.

— Вы до сих пор общаетесь? — холодно спрашиваю я.

— Нет, что ты? Мы не виделись с тех пор, как он убежал отсюда гольшом, — Агата закрывает воду, достает вазу из раковины и начинает вдумчиво ставить цветы в нее. — Он нагрел днем. Выглядит, кстати, неважно — весь грязный, сальный. Еще хуже, чем когда жил со мной...

— Мне кажется или слышу скучающие нотки? — поднимаю бровь я.

— Тебе точно кажется, — Агата оборачивается и улыбается по-доброму. Но тут же выражение ее лица меняется на озабоченное. — И тем не менее, он меня сильно озадачил.

— Чем же?

Агата скрещивает руки на груди и кивает на лежащую на столе папку.

— А ты сам посмотри, — холодно говорит она.

Я сажусь на стул, беру папку со стола и начинаю вдумчиво листать. Да-а-а. Досье собрано приличное. И Мирон засветился, и шлюха которую он нанял. Даже все транши, которые я пускал на рекламу его сраного стрима. Только это ничего не доказывает.

Я смеюсь и закрываю папку.

— А он очень находчивый. Пришел к тебе с компроматом на меня. Весь замызганный и растерянный. У тебя не возникло подозрения, что все это сшито на коленке?

— Возникло, но...

— Но зерно сомнения, уже посеяно и дало свои ростки, — заканчиваю за нее.

— Ростков пока нет, а вот зерно прочно сидит внутри. Мне еще тогда показалась странной вся эта его спустившаяся с небес слава.

— У чувака кончились деньги и свою славу он уже точно просрал. Приполз к тебе в надежде, что ты поверишь в это, и мы с тобой расстанемся. Очень благородно с его стороны.

Агата выдыхает, но продолжает стоять, скрестив руки на груди. Она отворачивается к окну и напряженно смотрит вдаль. Не понимаю ее чувств, не могу прочесть. И в тоже время у меня не поворачивается язык соврать ей. Последствия будут. Точно будут. Она будет чувствовать себя обманутой. Возможно, это тот вариант, когда сладкая ложь лучше горькой правды. Но я уже, и так, причинил ей достаточно страданий, а начинать отношения фактически со лжи, это низко. Вскрылось, значит, вскрылось.

— Как ты отреагируешь, если я скажу, что все, что написано в этой папке, правда? — спрашиваю я.

— Не знаю, — пожимает плечами Агата. — Мне не хочется в это верить.

— Почему?

— Тогда получается все неправда.

— Что неправда? — я встаю и смотрю ей прямо в глаза. Хочется подойти и взять ее за руку, но понимаю, что она сейчас не готова к такой близости. — Что человек проявил себя во всей красе? — выразительно смотрю на нее. — Что только малейшая уверенность в себе появилась, так нутро полезло наружу?

— Перестань, — опускает руки Агата и подходит к окну. Вся ситуация сильно бережит ей душу.

Я осторожно подхожу сзади и останавливаюсь на расстоянии одной ладони. Чувствую привычный запах ее духов — жасмин и сандал. Эта девушка заслуживает большего.

— Он ведь даже в больнице ни разу не навестил тебя. Вместо этого кувыркнулся со шлюхой. Даже ни на секунду не возникли сомнения. И да, я это знаю, потому что мне рассказали.

— Значит, все это правда, — проглотив тугую комоч, говорит Агата.

— Я не хочу тебе врать, — кладу руки ей на плечи. — Но иначе, как бы я показал тебе какой он есть на самом деле?

— Ты не имел права лезть в мою жизнь, — она дергает плечом пытаясь сбросить мою руку.

— Не имел, — хмуро говорю я. — Но должен был. Потому что хочу, чтобы ты была счастлива, а он отравлял твою жизнь.

Агата стоит спиной ко мне, и я вижу, как на ее шее вздувается вена. Мелкая дрожь проходит по ее телу, и я не пойму она плачет или злится.

— Агата, я... — я снова беру ее за плечи, но она уже с силой стряхивает мои руки и оборачивается. Глаза ее полны гнева, а верхняя губа зло приподнимается.

— Уходи, — цедит она.

— Но...

— Просто уйди, мне нужно побыть одной. Пожалуйста, — она серьезна как никогда.

— Разговор еще не окончен.

Я разворачиваюсь и иду к выходу с кухни. Останавливаюсь возле злополучной папки, беру ее в руку и с секунду смотрю на нее.

— Когда будешь думать над всей этой ситуацией, подумай еще о том откуда у твоего бывшего эта папка, кто ему ее дал и кому это может быть выгодно.

Агате нужно время, чтобы прийти в себя. Если бы я остался, это неминуемо привело бы к скандалу. Все-таки такие вещи нужно переваривать самой. Надеюсь, она придет к нужным выводам. Ну а если не придет, что ж, придется убеждать ее по-другому. Этот долбаный тюфяк. Похоже ему следует объяснить все куда более доступно. И ведь не испугался же.

Интересно откуда у него эта папка? Есть у меня пара догадок и все они могут оказаться правдивыми.

Я сажусь на заднее сиденье Майбаха.

— Поехали, Олег.

— Куда? — коротко спрашивает водитель.

— Пока не знаю, отъедь за угол. Агата смотрит в окно, не стоит нам здесь мельтешить.

Олег послушно трогается с места и паркуется у торца дома. Я лезу в смартфон. Вот номер, который мне нужен.

— Здравствуй, — раздается в трубке хриплый голос.

— Привет, Мирон. Нам нужно поговорить.

— У тебя проблемы.

— Да и еще какие.

— Я не спрашиваю, я констатирую факт. У тебя огромные проблемы, Марк. И мне кажется, ты даже не представляешь какие, — голос мужчины звучит глухо. Он прокашливается.

— Может ты меня просветишь, в таком случае? — настороженно спрашиваю я.

— Не по телефону. Приезжай через тридцать минут к Зимнему дворцу.

Ровно через полчаса майбах стоит на парковке в назначенном месте. Мирон точный как часы садится в машину. Мы пожимаем друг другу руки. Он выглядит озабоченным, даже несколько испуганным. Непривычно видеть угрюмого, всегда уверенного в себе человека, в таком состоянии.

Мирон расправляет полы пиджака, явно оттягивая начало разговора.

— Не тяни, — поднимаю бровь я.

— Знал бы ты как меня прессанули вчера, — мотает головой Мирон. — Тобой интересуются очень серьезные люди. И интерес их весьма платонический.

— Семенов? — спрашиваю я.

— Давай обойдемся без фамилий, — кивает головой он. Ох, уж эта конспирация. — Тебя пробивают по полной.

— Это они организовали тьюфяка с его походом к Агате?

— Ну не сам же он организовался, — усмехается Мирон. — Я же говорю, под тебя копают со всех сторон. Личная жизнь, бизнес, друзья, семья — все. Это кончится очень-очень плохо.

— Какие у меня варианты?

— У меня нет идей на этот счет, — хмуро произносит Мирон. — Все что я могу — это предупредить. И поверь, даже так, я очень рискую. А там сам решай, что тебе делать. К сожалению, на этом наши дорожки расходятся.

— Как-то ты быстро сдаешься, — хмыкаю я.

— Нет, Марк. Я не сдаюсь. Я отхожу в сторону, чтобы меня не задело, когда поезд под названием Марк Михельсон пойдет под откос. Ты можешь остановить падение поезда? Нет? Вот и я нет. Это не мой уровень.

— Мог бы свои эвфемизмы и по телефону сказать.

— Не мог. Я же не со зла. Это опасно для меня в первую очередь. Я очень хорошо к тебе отношусь. Даже слишком хорошо. Поэтому вот, — Мирон достает из внутреннего кармана пиджака флешку черного цвета. — Держи. Возможно, это хоть как-то поможет тебе в дальнейшем. Только смотри один, без свидетелей. И лучше завтра утром, чтобы я был уже

достаточно далеко от тебя.

Мирон уходит, а я сижу и смотрю в одну точку. Пальцы перекатывают флешку то слева направо, то справа налево. Семенов крепко за меня взялся. Как и обещал. Сначала отбирает у меня Агату подставив ей тьюфяка, затем Мирона. Что дальше? А дальше все. Как и сказал Мирон. Друзья, семья, бизнес. Нужно с ним поговорить. Расставить точки над «и». В конце концов, к кончине его сына я имею самое посредственное отношение. Все равно что обвинять дерево, с которого от урагана улетела ветка и убила человека. Но видимо его это мало заботит.

На смартфон приходит сообщение. От Кристиана.

«Нужно поговорить»

«Когда?» — спрашиваю я.

«Сейчас. Сможешь приехать в «Есенин»?»

«Буду через пятнадцать минут»

Олег доезжает до места за тринадцать с половиной. Я быстро выхожу из машины и твердым шагом иду в ресторан через главный вход. На глаза снова попадает пресловутый билборд, от чего непроизвольно сжимаются кулаки. В свой кабинет я захожу уже достаточно накрученный.

Кристиан сидит на привычном месте на диване.

— Что-то срочное? — игнорируя приветствие, спрашиваю я и пожимаю ему руку. Тот слегка привстает, протягивая ладонь.

Я так и остаюсь стоять. Кристиан возбужден, его, обычно тщательно уложенные, волосы взъерошены и торчат в разные стороны.

— Ресторан терпит убытки, — констатирует он очевидное.

— Это временное явление, — хмуро произношу я.

— Нет, Марк. Ты видел что стоит напротив ресторана?

— Не мог не заметить, — цежу я. — Поверь вся эта ситуация приносит мне гораздо больше беспокойства чем тебе.

— Не-е-ет, — нервно смеется Кристиан. — Ты похоже совершенно не понимаешь, что происходит. Ни о какой звезде теперь и речи быть не может. На «Есенине» можно поставить крест. А это значит, что и на ресторане в Китае тоже. Понимаешь? Нам теперь заказан туда путь. Никто не будет связываться с людьми, у которых в ресторане погибают клиенты. Это не тот уровень.

— Что ты предлагаешь? — хмуро спрашиваю я.

— Ну... тут два варианта.

Глава 7. Агата

Папка лежит на столе, и я ощущаю себя ее пленницей. А еще я чувствую себя преданной и обманутой. И, несмотря на все высокие мотивы Марка, мне не легче от его лжи. Он манипулировал Темой, мной и все это довольно низко.

Я хочу взять папку со стола, но чувствую как в кармане вибрирует телефон. Номер неизвестен.

— Алло, — настороженно отвечаю я.

— Агата Александровна, это Василий из сервиса. Ваш Порше готов и вы можете его забрать.

— Отлично, — я испытываю огромное облегчение. — Сегодня можно будет?

— Да, до десяти вечера выдача возможна.

— Спасибо, тогда сейчас приеду.

— Ждем вас.

Я стремительно собираюсь и снова открываю приложение для аренды машины. Сервис, в который Марк отгонял Порш, находится примерно в двадцати километрах от моего дома. Я спокойно успею к ним и заберу свою машину. Чувство потерянности немного отступает. У меня есть план на ближайший вечер, а поэтому думать о поступке Марка я буду позже. Когда немного успокоюсь.

Выбор машин в нашем районе оказывается невелик, и я арендую совсем потрепанное Поло. Машина дребезжит, подскакивает на всех кочках, и я начинаю волноваться о том, доеду ли до места назначения. Но, вопреки ожиданиям, Фольксваген меня не подводит, и, спустя час, я добираюсь до сервиса.

Когда все формальности улажены, я сажусь в Порш и с наслаждением нажимаю на кнопку запуска двигателя. Ремонт машины полностью оплатил Марк, моя рука тянется к телефону, чтобы написать ему сообщение с благодарностью, но перед глазами встает это чертова папка на кухонном столе, и ладонь так и зависает над сумкой.

Обида гложет меня. А самое главное, во мне горечью разливается чувство от которого потом слишком сложно избавиться — недоверие. Я не знаю как теперь доверять Марку и надо ли это мне. Больше всего я ненавижу ложь. А наши отношения начались именно с нее.

За этими размышлениями, я, практически, на автопилоте веду Порш в сторону дома. Вечерний Питер полон туристов, которых с наступлением темноты становится только больше. Город предлагает огромное количество развлечений на любой вкус: бары, дискотеки, ночные экскурсии, разводные мосты. С теплоходов плавающих по Неве доносятся музыка и крики радостной толпы. Внутри меня острым когтем что-то царапается, и я с удивлением понимаю, что это зависть. Я все-таки достаю телефон и ищу в контактах знакомый номер.

— Пойдем посмотреть как разводят мосты?

— Подруга, ты пьяная? — удивленно спрашивает Вера.

— Я серьезно. Когда ты в последний раз видела как разводят Дворцовый мост? А по Неве на теплоходе когда каталась? Давай поедem, а?

— Агат, ты с Марком поругалась?

Я замолкаю, но через минуту все-таки отвечаю.

— Не хочу об этом.

— Я-я-ясно, — тянет Верка. — Через сколько тебя ждать?

Я смотрю на часы на приборной панели и мысленно подсчитываю время на дорогу.

— В девять буду у твоей парадной.

— Хорошо, — Вера ненадолго замолкает. — Машину не бери.

Я смеюсь, сбрасываю звонок и нажимаю на педаль газа. Стрелка спидометра подбирается к восьмидесяти, и точно так же мое настроение медленно ползет вверх.

Мы плывем на теплоходе по Неве, перед нами на столике стоит бутылка шампанского Ruinart, тарелка с закусками из рыбы и мяса и блюдо с устрицами. Скоро начнется развод мостов и экскурсовод надрывается в микрофон об истории города, для людей, которые его почти не слушают. На верхней палубе ветер треплет волосы туристов и заставляет их зябко ежиться в тоненьких маечках. Но лето в Питере обманчиво.

Мы говорим с Верой о чем угодно, но только не о Марке. Подруга не спрашивает, а я не начинаю этот разговор. С того момента, как он ушел из моей квартиры, мы с ним не общались, если не считать двух смс. Он порадовался, что я забрала Порш из ремонта, а я поблагодарила за помощь. Вот и весь разговор. После второго бокала шампанского, мысли о Марке уходят на второй план. Мы вспоминаем нашу прогулку на теплоходе на выпускном вечере и заливисто смеемся. Я восторженно наблюдаю как подсвеченные яркими огнями величественные мосты медленно распадаются на две половины, в окружение грузовых судов, теплоходов и маленьких катеров. Баржи проплывают по Неве, преодолевая мост за мостом, туристы бесконечно фотографируются на фоне реки, а экскурсовод с ловкостью дирижирует этой толпой.

— Хочешь у нас переночуешь? — Верка смотрит на меня сквозь пузырьки в бокале.

— Да ну. Мне что каждый раз к вам переезжать, когда случается какая-то неприятность?

— Почему бы и нет. Ты нам, как родная, — подруга пожимает плечами и делает глоток вина.

— Спасибо, Вер. Вы мне, конечно, тоже, как родные, но я домой.

— Ну смотри.

Еще час мы катаемся на теплоходе, а потом пришвартовываемся у Дворцовой набережной. Она полна людей, и, кажется, что этот город никогда не спит. Мы вызываем с Веркой такси и, слегка навеселе, садимся на заднее сидение подъехавшего Мерседеса.

— Ты расскажешь мне, наконец, что за повод был у нашей вечеринки? — Вера смотрит в окно, и я вижу ее размытое отражение в стекле.

— Как-нибудь в другой раз.

— Все наладится, Агат.

Она берет меня за руку и несильно сжимает ладонь.

— Что бы не случилось, это пройдет. Ты со всем справишься и...

Вера не успевает договорить, потому что ее прерывает звонок моего телефона. Я смотрю на дисплей и перевожу взгляд на время. Сердце тревожно сжимается от дурного предчувствия.

— Алло, папа, что случилось?

— Я тебя не разбудил? — голос отца звучит устало.

— Нет, мы тут с Верой гуляем. Ты почему так поздно звонишь?

— Агаточка, ты только не волнуйся. Тут с мамой не очень хорошо. Врачи говорят, что опасность, вроде, миновала.

Я выпрямляюсь на сидении и сильно сжимаю телефон. Сердце начинает бешено колотиться, а паника накрывает меня с головой.

— Что с ней? — голос срывается.

Вера подается ко мне и на ее лице отчетливо проступает тревога.

— Сердце прихватило, она сейчас в кардиологическом отделении Покровской больницы. Доченька, ты прости, что я вот так ночью звоню.

— Ты сейчас где?

— Да тут же, сижу в больнице.

— Я сейчас приеду.

Верка вопросительно смотрит на меня, и я в двух словах описываю ей ситуацию. Таксист без лишних слов забивает в навигаторе новый маршрут, а я отрешенно откидываюсь на спинку сидения. Мысли вихрем крутятся в голове, но кроме страха ни одна не задерживается хоть на сколько-то. Страх потерять родителей, ужасный, мучительный, выработанный с детства. Он парализует и лишает способности трезво рассуждать. Сколько горьких детских слез было пролито, когда однажды в мою маленькую головку пришло осознание — родителей однажды не станет. И с возрастом этот страх никуда делся. Он трансформировался, но прочно поселился в душе. А сейчас он снова выбирается наружу и ледяными пальцами ужаса лишает меня кислорода.

Такси едва тормозит, а я уже выскакиваю на улицу перед входом в больницу. Отец сидит в приемном покое и выглядит так словно постарел на десяток лет. Я бросаюсь к скамейке с сиденьями и сажусь на корточки перед ним.

— Пап? Ты как?

— Дочка, — он кладет руку мне на голову, грустно кивает и смотрит куда-то за моей спиной. — Ой, Верочка, и ты тут.

— Здравствуйте, Александр Михайлович, — Верка садится рядом с отцом. — Как Нина Петровна?

— Не знаю, Верочка, доктор еще на приходил.

— Пап, — я поднимаю на него взгляд и понимаю, что он словно где-то не здесь. — Что с мамой?

В этот момент к нам подходит молодой врач, судя по всему, мой ровесник и задумчиво смотрит на нас.

— Я по поводу пациентки Самсоновой, — он опускает взгляд на документы и снова поднимает на нас, — Нины Петровны.

— Да, — я поднимаюсь и становлюсь между доктором и отцом, — Я ее дочь. Что с ней?

— У вашей мамы случился геморрагический инсульт. Другими словами, произошло внутримозговое кровоизлияние. Судя по всему, у нее была в анамнезе гипертоническая болезнь, что и привело к более серьезным последствиям.

Он сочувственно окидывает взглядом нашу скорбную процессию и продолжает.

— Вашу маму довольно быстро доставили в больницу, что позволило нам оперативно оказать ей первую помощь. Мы уже провели операцию, и сейчас опасность миновала, но пациентке Самсоновой нужно какое-то время провести в больнице. А дальше вам предстоит долгий путь восстановления. Сейчас вам стоит отправиться домой. Завтра можно будет навестить ее.

Кивнув нам в знак прощения, врач уходит. Я сажусь рядом с отцом и обхватываю голову ладонями. Все это похоже на какой-то непрекращающийся кошмар. Только это не сон и мне

нужно собраться. Я выпрямляюсь и перевожу взгляд не отца.

— Поедем ко мне, пап?

— Спасибо, дочка, но дома Люська голодная. Да и неудобно как-то.

— Тогда давай я к тебе.

— А хулигана своего ты куда денешь? Он же там один затоскует.

— Но пап...

— Нет, Агата. Я понимаю, что ты переживаешь, но все со мной будет хорошо. Ты лучше завтра заедь за мной, и вместе в больницу приедем. Хорошо?

— Хорошо, — я киваю и сжимаю руку отца.

Пока я вызываю такси, Вера успевает найти автомат с кофе и теперь отвратительная на вкус жидкость разливается по моему пищеводу. Бодрить она меня не бодрит. Глаза слипаются под действием выпитого ранее шампанского, усталости и нервов. Очень хочется забраться в постель, проснуться утром и оказаться в другой реальности. Где моя мама здорова, а отец бодрый и жизнерадостный. Посадив Веру в первую машину, я обнимаю отца.

— Мы что-нибудь придумаем, пап. Со всем справимся.

— Я знаю, дочка, — отец вздыхает. — Знаю.

— Ты уверен, что не хочешь остаться у меня?

— Уверен. Дома оно как-то спокойнее. Да и я не беспомощный старик.

— Ты же понимаешь, что если передумаешь, в любой момент можешь приехать и жить у меня сколько понадобится?

— Конечно. Спасибо, Агата.

Мы садимся в такси и едем. Путь до дома отца мы преодолеваем в полной тишине. Я смотрю в окно и перебираю в голове всех знакомых кто может хоть как-то мне помочь. В голову приходит слишком мало имен. Поцеловав отца на прощание, я, наконец, еду в сторону дома. Над Питером занимается рассвет. Бледным розоватым цветом окрашивается серое небо, постепенно высвечивая крыши домов. Метр за метром все становится золотым. Просыпаются первые работяги, автомобили с сонными шоферами за рулем лениво едут по проспектам. Дворники выходят на свою извечную войну с мусором. Город просыпается и живет.

К моей парадной такси подъезжает, когда день уже вовсю вступает в свои права. Я выбираюсь из машины и вдыхаю утренний прохладный городской воздух. Впереди меня ждет длинный и сложный день. Встреченная радостным лаем Марсика, я прохожу на кухню, где варю себе большую кружку кофе. Папка, которую принёс Тема, все так же лежит на кухонном столе. Я недолго смотрю на нее, а затем беру в руки. Открываю дверцу шкафа и засовываю папку в мусорное ведро. С этим я буду разбираться позже. Как бы мне не было обидно от того, что Марк действовал таким образом, это не причина для того, чтобы рушить наши отношения. Сделав глоток крепкого кофе, я сажусь на стул и достаю телефон. После третьего гудка мне отвечает сонный голос.

Глава 8. Марк

Я разворачиваю кресло и сажусь напротив Кристиана. Кладу руки на колени и пристально смотрю на своего со-инвестора. Он активно жестикулирует, пытаясь доказать свою правоту. Честно говоря, ни разу не видел его таким взволнованным. Даже, можно сказать, взбешенным. Обычно всегда спокойный, разумный, интеллигентный француз предлагает какие-то совершенно дикие вещи.

— Ребрендинг — это огромная сумма денег. Это сплошной геморрой! Ну как ты этого не поймешь? — говорит Кристиан, тряся обеими руками передо мной. — Мы только зря потеряем время. Новая концепция, новый интерьер, весь персонал разбежится. Где ты потом их будешь собирать?

— Я-то как раз все это понимаю, — спокойно отвечаю я. — И то, что Мишлен нам уже не светит тоже. Но твое предложение еще более безумное. Я не могу так рисковать.

— Да почему? Ты что мне не доверяешь? — почти рвет на себе волосы Кристиан.

Собственно говоря, нет. Хочу так ответить, но не могу. Мне еще с ним работать. Полчаса назад он предложил мне два варианта решения проблемы — продать ему ресторан (причем сумму предложил весьма посредственную), либо сделать вид, что я продал ему ресторан. План был прост. Я пишу ему фиктивную бумагу, и мы во всеуслышание об этом говорим. После трагичного инцидента, хозяин «Есенина» продает свой ресторан и все в таком духе. СМИ поднимает шумиху, в ресторане якобы проводится небольшая чистка, и новый хозяин больше не допускает подобных оплошностей. План хорош всем, только вот я не горю желанием продавать свой главный проект. Я вложил в него душу, в конце концов. С другой стороны, мертвый актив всегда будет тянуть меня назад. И я пока не знаю, как его оживить.

— Дело же не в доверии, — цыкаю я. — Продать тебе свою долю я не могу. Просто, потому что не хочу. Возможно позднее у меня и будут возникать такие мысли, но пока я вижу для себя непаханое поле возможностей. Да, придется попотеть. Да, придется вложиться, чтобы отмыть свое честное имя. Но сдаваться не в моих правилах. А что касается твоего фиктивного плана. Так одни СМИ будут кричать о том, что я ушел из проекта, а другие найдут информацию, что я все еще числюсь в соучредителях. Спасибо интернету, сейчас это нарыть, как два пальца об асфальт. Тем более, учитывая количество «доброжелателей» вокруг, — я рисую кавычки в воздухе двумя руками. — Даже если никто не захочет искать эту информацию, им помогут это найти.

— Блядь, ты же бизнесмен, — вскакивает с места Кристиан. — Почему ты... как это по-русски? Твердолобый! Вот — такой твердолобый? Я же предлагаю выгодную схему...

— Выгодную для себя, — перебиваю его я, глядя снизу вверх. — Я в проигрыше, как ни крути. И ресторан потеряю, и имя, и честь перед собой.

— Ты уже проиграл, Марк, — цедит Кристиан. — Вчера ко мне приходили влиятельные люди. Они с тебя не слезут же.

Так вот почему ты так занервничал. «Влиятельные люди» надавили на тебя. Смотри-ка как быстро они везде успели. Давят со всех сторон. Суки!

— Что же они сказали? — цинично спрашиваю я.

— Неважно, — вдруг потухает Кристиан. — Это совершенно неважно. Они много чего говорили.

Я вскакиваю с места и подхожу к нему вплотную. Недобро смотрю на него, наклонив голову и пытаюсь заглянуть в глаза.

— Нет, важно, Кристиан. Что ты им пообещал? — начинаю скрипеть зубами я.

— Не нависай надо мной, — Кристиан несильно пихает меня двумя руками в грудь, отчего я делаю полшага назад, чтобы удержать равновесие. Его глазки бегают, а дыхание сбивается. Боится, но все равно строит из себя героя. Безумный французишка. Я могу уложить тебя с одного удара. Его расхлябанное алкоголем и праздным образом жизни здоровье не выдержит и дуновения питерского ветерка. Но делать этого не собираюсь. Зачем?

— Я задал простой вопрос. Он все-таки касается меня, не находишь? — спокойно говорю ему я.

— У меня нет ответа на него. Смирись с этим, — выплевывает Кристиан.

— Окей, — поднимаю руки я. Разворачиваюсь, иду к своему креслу во главе стола и сажусь на него. — Тогда и ты смирись с тем фактом, что все твои схемы идут в жопу, — презрительно говорю я. — Ресторан я не продам. Точка!

— Прекрасно! — фыркает Кристиан. — Тогда это сделаю я.

Он показывает мне средний палец и стремительно выбегает из кабинета, столкнувшись в дверях с Ильей.

Прекрасно. Ссоры с бизнес-партнером мне сейчас только и не хватает. Сомневаюсь, что Кристиан пойдет на такой шаг, как продажа доли. Продать ее в текущих условиях можно только за сущие копейки. А он же утверждает, что он БИЗНЕСМЕН! Хотя, если «Есенин» будет приносить одни убытки, то его продажа станет лучшим способом избавиться от мертвого актива.

— Тут это, — говорит Илья, морщась. Он слегка удивлен таким поведением Кристиана, но ничего не говорит. — К тебе арендодатель пришел. Вернее, его представители. Мнутся там у входа.

— А что они хотят? — вскидываю бровь я.

— Без понятия, — пожимает плечами управляющий и усмехается. — Со мной говорить не пожелали. Видимо, слишком мелко для них. Кстати, я эту парочку раньше не видел.

— Ясно, что ничего неясно, — вздыхаю я. — Ну пусть заходят.

Через три минуты на пороге появляются двое — парень и девушка. Дорого одетые и ухоженные. Девушка сжимает в руках папку.

— Добрый день, — почти синхронно говорят они.

— Да, здравствуйте, — отрывисто отвечаю я.

— Не буду ходить вокруг да около, — продолжает девушка. — Мы повышаем вам аренду в два раза, — она кладет папку на стол. — Здесь все подробности.

Как меня задолбали эти папки! Одни проблемы от них. В этой вот, например, новый договор с просто кабальными для меня условиями. Аренда вырастает в два раза. Ресторан, и так, терпит убытки!

— Мне казалось, в нашем договоре четко прописаны условия подъема аренды, — задумчиво говорю я, перелистывая страницы. — Не более пяти процентов в год.

— Да, у нас будут издержки, — кивает девушка. Они, кстати, так и не представились. Но сомнений в том, что они от арендодателя у меня не возникает. С Максом — хозяином здания — мы давно дружим. Но сейчас он живет на Бали, если мне не изменяет память. И связь с ним только через посыльных. — Но мы готовы на это, с учетом новых вводных, —

продолжает девушка. — Сомневаюсь, что даже в текущих условиях, ваш ресторан продержится здесь хотя бы квартал.

Да они просто выживают меня отсюда! Либо подписывай и плати им конский ценник, либо не подписывай и собирай манатки отсюда. В любом случае они в выигрыше. Желających открыть на этом месте ресторан будет пруд пруди. Да жирный хряк Боровиков засверкает пятками и откроет здесь заведение назло мне.

Я кладу папку и хмуро смотрю на своих визитеров.

— Все понятно. Вы свободны, — говорю я.

— Нам нужен ответ сейчас, — пытается возразить девушка.

— Ответ будет завтра, — настаиваю я. — И возражения не принимаются, — затыкаю я, открывшую рот девушку.

Они в смятении удаляются, а я остаюсь наедине с самим собой. Я беру телефон и хочу набрать Агате. Есть огромное желание поехать к ней, лечь рядом и уткнуться носом в ее мягкие волосы. И спать так до утра. Днем мы списывались, она сказала, что забрала машину из сервиса, но на этом все. Я тогда посчитал это хорошим знаком — лед начал таять. А теперь даже не знаю.

Да черт с ним!

Я открываю недавние вызовы и выбираю ее номер. Телефон выключен. Что ж, это ожидаемо. Скорее всего легла спать и отключила, чтобы не будил. Значит еще немного злится. Ну ничего, утренний букет с курьером должен благотворно повлиять на ее настроение. К тому же, у меня будет повод написать ей, поинтересоваться понравился или нет. Ну или она первая поблагодарит, что будет еще лучше.

Мысли о творящемся вокруг пиздеце, я сознательно гоню прочь от себя. Мне нужно отвлечься, расслабиться. Если долго думать об одном и том же, хороших идей мозг не родит. Думая об Агате и завтрашнем дне, я решаю отправиться домой, где тут же валюсь на кровать и засыпаю.

Настойчивая трель телефона выводит меня из сна, но только наполовину. Я туго соображаю, что происходит и где я нахожусь. Хватаю смартфон — Агата.

— Алло, — говорю в трубку.

— Я тебя разбудила? Прости, — слышу такой родной голос в трубке.

— Нет, что ты, — пытаюсь успокоить ее я. — Я почти не сплю.

— Понимаешь, — мнется Агата. — У меня большая проблема.

— Говори, не тяни, — тут же просыпаюсь я и сажусь в кровати.

— Мама попала в больницу...

— Что с ней? В какую? Где ты сейчас? — не даю ей договорить и засыпаю ее вопросами.

— Я дома, — отвечает Агата. — Только что от нее. Я подумала, может ты как-то можешь поспособствовать? Я очень переживаю за нее, а лечащий врач такой молодой, говорил так неуверенно. У меня сомнения может ли он вообще правильно поставить диагноз.

— Я тебя понял. Скоро буду. Никуда не уходи.

Не дожидаясь ответа, я вешаю трубку и смотрю на часы — начало восьмого. Утро начинается с сюрпризов. Натягиваю первые попавшиеся под руку джинсы и бегу в ванную сполоснуть зубы после сна. Уже через десять минут выбегаю из дома, прямо на прохладный утренний воздух Питера. Какая же в этом городе отвратительная погода. Может и права

была Агата, когда говорила, что этот город не для меня, и я зря к нему привязался. Почему-то именно эта мысль мелькает у меня в этот момент.

Я прыгаю в Мерседес и несусь по улицам Питера к дому Агаты. В пути перебираю знакомых, которым можно позвонить в такой ранний час, но для любого из них это будет как минимум неэтично. После девяти можно будет озадачить этим вопросом Малиновского, у него своя огромная частная клиника, но сейчас я точно знаю, что он спит.

Резко торможу у парадной Агаты и буквально забегаю в любезно открытую пожилой соседкой дверь. Перепрыгивая через две ступеньки, я в два счета оказываюсь на нужном этаже и нажимаю на кнопку звонка.

Агата открывает дверь. Вид у нее неважный, похоже не спала всю ночь. Синяки под глазами и отекающие скулы — все спрятано под наспех сделанным макияжем. Волосы стянуты в тугую пучок на затылке.

Я без лишних разговоров тут же обхватываю ее руками. Девушка прижимается ко мне всем телом, и я чувствую, как она расслабляется в моих объятьях.

— Марк, я так боюсь, — шепчет она, прижимаясь щекой к моей груди.

— Что сказал врач? — кладу подбородок на ее макушку.

— Инсульт, — тихо произносит девушка. — Я вообще мало что поняла, врач сыпал каким-то терминами, как будто лекцию в институте читал. Вот просто по бумажке.

Я чувствую, как футболка становится влажной на груди.

— Эй, — я отстраняюсь и смотрю на Агату. Та поднимает голову. По ее щекам текут слезы перемешанные с тушью. — Отставить слезы!

Я наклоняю голову и легко целую ее в мягкие губы. Девушка отзывается, но без страсти. Рядовой поцелуй, чтобы снять стресс и дать понять, что она больше не злится на меня. Мне это греет душу, но я в любом случае помог бы ей.

— Так, собирайся. Я сам хочу поговорить с этим врачом.

Глава 9. Агата

Мы едем в Мерседесе Марка по улицам Питера, он сжимает мою ладонь в своей, и я чувствую надежность, исходящую от мужчины. Несмотря на все проблемы, обрушившиеся на Марка он все равно сейчас рядом со мной. Я легонько сжимаю его руку в знак благодарности, и он отвечает мне тем же. Мы едем в больницу вдвоем. Отцу я решила пока не звонить. От нервов я не могу найти себе место и беспокойно ерзаю в кресле машины.

— Все будет хорошо, — голос Марка звучит уверенно и это придает мне сил. — Мы со всем справимся. Вместе.

— Да, — я закусываю губу. — Спасибо, что пытаешься помочь.

Марк невесело хмыкает и снова сжимает мою ладонь.

— Ты всерьез предполагала, что я мог оставить тебя одну в такой момент? Никогда не позволю тебе решать проблемы одной, ясно?

Я киваю, выдавливаю из себя улыбку и отворачиваюсь к окну.

Мы подъезжаем к шлагбауму перед больницей, и охранник долго решает пускать ли нас внутрь или нет, но денежная купюра ускоряет его мыслительный процесс. Мы заезжаем на территорию и паркуемся недалеко от входа. У приемного покоя снова много машин скорой помощи, и мое сердце сжимается. Каждый день кто-то умирает, но почему-то сейчас смерть особенно близко подошла ко мне и нависает черной тенью над моей жизнью. Отогнав от себя невеселые мысли, я иду вслед за Марком, уверенно шагающим по направлению к регистратуре.

— Ты помнишь фамилию врача? — оборачивается он ко мне.

— Если честно, не уверена, что он вообще представлялся.

Марк кивает и подходит к окошку.

— Здравствуйте, с кем мне поговорить по поводу пациентки Самсоновой... — он вопросительно переводит взгляд на меня.

— Нина Петровна, — подсказываю я ему.

— По поводу пациентки Самсоновой Нины Петровны.

— Одну минутку, — молодая медсестричка щелкает компьютерной мышкой, что-то проверяя в компьютере. — Так, лечащий врач кардиолог Ларионов Максим Игоревич. Пройдите на второй этаж в ординаторскую. Доктор сейчас там.

— Спасибо, — обворожительно улыбается Марк, и медсестра покрывается густым румянцем. — Пойдем, — кивает мне мужчина.

На втором этаже отчетливо пахнет больницей. Запах хлорки, смешанный с запахом болезни и лекарств проникает в мой нос и меня начинает мутить. Я вспоминаю, что не ела со вчерашнего вечера, и кроме нескольких литров кофе в моем желудке ничего нет. По коридору снуют сотрудники больницы и изредка медленно проходят, держась за стены, пациенты. Я представляю, что сейчас где-то в одной из этих палат лежит моя мама и сердце сжимается от боли за нее. Марк летит вперед, сжимая мою руку, а я еле поспеваю за ним. Наконец, мы подходим к кабинету с табличкой на двери “Ординаторская”. Марк открывает дверь без стука и заглядывает внутрь.

— Здравствуйте, как я могу найти доктора Ларионова?

Молодой врач, с которым я разговаривала прошлой ночью, выходит к нам в коридор. Судя по его лицу он дежурит со вчерашнего вечера, и у него была точно такая же бессонная

ночь, как и у меня.

— По какому вы вопросу?

— Мы хотим уточнить информацию о пациентке Самсоновой.

Доктор переводит взгляд с Марка на меня и хмурится.

— Я же вчера все рассказал вам.

— Да, — Марк не дает мне вставить слово. — Но меня здесь не было, а у меня есть парочка вопросов.

— Вы, собственно, кто?

— Ее зять.

Я пытаюсь не измениться в лице от этого заявления, а Марк продолжает, как ни в чем не бывало.

— На самом деле у меня два основных вопроса. Первый — могу ли я увидеть ее историю болезни? И второй — можно ли транспортировать пациентку?

— Вы кардиолог?

— Нет, — Марк выглядит удивленным этим вопросом.

— Тогда зачем вам история болезни пациентки?

— Мы хотим перевезти ее в частный кардиологический центр и мне бы хотелось, чтобы доктор этого центра заранее ознакомился с диагнозом и всеми вашими заключениями.

Ларионов задумчиво переводит взгляд на меня, а затем снова на Марка.

— Как я уже говорил вашей супруге сегодня ночью, то кризис у пациентки миновал. Сейчас состояние хоть и тяжелое, но стабильное. И если произвести транспортировку по всем правилам, а это значит на спецтранспорте, подключенной к аппаратам, а не на такси, то это никак не отразится на ее состоянии.

Я понимаю, что его замечание вызвано не желанием усомниться в нашей адекватности, а, скорее всего, опытом из практики, но едва удерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— А история болезни, доктор?

С тяжелым вздохом врач кивает и скрывается в ординаторской. А я поворачиваюсь к Марку.

— Частный центр?

— У меня есть знакомый, который заведует в кардиологическом центре, я думаю, что там твоей маме будет оказано чуть больше внимания. Здесь может и хорошие специалисты, но слишком велик поток пациентов.

— Ты уверен, что ей там помогут?

— Уверен. Сейчас я отправлю историю болезни твоей мамы и все будет окончательно понятно.

— Хорошо.

Я устало выдыхаю и ищу глазами куда бы присесть. Но в этот момент из ординаторской показывается доктор с тонкой папкой в руках. Папка! Очередная папка, от которой зависит мое будущее. Я морщусь и отворачиваюсь к окну. Спустя минут десять Марк подходит ко мне.

— Мы можем ехать, врачи из центра готовы принять твою маму завтра. Сегодня здесь ее подготовят к перевозке, а с утра за ней приедет машина скорой помощи. И уже завтра ты сможешь ее навестить. Знакомый по телефону сказал, что все не так страшно как могло показаться на первый взгляд. Жизнь твоей мамы в безопасности, но предстоит не самый легкий путь реабилитации.

— Спасибо, — я кладу Марку ладонь на грудь. — Мне стоит позвонить отцу.

Он кивает, а я лезу в сумку за телефоном и набираю отца. Пока мы спускаемся, успеваю описать папе всю ситуацию и заверить, что завтра мы сможем спокойно навестить маму. С трудом, но все-таки отец соглашается сегодня остаться дома и отдохнуть. Я чувствую как давящая тяжесть постепенно исчезает с моей груди и выхожу на улицу вслед за Марком. Уже в метре от машины мне становится понятно, что что-то не так. А когда мы подходим ближе, я замираю с открытым ртом.

Все лобовое стекло Мерседеса залито красной краской. По кузову тянется такая же алая надпись “УБИЙЦА”. Все стекла забрызганы и издалека кажется, что машина залепана кровью. Марк с невозмутимым лицом обходит по кругу Мерседес и лезет в карман джинс за телефоном. Я же в шоке продолжаю смотреть на изуродованный автомобиль.

— Алло, привет. Мне нужен эвакуатор. ... Да, прямо сейчас. Адрес сейчас скину в Вотсап. ... Хорошо.

Мужчина отключает телефон и подходит ко мне.

— Марк, это... — я обвожу руками машину не в силах подобрать слова.

— Это пиздец.

Я поднимаю взгляд на Михельсона и понимаю, что он в бешенстве. Ладони сжаты в кулаки, челюсти плотно стиснуты, из глаз, практически, сыпятся искры.

— Марк, — я трогаю его за руку. — Может тут есть камеры?

Михельсон не отвечает, и не шевелится, только желваки ходят ходуном на его лице. Я вздрагиваю, когда он резко поворачивается в мою сторону.

— Он решил уничтожить все, что я люблю. Планомерно, шаг за шагом, Семенов хочет отобрать все что мне дорого. Только вот хрен ему! Не на того напал.

Марк снова достает смартфон и отходит от меня на несколько шагов. Я наблюдаю как мужчина ходит из стороны в сторону и активно жестикулируя, что-то выговаривает в телефонную трубку. Я снова перевожу взгляд на Мерседес и на мгновение мне становится страшно. Семенов настроен решительно. Ослепленный мстостью он не видит ничего вокруг себя. Но вот только становится ли ему от этого легче? Что-то я сильно сомневаюсь. Только как его остановить, пока он и правда не разрушил жизнь Марка?

— Давай я вызову тебе такси? — подходит ко мне мужчина.

— А ты?

— А я дождусь эвакуатор, а потом буду беседовать с охранником и поднимать камеры. Это все, конечно, может показаться кому-то забавным, только вот мне не смешно.

— Может мне остаться с тобой? — я беру его руку в свою и чувствую, как он немного расслабляется.

— Не надо. Это все может затянуться, — он переплетает наши пальцы. — Я как освобожусь сразу приеду к тебе. Договорились?

Мне не хочется оставлять его одного, но от моего присутствия пользы не будет, поэтому я согласно киваю, и Марк вызывает мне такси. Спустя пять минут я сажусь в Ауди А5 и отъезжаю от больницы. Перед глазами всю дорогу стоит изуродованная машина, в пятнах, так сильно напоминающих брызги крови. Я пытаюсь поставить себя на место Семенова и никак не могу. Не представляю, что способна так ненавидеть кого-то, но что я могу знать о чувствах человека, который потерял ребенка. Только объект его ненависти совершенно не имеет к этой трагедии никакого отношения. И то, что депутат этого не понимает, вызывает искреннее недоумение.

Машина быстро довозит меня до дома, и я торопливо поднимаюсь в квартиру Кажется, у меня развивается паранойя и каждую секунду я ожидаю, что снова что-то произойдет. Когда я вставляю ключ в замок замечаю, как дрожат мои руки. Но дома меня ждет только радостный Марсик, для которого весь смысл жизни заключается во вкусной еде, сладком сне и веселых играх.

Чтобы хоть как-то проветрить голову, я переодеваюсь, цепляю к ошейнику поводок и выхожу с собакой в парк. Мы гуляем целый час, когда урчание в желудке напоминает о том, что я все еще не ела. Я подзываю пса, и он, нехотя, плетется ко мне. Пока я пристегиваю поводок, ко мне с разных сторон подходят двое мужчин. Я выпрямляюсь и поднимаю на них взгляд. Они выглядят как злодеи из Американских комедий и меня начинает разбирать непроизвольный смех. Но когда один из них делает шаг в мою сторону все веселье моментально испаряется.

— Простите, вы позволите пройти? — я пытаюсь придать голосу уверенность, но это выходит не очень хорошо.

— Агата Александровна, нам надо с вами поговорить.

— Вы вообще кто?

— Мы всего лишь передадим вам сообщение, — второй мужчина тоже подходит на шаг ко мне, и я рефлекторно пячусь назад.

— От кого? — Марсик дергает поводок и бешено крутится на месте, придавая всей этой ситуации комичности.

— Это неважно. Но вы должны знать, что вам следует держаться подальше от Марка Михельсона, если вы не хотите лишиться всего что вам дорого. Вам следует поискать новое место работы, и нового мужчину. Господин Михельсон скоро перестанет быть надежным спутником, а, наоборот, станет источником проблем. И если вы не хотите, чтобы эти проблемы были вашими, вам следует прислушаться к предупреждению.

— Что вы несете?

Бред, который они произносят отрезвляет меня. Я сокращаю дистанцию между нами и вскидываю голову.

— Передайте своему хозяину, что ему не удастся испортить нам жизнь. Ни я, ни Марк не пойдём у него на поводу. А если ему вздумается еще раз прислать ко мне своих цепных псов, то я очень быстро натравлю на него полицию за преследование и угрозы и даже его депутатский мандат не сможет ему помочь. А сейчас, с вашего позволения, я пойду домой.

Я протискиваюсь между мужчинами и, гордо вскинув голову, направляюсь к выходу из парка. Но в моей груди начинает подниматься паника. Они взялись за Марка очень крепко. Если даже добрались до меня. Все это похоже на плохой детектив из девяностых. Запугивание, преследование, порча машин и угрожающего вида бандиты, подстерегающие меня у дома. Только это не Бандитский Петербург, а наша жизнь, и мне становится не на шутку страшно.

Глава 10. Марк

Как только такси Агаты отъезжает, я иду к машине и рассматриваю ее со всех сторон. Краска ничем не пахнет и уже почти высохла. Я дотрагиваюсь до верхушки буквы «У» в этой отвратительной надписи — она слегка влажная, но на руках не остается. Я пытаюсь отковырнуть ее ногтем. Приклеилась намертво. Сомневаюсь, что ее вообще можно будет отмыть.

Я еле сдержал себя при Агате, чтобы не сломать что-нибудь в гневе. Не надо ей видеть такое, хватит и той моей пьяной выходки с билбордом у ресторана. Мудрое поведение Агаты, ее переживания за меня, за эту машину, как за свою, отрезвляют меня. Рядом с этой девушкой я становлюсь лучше, однозначно.

Только что теперь делать? Вызывать полицию глупо — такое поручили либо шпане, либо иммигрантам. С обеих категорий взятки гладки. В противостоянии с Семеновым мне это не поможет, он сто процентов чист. Его даже не позлишь этим, только рассмешишь своими жалкими потугами. Но прекратить все это нужно, и, чем быстрее, тем лучше. Кто знает как далеко этот депутатишка может зайти?

Есть у меня два номера телефона по которым можно позвонить.

Но я так не хочу.

Вот правду говорят, со всеми нужно расставаться по любви, в хороших теплых отношениях. Я же по молодости постоянно сжигал за собой мосты, не думая о последствиях. Как странно, что давние ошибки последнее время преследует меня. Может пора их исправлять?

Я беру в руки смартфон и открываю телефонную книгу. Набираю в поиске три буквы, выбираю контакт и уже заносу палец, чтобы позвонить, но в последний момент передумываю. Смахиваю телефонную книгу в сторону и блокирую смартфон.

Нет.

Сначала пойду посмотрю, что там камеры записали. Все равно эвакуатор еще не едет.

На стойке регистрации у милой женщины средних лет, я узнаю где охрана и есть ли у них вообще камеры. Камеры есть, охрана в своей камерке — начало неплохое.

— Привет, дед, — говорю я пожилому морщинистому охраннику с усами, который выглядывает из темной комнаты с мониторами. Он среднего роста, тощий и беззубый. Могли бы, конечно, и попримичней нанять.

— Здоровее видали, — невпопад отвечает тот. Кажется, он с похмелья.

— У меня тут кое-что произошло, — издалека начинаю я. — У тебя есть камера на парковке?

— Есть-есть, да не про вашу честь, — бухтит дед. Точно с похмелья.

— А если подумать? — я протягиваю новенькую бумажку с изображением города Хабаровска.

— А если подумать — помогать людям надо, — жадно глядит дед на купюру. — Раз беда приключилась, че б и не помочь.

Он хватает купюру, комкает ее и убирает в карман. Как неаккуратно с деньгами! Ц... Я прохожу в мониторку и мы долго ищем нужную камеру. Дед невпопад тыкает по окошкам на экране, разворачивая все новые и новые, но совсем не те ракурсы. В конце я плюю, отбираю у него мышь и, согнав его, сажусь за компьютер сам. В два счета отыскав нужную камеру, я

разворачиваю ее на весь экран.

— Как тут время перемотать? — спрашиваю у него.

— А хрен его знает, — пожимает плечами дед. — Я сторож, а не оператор!

— Оператор, — цыкаю я. — Оператор на камеру снимает. А ты только в мониторы пялишься.

Дед снова пожимает плечами и тяжело вздыхает. Впрочем интерфейс оказывается не слишком сложным, и, после пары минут копаний, я нахожу необходимые мне функции. Перелистываю время на нужное и начинаю смотреть на ускоренном воспроизведении. Дед стоит за спиной и мнетя, поглядывая на дверь. Ждет кого-то?

На экране тем временем мы с Агатой подъезжаем к больнице, выходим и идем за руки внутрь. Спустя двадцать минут по полоске хронометража снизу экрана, из кустов плавной походкой выходит гражданин азиатской наружности. У него в руках металлическое ведро. Азиат опасливо озирается, а потом подходит к Мерседесу и достает из кармана кисть. Смачно макая ее в ведро, он вырисовывает на боку автомобиля свое необоснованное обвинение.

— Паразит какой! — возмущенно кричит дед у меня над ухом.

— Еще какой, — мотаю головой я.

Покончив со своим грязным делом, азиат смотрит на еще полное ведро краски, потом на машину, потом снова на ведро. Муки терзания длятся недолго и он размашисто выливает краску на лобовое стекло автомобиля.

— Еп твою мать! Скотина такая! — орет дед. — Это ж ни хрена ж себе происшествие!

— Прямо с языка снял, дед, — хмуро произношу я.

Смотреть как мою машину сверху донизу обливает краской какой-то иммигрант неприятно. Даже может больно. Я любил этот Мерседес. Всегда относился к вещам трепетно, а к дорогим машинами подавно.

— Так, дед, а можно эту запись как-то себе получить? — спрашиваю я.

— Конечно, забирай. Паразит такой надо же. Стояла машина никому не мешала, — праведно ворчит старик.

Легко сказать забирай. Где ее вообще найти у них тут? Не придумав ничего лучше, я просто отснял нужный мне фрагмент на телефон. Если эта запись мне нужна будет в оригинале, думаю у них она сохранится в архиве

Я встаю с кресла и оборачиваюсь.

— Спасибо, дед, — я протягиваю ему руку, тот несильно ее сжимает. — Выручил.

— Да-да. Пожалуйста, — бормочет старик. — Надо же сколько дерьма по улицам ходит. Ты уж найди его.

— Найду обязательно, — усмехаюсь я и кладу ему руку на плечо.

Я выхожу из каморки. После темного помещения, глаза слепнут от яркого света. Я пытаюсь проморгаться и чувствую вибрацию в кармане. Я достаю телефон.

Черт!

На экране высвечивается одно из двух имен, кому я так не хотел звонить.

— Да, пап, — говорю я в трубку.

— Здравствуй, сын, — слышу строгий голос отца. Мы не созванивались больше месяца. — Как дела? Что нового?

— Да вроде ничего, — пожимаю плечами я. Прохожу по холлу больницы и иду к дверям выхода. — Новостей тоже никаких.

— Да? — удивляется отец. — А что за билборд появился напротив «Есенина»?

Так и знал!

Вот так и знал, что он объявился не просто так. Все время пытается меня контролировать и поучать жизни. Почему рядом с ним, пусть даже и по телефону, я все время ощущаю себя маленьким, несамостоятельным мальчишкой? Я всю жизнь хотел выйти из-под его опеки. Из-под его постоянных нравоучений и навязывания мне чужой жизни. Он всегда хотел чтобы я поступил на юридический и стал адвокатом. Но как же велико было его разочарование, когда я бросил учебу и пошел пробовать себя в бизнесе. И даже когда я достиг успеха сам, без его помощи, то так и не добился его признания.

— Это происки конкурентов, — отвечаю ему, выходя из здания больницы. — Не обращай внимания. На меня взъелся один наглый боров. Ничего серьезного.

Еще полчаса назад я раздумывал позвонить ему или нет. А сейчас, когда он сам звонит мне, я испытываю стойкое сопротивление. Попросить помощи у отца, означает признать себя слабым, признать свое поражение и еще раз доказать ему его правоту. Марк Михельсон — это только куст рядом с огромным дубом — Давидом Михельсоном. Понимаю, что возможно глупо, но пока я постараюсь решить свои проблемы сам. Отец — это крайний вариант.

— Наглый боров — это ты про Боровикова или Семенова? — сердится отец.

Он в курсе всего! Откуда? Отец не перестает меня удивлять.

— Откуда у тебя эта информация? — нахмурившись, спрашиваю я.

— Есть у меня свои источники, — небрежно бросает отец. — Сын, Боровиков меня волнует мало — он никто. Но Семенов серьезная фигура. С ним шутки шутить не стоит. Чтс у вас произошло?

— А что, твои источники не снабдили тебя информацией в полном объеме? — хмыкаю я.

— Не время для иронии, — коротко говорит отец. — Отмахнуться от этого человека не получится. Он злопамятный! И злость в этом слове на первом месте не просто так. Я переживаю за тебя.

Надо же! Переживает. Впервые слышу от него эти слова.

Я стою возле Мерседеса, держа трубку возле уха и пытаюсь ногтем соскоблить засохшую краску с двери. Мечусь между тем, чтобы рассказать отцу правда или все-таки пока умолчать. Соблазн велик.

— Не вкусно покушал в «Есенине», только и всего, — решаю отложить правду на потом я. — Говорю же, ничего серьезного. Нам просто нужно встретиться и поговорить. Утрясти наши разногласия, так сказать, по-мужски. Но он пока не хочет меня слушать, вот и получается неприятная ситуация.

На том конце повисает тягостная тишина. Отец тяжело дышит в трубку, и я не могу понять его реакцию. Скорее всего он не поверил мне. Но это его проблемы. Или мои?

— Как скажешь, — вновь сердитый тон отца. — Заезжай на ужин как-нибудь. Мать будет довольна.

А ты? Ты будешь доволен?

Хочу задать этот вопрос, но вместо этого:

— Да, конечно. Спасибо, пап. Ты не против если я приду с девушкой?

— С той сисястой шмарой? Против! — гаркает отец. — Я задолбался объяснять матери, что это у девок мода сейчас такая.

Я смеюсь. Он всегда был против Люси.

— Нет, — отвечаю я. — С сисястой шмарой давно покончено. Сейчас я вместе с другой.

Она хорошая, умная, добрая. Скромная! Тебе и маме должна понравится.

— Ну ладно, — смягчается отец. — Если это не одна из тех клубных шлюх, которые вечно вьются возле тебя, то, конечно, приводи.

— Договорились, — говорю я и вешаю трубку.

Рука крепко сжимает смартфон. Я сам должен разобраться в этой ситуации. По крайней мере без помощи отца. Один из двух контактов отвалился сам собой. Значит остался всего один. Последний человек, кто мне может помочь. Я снова открываю телефонную книгу, ищу нужное имя и заносу палец над контактом.

Звук клаксона и шум двигателя прерывают меня. Возле Мерседеса останавливается эвакуатор. Из открытой водительской двери вылезает молодой парень. Он поднимает на лоб солнцезащитные очки-авиаторы и присвистывает.

— Вот это номер! — говорит он. — Такого я еще не видел.

Он спускается на асфальт и идет к Мерседесу, не отрывая своего взгляда от надписи на двери.

— А че это она? — спрашивает он, встав возле автомобиля и уперев руки в бока.

Я неподвижно стою с занесенным большим пальцем над экраном телефона и смотрю на него.

— Кто она? — спрашиваю его.

— Ну баба, — отвечает тот. — Аборт что ли заставил ее сделать?

Я смеюсь в голос и убираю телефон в карман. Да уж парень, если бы это была баба, которая сделала аборт, я был бы самым счастливым человеком. Хотя, такое даже в фантастическом романе представить сложно. Я бы никогда не попросил убивать своего ребенка. Пусть даже и не специально зачатого. Пусть даже и по ошибке. Пусть даже она и не хотела бы его.

— А че? — удивляется моему смеху. — Вот больница, вот машина. Почерк женский. Все сходится.

— Да уж, детектив, — смеясь, хлопаю его плечу. — В логике тебе не откажешь.

— Вот сука! — восклицает водитель.

Мы быстро грузим автомобиль на эвакуатор. Я называю адрес, куда нужно отвезти Мерседес, и они уезжают.

Я беру в руки смартфон и открываю приложение для вызова такси, как на экране появляется всплывающее сообщение от Ильи:

«Привет-привет. Это твой новый бизнес-партнер. Как дела? Нам нужно обсудить новую концепцию ресторана»

Глава 11. Агата

К своему дому я подхожу без приключений и других неожиданных встреч. Всю дорогу я размышляю стоит ли мне посвящать в эту “милую” беседу Марка и решаю все-таки этого не делать. Ему и так хватает проблем, чтоб еще волноваться из-за пустых угроз сошедшего с ума Семенова. А я уверена, что его угрозы за собой ничего не имеют. Одно лишь желание уколоть Марка, сделать ему больно, вынудив меня оставить его. Только я так просто не сдамся! Страх после разговора отступил, и я смогла трезво оценить ситуацию. Вряд ли Семенов готов всерьез причинить мне или Марку какой-либо вред, а со всем остальным мы справимся. Звонок телефона раздается когда я подхожу к парадной. На дисплее высвечивается имя Марка и перед моими глазами встает его лицо, когда мы обнаружили изуродованный Мерседес. И я окончательно решаю ничего ему не говорить.

— Алло.

— Все в порядке? — голос Марка звучит встревоженно.

— Да, — я откашливаюсь. — Все хорошо, мы с Марсиком гуляли в парке и уже подходим к дому. Ты скоро?

— Прости, но вряд ли, — Марк замолкает. — Позвонил Илья, надо ехать в Есенин.

— Что-то случилось? — я замираю от дурного предчувствия.

— Нет, но надо срочно обсудить некоторые вопросы. Не волнуйся. Как только мы закончим, я сразу к тебе. Надеюсь все это займет не очень много времени.

— Хорошо. Ты только заранее позвони, чтобы я что-то приготовила.

— Не в этот раз, — Марк смеется. — Ты сегодня отдыхаешь, а еду я беру на себя.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Только ты все равно позвони.

— Договорились.

Марк отключается, и я поднимаюсь домой. Переодевшись, я, наконец, усаживаюсь за стол, чтобы в первый раз за день поесть. Пока я жую, совершенно не замечая вкуса еды, в моей голове начинает формироваться план как можно помочь Марку в восстановлении репутации. Это, конечно, капля в море, но надо использовать любой шанс. Поговорив по телефону еще раз с папой, а затем и с Верой, я сажусь за компьютер.

Спустя час передо мной лежит исписанный блокнот с адресами центров и той помощью, которую мы можем им оказать. Четкий план приносит ощущение стабильности. Мы не будем бездействовать и сидеть сложа руки, наблюдая как рушится наша жизнь. Я уверена, что Марк согласится с моим предложением и это поможет нам вернуть ему доброе имя. Я так устала, что когда решаю посмотреть телевизор, не замечаю как засыпаю на диване.

Настойчивая трель звонка вырывает меня из тревожного сна. Я вскакиваю с дивана, абсолютно не понимая сколько сейчас времени. Марсик звонко лает и скачет около входной двери. Звонок не умолкает ни на секунду, отзываясь болью у меня в висках. Я бросаю взгляд за окно и понимаю, что на город уже опускаются сумерки. Кажется, со всеми этими проблемами у меня окончательно сбился режим.

Стянув растрепанные волосы в хвост, я подхожу к двери и легонько отталкиваю с прохода, безостановочно лающего, Марсика. Прежде чем открыть дверь, смотрю в глазок. На пороге стоит Марк, и я нервно смеюсь от паранойи накрывшей меня.

— Ты почему так долго не открывала? — Марк встревоженно осматривает меня.

— Я уснула и не слышала ни телефона, ни дверного звонка. Всю ночь провела на ногах, — развожу руки в стороны. — Проходи. Все нормально?

Мне кажется, что Марк мнетя, но он протягивает мне пакеты с едой, которые держит в руках и широко улыбается.

— Все хорошо, скучные вопросы бизнеса, не более того, — он кивает на пакеты, которые уже переключались из его рук в мои. — Я надеюсь ты ничего не имеешь против паназии?

— Не имею, — я отношу пакеты на кухню и начинаю накрывать на стол. — Как в ресторане?

— Все так же пусто, — морщится Марк. — Но я думаю, что людям нужно дать больше времени.

Мужчина подходит ко мне сзади, и обхватывает руками за талию. Я чувствую тепло его тело, когда он прижимается к моей спине. Он невесомо целует меня в шею, а затем кладет подбородок мне на плечо.

— Если мой замечательный шеф-повар проявит свое кулинарное мастерство, то все скоро забудут о трагическом происшествии и снова будут выстраиваться в очередь за едой, которой всегда славился “Есенин”.

— Ага, — хмыкаю я. — Именно поэтому ты отказываешься от кулинарных изысков своего замечательного шеф-повара и упорно кормишь меня едой из доставок.

— Моему шеф-повару стоит хоть иногда отдыхать, — Марк снова целует меня в шею. — А я просто стараюсь этому способствовать.

— Мммм.

По моей спине бегут мурашки, и я разворачиваюсь в кольцо его рук, обхватив мужчину ладонями за шею.

— Ты же знаешь, для меня готовка всегда в удовольствие.

— Угу, — говорит Марк мне в макушку. — А еще огромное удовольствие это выспаться.

Он сопровождает свои слова картинным вздохом, и я расслабленно смеюсь.

— Ладно, уговорил. Давай уже есть твою еду из доставки, раз сегодня я выспалась, а не готовила.

Марк обхватывает мой подбородок двумя пальцами и немного приподнимает голову. В его зеленых глазах вспыхивают игривые огоньки, и мурашки с моей спины перемещаются на предплечья. Мужчина медленно наклоняется, а во мне разливается горячее и тягучее предвкушение поцелуя. Когда губы Марка касаются моих, я прижимаюсь к нему всем телом и крепче обхватываю его за шею. Воздух в моих легких почти заканчивается, и я с трудом отрываю свои губы от губ Марка.

— Давай поедим, мне нужно тебе кое-что рассказать.

В глазах Марка мелькает замешательство смешанное с тревогой, и я спешно успокаиваю мужчину.

— У меня есть план, как можно попытаться вернуть твою репутацию.

Я расставляю еду на столе, достаю приборы и бокалы из шкафа. Марк привез столько еды, что мы можем неделю не выходить из дома.

— Ты настолько голодный? — обвожу я стол рукой.

— Еды мало не бывает, — ухмыляется Марк.

— Ты поэтому открыл первый ресторан?

— Именно, чтобы иметь неограниченный доступ к кухне.

Я смеюсь и разливаю по бокалам сок. Пока мы едим Фо-Хо с грибами и телятиной и фреш-салат с манго и курицей, я рассказываю Марку о том, что задумала.

— Мне кажется, эти два центра то, что нам надо. Сам посуди, ты — владелец нескольких ресторанов высокой кухни жертвуешь деньги в помощь благотворительной кофейне. Ты не просто куда-то переводишь бездумные транши, а четко понимаешь что и зачем делаешь.

Марк внимательно, и, что самое главное, заинтересованно слушает меня, поэтому я воодушевляюсь.

— Бариста в этой кофейне — воспитанники центра, которые в нем же и получили профессию. Ты поддержишь центр, кофейню, а также продемонстрируешь, что тебе не безразлична судьба сферы питания и обслуживания людей.

— Хорошо, с кофейней «Просто» я понял, — потирает подбородок Марк. — А что за второй фонд?

— Это фонд помощи бездомным «Ночлежка». У них есть акция «Ночной автобус». На нем каждый вечер курсируют волонтеры, чтобы накормить горячей едой бездомных. Можно связаться с центром и какое время обеспечивать этот автобус едой. Не просто переводить туда деньги, а еще и готовить на кухне «Есенина» для фонда.

Глаза Марка округляются, и я поспешно добавляю.

— Это звучит немного бредово, но «Ночлежке» помогают многие крупные компании, сам посмотри, — я открываю нужную страницу в поисковике и сую телефон Марку под нос. — Вот, в разделе «нам помогают компании» собраны все, кто оказывать благотворительность. Я думаю, что для «Есенина» это отличный шанс показать, что все сотрудники ресторана ценят человеческую жизнь. И те, от кого отказались, казалось бы все, нам не безразличны. «Ночлежке» так же можно жертвовать какую-то сумму ежемесячно, но еще и принимать участие в акции с автобусом.

Я поднимаю глаза на Марка, в ожидании его реакции. Он выглядит озадаченным, и я на секунду думаю, что лезу не свое дело. Но оставаться в стороне и наблюдать как дело всей его жизни идеи ко дну просто не могу. Наконец, я не выдерживаю.

— Ну, что ты думаешь?

— Я думаю, — Марк задумчиво смотрит на меня, — о том, что ты чудо.

Я нервно смеюсь от его слов, но мужчина и не думает улыбаться.

— Не смейся, я совершенно серьезно. Твой план звучит отлично, и я завтра же поручу сотрудникам связаться с фондами и выяснить какую поддержку мы можем им оказать. Мне и в голову такое не пришло, а ты мало того, что додумалась, так еще и все выяснила.

— Мне не безразлична судьба ресторана.

— Только ресторана? — Марк игриво шевелит бровями.

— Дай-ка подумать? — я делаю вид, что задумалась. — Ну может и не только. Может еще немного судьба его владельца. Только если совсем чуть-чуть.

Я развожу большой и указательный палец, так, что между ними едва остается пространство. Марк выгибает бровь и пододвигается ко мне.

— Всего лишь вот настолько? — кивает он на мою руку.

— Ну может настолько, — я развожу пальцы чуть шире.

— Маловато, — хмыкает Марк. — А я то думал, что интересен тебе хотя бы так же как и ресторан.

— Не-е-ет, — притворно закатываю глаза. — Никто не может соперничать с

рестораном.

Марк заливисто смеется, и я с удовольствием смотрю на него. Последние дни с лица мужчины не сходит хмурое выражение лица. Вечно сведенные брови, плотно сжатые челюсти, а его искренний смех, я забыла, когда слышала последний раз. Поэтому от этого звука в моей груди разливается тепло. Марк прекращает смеяться, но улыбка не исчезает с его губ. Мы недолго смотрим друг на друга, и я, наконец, встаю из-за стола. Марк поднимается следом.

— Помочь тебе убрать со стола?

— Нет, спасибо, — я собираю остатки еды в контейнеры, а грязную посуду ополаскиваю под краном. — Ты останешься?

— Если ты не против.

— Завтра я планировала съездить к маме, — пожимаю плечами. — Но это будет не раньше обеда, так что утром мне никуда не надо.

— Значит останусь, — Марк целует меня в щеку и направляется в комнату. — Кстати, — он оборачивается на пороге. — Я тут с отцом сегодня говорил. Они с мамой приглашают нас на ужин.

Я чувствую как холодеют мои ладони и поворачиваюсь с мужчине.

— В смысле нас?

— Ну меня и мою девушку. Ты же моя девушка, — Марк наклоняет голову набок, и улыбается уголками губ.

— Твоя, — таращусь я на него.

— Ну значит они ждут нас — тебя и меня. Ты не против?

— Эээ... Нет, конечно, нет. Просто это неожиданно, вот и все.

— В любом случае, это случится не в ближайшие пару дней. Просто я хотел тебя предупредить.

Он, наконец, выходит с кухни, и я прислоняюсь поясницей к столешнице. Вот тебе и новости. Ужин с родителями Марка. Очень не вовремя, да и вообще. Мы вместе что-то около месяца, я не готова к такому шагу. Как-то очень серьезно и официально. Паника накрывает меня как школьницу. Нет ничего страшнее, чем родители твоего мужчины, особенно в момент знакомства.

Из размышлений меня выдергивает звук полученного сообщения на телефон. Я ополаскиваю последнюю тарелку и ставлю ее в посудомойку. Когда машинка начинает набирать воду, ополаскиваю руки под краном и вытираю их полотенцем. На дисплее горит смс-ка от неизвестного абонента. Я нажимаю на экран и с удивлением вчитываюсь в послание:

«Говорят сегодня ты не стала прислушиваться к советам? Очень жаль. Мне казалось, что ты умнее. Подумай, стоит ли Михельсон твоей поломанной жизни?»

Глава 12. Марк

Пока Агата моет посуду, я лежу в комнате перед включенным телевизором и не смотрю его. В голове все время прокручивается наша встреча с Ильей. И да, это был очень сложный разговор:

«Когда я приехал, он поучал на кухне су-шефа Андрея, как правильно подавать рататуй.

— Я думаю нам стоит изменить подачу на ту, что была в мультике, — говорит Илья Андрею. Тот смотрит на него рассерженно, только пар из ушей не валит. — В одноименном мультике, — уточняет Илья. — Там все овощи нарезаны слайсами, а у нас что? Почему здесь кубики?

Я стою, прислонившись к дверному косяку входа в кухню. Меня скрывает стеллаж выдачи, они меня не видят, но я их и вижу, и слышу. Илья стоит ко мне спиной и в присутствии персонала кухни нравоучает су-шефа.

— Так лучше раскрывается вкус. Кубики меньше слайсов, на ложку попадает больше разных овощей. При жевании они распространяются по всей полости рта и задействуют больше вкусовых рецепторов. Так вкус воспринимается ярче и насыщеннее, — резонно вторит ему Андрей.

Су-шеф у нас, что надо. До конца будет отстаивать свою точку зрения, если считает ее наиболее правильной. Его брал поваром еще Жак, и он сразу показал свои амбиции и стремление идти до конца. При нем же Андрей стал су-шефом. И как они сработались с Агатой — просто сказка. А теперь Илья взялся его поучать. Влез туда, где ему совсем не место.

— Если овощи будут доведены до нежнейшего состояния и будут просто таять во рту, поверь, вкус распределится еще лучше, — стоит на своем Илья.

— Тогда они потеряют текстуру и станут кашей, — спорит Андрей.

— И к тому же, гости увидев у нас оригинальную подачу, как во всеми любимом мультфильме, только порадуются тому, что к нам зашли, — как будто и не слышит его Илья. — У нас сейчас трудные времена. Нам нужно чтобы гости ассоциировали нас с чем-то хорошим, добрым, теплым. А не с трупами!

— Что здесь происходит? — не выдерживаю я и выхожу из-за стеллажа.

Илья оборачивается и нервно улыбается. На лице Андрея мелькает облегчение.

— Учю свой персонал работать, — Илья выставляет руку открытой ладонью вверх. — Кто-то же должен этим заниматься. Шеф у нас постоянно на больничных, один из владельцев ресторана тоже где-то пропадает. Вот и приходится все тянуть одному.

Он смакует каждое слово, растягивая слова. Ему доставляет удовольствие этот диалог в присутствии подчиненных. Как же его возносит чувство собственной значимости.

— Интересный поворот, — подношу я руку к подбородку и провожу по нему пальцем. — Это ведь очень некорректные заявления, ты не находишь?

— Что именно? Правда? — смеется Илья. — С каких пор правда стала некорректной?

— Ну пойдем. Расскажешь мне свою правду.

Я разворачиваюсь, не дожидаясь его ответа, и иду прочь с кухни. Его самодовольное выражение лица меня очень злит, но я понимаю, что нужно держать себя в руках. Подхожу к своему кабинету и только берусь за ручку двери, как слышу проносающиеся за спиной шаги. Я оборачиваюсь. Илья пролетает мимо. Он останавливается возле соседней двери.

— Давай лучше поговорим у меня, — снисходительно говорит он.

Резко поворачивая ручку, он распахивает дверь и скрывается внутри. Похоже это месть. Я ушел с кухни, не дожидаясь его ответа — он разозлился и решил показать гонор. Как же человека меняет статус.

Делать нечего, я медленно продвигаюсь по коридору и захожу к нему.

— Ведь такая большая разница в чьем кабинете разговаривать, — произношу я, проходя в дверь.

— Да. Мне так захотелось, — говорит Илья, садясь за свой стол.

Я закрываю за собой дверь и сажусь в самое дальнее от него кресло. Если его наглая рожа будет рядом, боюсь она будет смята.

— С каких пор мы делаем то, что тебе хочется? — спрашиваю, кладя ногу на ногу.

— А ты не получал мое сообщение? — криво ухмыляется Илья.

— Я подумал, что это шутка.

— И поэтому так быстро сюда примчался?

— Я, и так, сюда ехал. Помимо твоих шуток у меня есть другие дела здесь.

— Боюсь даже представить какие, — вскидывает руки вверх Илья. — С сегодняшнего утра я твой полноправный соучредитель. Кристиан предложил мне бросовую цену за свою долю в ресторане. Мы подписали документы и, как говорят французы, вуаля — «Есенин» мой.

— Наполовину, — поправляю его я. — Даже немного меньше, потому что контрольный пакет все равно у меня.

— Сути дела не меняет. Мне переданы все полномочия Кристиана, и я могу делать практически все, что захочу. У тебя даже права вето нет.

— Да, таков был договор с Кристианом, — подтверждаю я. — И что же ты хочешь? Реформ, я полагаю.

— Ну кто-то же должен вытащить наш ресторан из этого дерьма, — снисходительно говорит Илья.

Дать бы ему по роже. И дня не прошло, как он босс, зато гонора прибавилось как у главы корпорации с десятилетним стажем.

— Это почетная миссия, — с трудом сдерживаю себя я. — Но боюсь тебе она не по силам.

— Я же говорил — ты никогда не верил в меня. А я вот, сижу здесь, и разговариваю с тобой на равных.

— Я не об этом, — теперь я делаю тон и улыбку снисходительными. — У тебя просто нет финансовой возможности вытащить этот ресторан из дерьма.»

Из раздумий меня вытаскивает Агата, которая проходит мимо комнаты, включает свет в ванной и захлопывает за собой дверь. Я представляю, как она сейчас будет принимать душ и просто не могу удержаться, чтобы не присоединиться к ней.

Я захожу в ванную, когда Агата активно расчесывает свои роскошные волосы, размашисто работая массажной расчёской.

— Я думал ты хочешь принять душ, — вскидываю бровь я.

— Именно это я и планировала, — озирается на меня девушка, но тут же отворачивает свой взгляд.

— Зачем тогда расчесывать волосы? — вскидываю бровь я.

— Ты что никогда не жил с девушкой? — нервно хихикает Агата.

Что-то странное происходит. Она напряжена и чем-то обеспокоена, как мне кажется.

— Жил вообще-то. Не с такими шикарными, как ты, но... — улыбаюсь я.

— Но таких странностей не видел, — заканчивает за меня она.

— Я не это имел ввиду, — в легком смятении говорю я.

— Да ладно, — снова нервный смешок. — Я не хочу намочить волосы. Видишь? — она стягивает копну резинкой. — Так хвост выглядит прилично.

— Ооо, — протягиваю я. — Очень практично. Что с тобой происходит? Что-то не так?

Я делаю шаг вперед и приобнимаю ее за талию. Прижимаю ее таз к себе, но верх ее тела отстранен, а руки опущены вниз.

— Все в порядке, — поджимает губы она.

— Что-то я в этом не уверен, — прищуриваюсь я.

— Просто... — запинается Агата. — Просто переживаю за маму.

— Брось, — по-доброму улыбаюсь я. — Завтра ей обеспечат лучший уход в этом городе.

Она в надежных руках, с ней все будет хорошо.

— Да-да, ты прав, — устало улыбается Агата. — Не могу отделаться от этих мыслей, только и всего.

— Все будет хорошо. Постарайся отвлечься.

Я притягиваю ее к себе и легко целую в губы. Она зажата, держит их сомкнутыми. Я целую еще раз, а потом еще и еще. Пока она наконец не тонет в моих объятьях. Ее рот приоткрывается. Я одними губами кусаю ее нижнюю губу, а моя правая рука спускается по спине пока не доходит до аппетитной попки. Пятерней сжимаю ее ягодичу. Сначала нежно, потом сильнее и еще сильнее, пока сладостный вздох Агаты не наполняет ванную комнату. Она тут же отвечает на мой поцелуй, жадно впиваясь в мои губы. Ее язык неуловимо танцует по моему рту. Я не сдерживаюсь, хватаю ее за обе ягодичи и рывком сажаю себе на бедра. Ноги девушки обнимают меня. Мы целуемся в едином порыве, страстно отдаваясь друг другу до последней капли. Мои руки активно массируют ее попку, то поднимаясь вверх и залезая под хлопковую футболку, то снова спускаясь вниз. Агата пальцами сантиметр за сантиметром изучает мою мускулистую грудь. Ее промежность трется о мой стоящий член, сквозь толстую ткань одежды, с каждым разом все плотнее и плотнее прижимаясь.

Когда возбуждение достигает апогея мы одновременно отстраняемся друг от друга, но остаемся прислонившись лбами. Я улыбаюсь, Агата почему-то смеется с открытым от возбуждения ртом.

— Какая ты вкусная, — шепотом говорю я, глядя ей в глаза.

— Ты тоже, — с придыханием отвечает Агата. — Пора переходить к главному блюду.

Слова девушки раззадоривают меня. Я снова впиваюсь в ее губы, но теперь беру инициативу в свои руки и первым засовываю свой язык. Девушка снова издает стон возбуждения. Я тоже уже не на шутку жажду ее, а член так и стремится порвать ширинку джинс.

Не в силах сдерживать себя, я чуть выше приподнимаю девушку и делаю высокий шаг прямо в ванну. Агата тихонько пищит, но ее язык так и продолжает искать мой. Я прижимаю ее к стене, коленом задевая рычажок смесителя. Вода настроенная на душ водопадом льется на нас, в мгновении ока насквозь промокая одежду. Холодная, черт. Но уже через секунду становится комфортно теплой. Такого в мои планы не входило, но как получилось.

— Эээй, — возмущенно кричит Агата с улыбкой на лице.

Ее мокрая футболка плотно облегает тело, показывая очертания возбужденных сосков.

Такой вид еще сильнее заводит меня. Я не даю сказать ей и слова, дальше закрывая ее рот своим. Рука в тот же миг залезает под футболку и нежно сжимает левую грудь. Агата уже тяжело дышит. В какой-то момент она просто открывает рот, запрокинув от возбуждения голову наверх, а пальцы с острыми ногтями впиваются мне в спину. Я воспринимаю это как сигнал и губами спускаюсь ниже к ее нежной шее. Легонько покусываю ее и целую языком, чередуя эти действия. Рука тем временем проводит по ее плоскому животу и добирается до пуговицы мокрых брюк. Ловко расстегиваю ее и оттягиваю вниз молнию ширинки. Пальцами поддеваю резинку ажурных трусиков и добираюсь наконец до самого сокровенного. Нащупываю гладкий бугорок, потом спускаюсь чуть ниже и совсем легонько провожу указательным пальцем по клитору. Протяжный вздох Агаты вперемешку со стоном, возбуждает меня еще сильнее. Я плавными круговыми движениями начинаю массировать клитор, сначала в одну сторону потом в другую, при этом мои губы не отлипают от ее шеи, а другая рука активно ласкает левую ягодицу. Агата снова стонет и впивается зубами в мочку моего уха.

Больно!

Но боль вскоре распространяется возбуждением по всему телу. К указательному пальцу, я добавляю средний и безымянный, уже ласкаю ее клитор всеми тремя, постепенно увеличивая темп. Чувствую как ее промежность намокает. Спускаюсь ниже, надавливая тыльной стороной ладони на клитор, а всей пятерней нащупываю половые губы и круговыми движениями уже ласкаю их. Рука, самазанная ее соками, движется очень плавно, органично. Двумя пальцами раздвигаю ее половые губы и ими же медленно, шагком за шагом, проникаю внутрь.

— Нет, — с придыханием произносит Агата, хватая меня за руку. — Так не хочу. Войди в меня по-настоящему.

Я отстраняюсь.

— Будет исполнено, моя царица, — улыбаюсь я.

Агата тяжело дышит и хищно смотрит на меня. Я быстро снимаю с нее футболку, потом брюки сразу с трусиками. Агата пытается снять одежду с меня, никак не может справиться с тугой пуговицей на мокрых джинсах. Я стаскиваю футболку с себя и помогаю ей. Она рывком стягивает с меня джинсы, опуская их до пола ванны ногой. Трусы тут же оказываются там же. Я снова впиваюсь в ее губы, руками пытаюсь прижать ее к себе. Сделать этого не получается — рука Агата хватается за набухший член и медленными движениями начинает водить вверх-вниз. Я высвобождаюсь наконец от джинс и отвечаю ей тем же — пальцами снова накрываю клитор. Мои движения ускоряются, движения Агаты тоже. Какое-то время мы мастурбируем друг другу, оттягивая главный процесс, как можно дальше. Агата вновь соскальзывает с моих губ и утыкается лбом в плечо, пытаюсь сосредоточиться на своих ощущениях. Она все сильнее и сильнее сжимает мой член от возбуждения, ни на секунду не останавливая свои движения. Я отвечаю ей тем же, пытаюсь поймать тот же ритм, что взяла она.

Удовольствие активно нарастает.

— О да! Вот так, девочка, продолжай, — шепчу я, добираясь до ее мочки уха и кусая ее.

Очередной стон Агаты, усиливает мое возбуждение. Я отстраняюсь от нее и резко разворачиваю спиной к себе. Агата легонько вскрикивает, но тут же оборачивается, лукаво закусив губу и пытаюсь разглядеть, что я делаю. Я слегка сгибаю ноги в коленях, правой

рукой сжимая член, а левой раздвигая ее булочки. Делаю одно точное движение вперед и попадаю прямо в цель. Агата вздрагивает и прижимается грудью к стене. У нее внутри так горячо и влажно, что я на мгновение замираю, войдя только на глубину головки, свыкаюсь с ощущениями и даю привыкнуть ей. Сжимаю половинку ее попки и одним резким движением вхожу полностью. Агата вскрикивает, но я не даю ей опомниться и начинаю медленно двигаться насаживая ее на всю длину члена. С каждым разом толчки становятся все жестче, все сильнее, все быстрее. А стоны Агаты с каждым новым толчком все громче и уже больше походят на крики. Я отлипаю от ее попка и берусь правой рукой за грудь. Сжимаю ее пятерней, ритмично двигая бедрами. Девушка, стоя на цыпочках, упирается ладонями в стену и пытается попасть своими бедрами мне в такт.левой рукой глажу ее спину, спускаюсь вниз к попке, а потом снова наверх, снова вниз и наверх. Хватаюсь рукой за ее мокрые волосы, девушка стонет и запрокидывает голову, страстно дыша. Я вижу ее напряженное лицо, губы облизываемые языком, ее полузакрытые глаза. Волна удовольствия охватывает меня. В ту же секунду, Агата начинает кричать все громче, ее лицо напрягается, правой рукой она хватается за ягодицу и сильнее притягивает к себе.

Протяжный сладостный стон разрывает ванную, отражаясь эхом от стен. Агата замирает и содрогается всем телом. Я чувствую волну ее удовольствия на своем члене и резко вытаскиваю его, обильно заливая спермой поясницу девушки. Содрогаясь в конвульсиях, прижимаю ее бедра к себе.

Струи теплой воды ручьями стекают по нам. Тщательно собранный хвост Агаты весь намок и растрепался.

Глава 13. Агата

Утром я просыпаюсь когда Марк уже ушел. На мгновение меня охватывает ощущение дежавю, но я отмахиваюсь от этого безосновательного страха. Если даже Марк надумает порвать со мной, вряд ли он снова улизнет ночью.

Беру телефон с тумбочки и смотрю на время. Часы на дисплее показывают почти одиннадцать утра. Давно пора вставать. Странно, что Марсик не разбудил меня. Я приподнимаюсь на локтях и замечаю на тумбочке сложенный лист бумаги. Интересно. Тянусь за ним и разворачиваю:

«Мне срочно нужно было уехать по ужасно скучным, но важным бизнес делам. Поэтому я решил тебя не будить. Марсик выгулян и накормлен. Как проснешься, набери. Твой М.М.»

Я улыбаюсь и набираю номер Марка.

— Привет, — после первого гудка отвечает он. — Выспалась?

— Не то слово. Уже не помню когда Марсик меня не будил. Кстати, спасибо, что погулял с ним. Надеюсь, он не умотал тебя.

— Будем считать, что это была моя утренняя тренировка, — смеется мужчина. — Когда ты поедешь в больницу?

— Сейчас соберусь, заеду за папой и сразу туда. Маму уже перевезли?

— Да, все в порядке. Так что ты как раз успеешь на часы приема.

— Спасибо за помощь.

— Брось. Я наберу тебя как освобожусь. Хорошо?

— Конечно.

Я отключаюсь и иду собираться в больницу. День проходит стремительно. Сначала я заехала за папой, и мы собрали вещи, которые могут пригодиться в больнице. Затем два часа провели с мамой в центре. Лечащий врач успокоил нас, сказав, что мама обязательно восстановится, но понадобится время. Когда я привезла папу домой обнаружила, что у него совсем нечего есть и несмотря на его протесты заказала продукты и приготовила есть. Поэтому, когда я возвращаюсь домой, то падаю в кровать и моментально засыпаю.

На следующий день, я захожу в ресторан за час до открытия, где меня встречает недовольный су-шеф.

— Все настолько плохо? — спрашиваю я.

— Все гораздо хуже чем могло бы быть.

— Вообще нет людей? Этот билборд так и висит напротив входа.

— Да я не про людей, — отмахивается он. — Я про Илью Владимировича.

Заинтересованная интонацией, с которой он произносит имя управляющего, я подхожу к Андрею.

— А тут давай поподробнее.

— Ты разве не в курсе? Он теперь совладелец «Есенина». И учит нас работать. Позавчера вот рассказывал мне, что подавать рататуй надо как в мультике.

Я удивленно смотрю на Андрея, не в силах поверить в то, что он говорит. Илья и совладелец ресторана? Быть этого не может.

— В смысле совладелец?

— Ну поговаривают, что Кристиан продал ему свою долю, но, в отличии от месье

Дюбуа, планирует принимать активное участие в жизни ресторана.

Я сажусь на барный стул и тру виски. Кажется, только что ситуация усложнилась еще сильнее. Хотя, казалось бы, куда уж хуже.

— А еще, есть подозрение, что новый управляющий...

Андрей не успевает договорить, потому что его прерывает недовольный голос.

— Вы бы так работали, как языком чешете.

Илья заходит на шефскую кухню и пристально смотрит на меня.

— Доброе утро, — я встаю со стула, стараясь скрыть раздражение. — Ты что-то хотел?

— Хотел обсудить с тобой подачу. Этот, — кивает он на су-шефа. — Отказался без тебя принимать решение.

— Этот, как ты выразился, не может их принимать. Даже если ты считаешь иначе. В ресторане есть шеф-повар и это не Андрей.

— Пока шеф-повар прохлаждается, а в ресторане умирают клиенты из-за безалаберности кухни, приходится владельцу заниматься всем, — Илья картинно разводит руки в стороны. — Вот, например, подачу некоторых блюд надо поменять.

— Зачем?

— Это привлечет свежую струю в заведение.

— Если ты хочешь свежей струи, можно внести изменения в меню. Подача уже особо не повлияет.

— Решила свое меню под шумок протянуть? С Марком в постели не договорилась?

Мне стоит больших усилий удержать себя в руках. Я вижу, как меняется в лице Андрей и киваю ему, чтобы он вышел из кухни. Су-шеф пробормотав себе под нос извинения, стремительно покидает поле боя.

— Что ты себе позволяешь? — я скрещиваю руки на груди.

— Говорить правду. Меня ты не очаруешь как Михельсона. И я у тебя на поводу бегать не буду. Так что либо играй по моим правилам, либо, — ухмыляется Илья. — Се ля ви.

— О, а готовить ты встанешь?

— В Питере нет дефицита шеф-поваров, поэтому не думай, что ты незаменима.

— А ты уверен, — делаю шаг к нему. — Что кто-то из именитых поваров придет работать в «Есенин» после всего, что произошло?

Я наклоняю голову набок, разглядывая бывшего управляющего, а теперь совладельца ресторана. Как же я раньше не замечала в нем всего этого? Самовлюбленный, завистливый, с непомерными амбициями и самомнением. Трудно ему в жизни, видимо. Илья вскидывает голову и с вызовом смотрит на меня.

— Нам нужен шеф, способный заменить тебя. С чего ты взяла, что для этого потребуется именитый? Хватит и обычного.

— Знаешь, я пожалуй, откажусь от твоих предложений по замене подачи. Все-таки «Есенин» фешенебельный ресторан, и не может себе позволить делать подачу как в мультике. И впредь, пожалуйста, со всеми своими идеями приходи ко мне, а не к моим подчиненным.

Я замечаю как у Илья раздуваются ноздри. Он сжимает руки в кулаки и плотно стискивает челюсти. Но мне наплевать. Больше всего я ненавижу начальников самодуров и никогда не буду идти у них на поводу, особенно, когда тут замешана личная неприязнь. Илья шумно выдыхает и гневно смотрит на меня.

— Никакого «впредь» больше не будет. Ты уволена.

Я снимаю с себя китель и практически впикиваю его в руки Илье. Стремительно проношу мимо него и вылетаю из кухни. Меня распирает от злости, поэтому я без стука врываюсь в кабинет Михельсона. Он стоит спиной ко мне, смотрит в окно и разговаривает по телефону.

— И сколько это будет стоить?

— Марк, — зову его.

Он оборачивается и удивлённо поднимает брови.

— Подожди, — бросает он в трубку. — Это нельзя отложить? — хмурясь, спрашивает он у меня.

— Нельзя.

Что-то в моем лице заставляет его поверить в срочность.

— Я перезвоню, — Марк нажимает на дисплей и выразительно смотрит на меня. — В чем дело?

— Когда ты собирался мне сказать?

— О чем? — он садится в кресло и сильнее хмурится. — Да что с тобой?

Я делаю шаг в кабинет и захлопываю за собой дверь.

— Об Илье! Когда ты собирался сказать мне о новом совладельце ресторана?

— А, об этом, — Марк откидывается на спинку стула. — Хотел позавчера после ужина, но было не до этого. Потом как-то закрутился и вылетело из головы.

— Вылетело из головы, значит.

— Да чего ты завелась-то так?

— Твой совладелец только что меня уволил!

— Что? — Марк резко подается вперед. — Что он сделал?

— Уволил меня. Сначала прилюдно обвинил в том, что я с тобой сплю, а потом уволил.

Гнев постепенно отступает, и я сажусь на стул напротив Марка.

— Он невыносим. Самовлюбленный кретин! Как так получилось?

Марк проводит рукой по лицу и встает с кресла. Сложив руки за спиной, мужчина отворачивается к окну. На улице моросит легкий дождик, такой привычный для Питера. Я жду пока Марк заговорит и не тороплю его.

— Он давно пытался как-то приобщиться к бизнесу. Несколько раз предлагал что-то на двоих. Последний раз заикнулся об этом, когда я заговорил про ребрендинг, но я отказал, — Марк поворачивается ко мне, разводя руки. — Сама понимаешь почему.

Я утвердительно хмыкаю.

— В общем, Кристиан продал ему долю. Благо его доля меньше моей. Мы совладельцы, но не равных условиях.

— Не ожидала этого от Кристиана, — хмурюсь я.

— Я, если честно, тоже. Но чтобы выгнать ресторан со дна предстоит проделать много работы, и видимо он был не готов к этому. Я снова хмурюсь, и Марк подходит ко мне и садится на корточки.

— Эй! Помнишь? Мы со всем справимся, — Марк заглядывает мне в лицо. — Это все мелкие неурядицы.

Мужчина встает и садится на край стола.

— С Ильей я разберусь. Возвращайся на кухню и спокойно работай. Если опять будет донимать тебя, скажи, что я твое заявление на увольнение не подписал.

Я вздыхаю и поднимаюсь со стула.

— Это какой-то дурдом.

Марк протягивает ко мне ладонь, а я беру его за руку. Мужчина легонько тянет меня, и я делаю шаг к нему. Его запах щекочет мне ноздри. Марк прижимает меня к себе свободной рукой, и кладет голову на макушку.

— Переезжай ко мне, — тихо произносит он.

Я пытаюсь отстраниться от Марка, но мужчина лишь крепче прижимает меня к себе.

— Я серьезно.

— Марк... — я растерянна и не знаю как реагировать на его предложение. — Сейчас не самое удачное время для таких решений.

— А когда будет удачное?

— Когда мы решим все проблемы.

— Это отговорки, — Марк отклоняется и проницательно смотрит на меня. — Ты не хочешь?

— Если честно, я даже не думала об этом. Ты торопишь события.

— Ладно, — вздыхает Марк. — Значит мы вернёмся к этому вопросу позже.

Мужчина целует меня, легко поглаживая поясницу, и мое тело тут же отзывается на его прикосновения. Я поддаюсь вперед и прижимаюсь к Марку. В этот момент раздается стук в дверь. Как обычно. Я резко отстраняюсь от мужчины и иду к выходу.

— Я пойду на кухню, нужно подготовиться к вечеру.

— Хорошо, — лукаво улыбается Марк. — Мы поговорим позже.

Он подмигивает мне, и в моей груди теплеет. Когда я подхожу к двери, стук повторяется. Я резко распахиваю ее и встречаюсь взглядом с Лизой.

— Добрый день, Агата Александровна, — ухмыляется она.

— Добрый, Лиза.

Я прохожу мимо девушки, но спиной ощущаю как она смотрит мне вслед.

До конца рабочего дня я больше не пересекаюсь с Ильей и нам удается спокойно отстоять смену. Посетили, хоть и медленно, но все-таки заполняют залы ресторана. Я думаю, что еще пару недель и все забудут о трагедии случившейся в «Есенине». В этом может помочь активная благотворительная и социальная жизнь Марка. В обед я нахожу информацию о предстоящем благотворительном вечере и скидывают ссылку Михельсону. Нужно использовать все возможности. В конце смены я подхожу к Андрею.

— Предлагаю завтра начать разрабатывать новое меню.

— Владельцы в курсе?

— Нет, но пока они будут ругаться за власть, мы разработаем новую концепцию и меню.

— Договорились, — кивает Андрей.

Я улыбаюсь ему и, прощаясь, выхожу из кухни. Порш сверкает чистыми боками на парковке, и я в очередной раз мысленно улыбаюсь тому как незаметно отремонтировали машину. Сегодня я обещала снова заехать к отцу, чтобы приготовить ему еды на пару дней, поэтому сажусь на водительское кресло и прокладываю маршрут в навигаторе. Телефон издает звук входящего сообщения. Сердце пропускает удар. Я так и не сказала Марку об угрозах, которые получаю, но теперь на каждое входящее сообщение дергаюсь от страха. Трясущимися пальцами я открываю смс:

«А ты упрямая. Кстати, мы знаем где сейчас твоя мать».

Я бросаю смартфон на пассажирское сидение, нажимаю на кнопку запуска и, со

свистом колес, срываюсь с места.

Глава 14. Марк

— Марк Давидович, там Илья Владимирович не может справиться с су-шефом, — хлопает ресницами Лиза. — У меня ощущение, что они сейчас подерутся. Может вы вмешаетесь?

— Не может справиться в физическом плане? — усмехаюсь я.

— Пока только в словесном, — потупляет взор девушка.

— Хорошо, я сейчас приду.

Лиза благодарно кивает и разворачивается. Меня озаряет мысль.

— Стой, — окликаю ее я. Девушка вполоборота смотрит на меня. — Ты уволена!

— Что простите? — округляет глаза администратор.

— Уволена, — повторяю я. — С сегодняшнего дня. Без отработки. Давай, собирай вещи.

Лиза всхлипывает и тут же убегает.

Это должно сработать.

Я встаю и привожу свои мысли в порядок. Агата оставила меня в полнейшем опустошении своим ответом. Не знаю зачем снова предложил ей съехаться, какой-то очередной порыв нахлынул и оно как-то само вырвалось. Я обычно просчитываю свои шаги наперед, тщательно отмеряя каждый, а тут... Но не смотря на всю кажущуюся несерьезность моего предложения, ее отказ задевает меня. Да, у мужчин тоже есть чувства, когда дело касается их любимых женщин.

Пытаюсь отогнать от себя эти мысли. Конец света же не наступил. Я выхожу из кабинета и твердым шагом иду к кабинету Ильи, по пути прокручивая варианты диалога. Нужно его приструнить, а то своими идеями, он сведет в могилу, и так еле держащийся на плаву, ресторан. С тех пор как произошло это трагическое событие, мы даже на новую аренду не заработали, я не говорю уже о зарплатах и прочих расходах.

В кабинете пусто. Ах да, он же с су-шефом воюет. Значит, они на кухне. Я иду туда и в дверях сталкиваюсь с новоиспеченным бизнес-партнером.

— Ты с ума сошел? — кричит он на меня.

— О чем ты? — непонимающе смотрю на него. И тут же отворачиваю голову и прохожу на кухню.

Помимо персонала, готовящего еду, тут стоит зареванная Лиза и покрасневшийся Андрей. Агаты не видно, похоже она принимает поставку. Спорю на что угодно, поварам жутко интересно смотреть за всем этим «сериалом». Но от этого им не легче — ресторан рушится на их глазах.

— Это что месть? — кричит мне в спину Илья.

— Какая месть? Что за бред?

Я окидываю взором кухню. Взгляд задерживается на Андрее. Тот тяжело дышит, сжимая кулаки. Я улыбаюсь ему уголками губ и выразительно подмигиваю, так чтобы не видели Илья и Лиза.

— Я знал, что ты будешь впрягаться за нее, — выскакивает передо мной Илья. — Я уволил ее за дело. Она зарвалась. Она указывает мне что делать и как. Я не потерплю этого в своем ресторане.

— Ой уволил и уволил, — машу рукой я. — Правильно сделал. Она тянула ресторан на дно. Я вон тоже от балласта избавился, — небрежно машу рукой в сторону Лизы. —

Задолбала она ходить подслушивать. Вечно за углами прячется! Все боится, что без нее что-то важное произойдет.

Я вижу, как округляются глаза бизнес-партнера, а Лиза в углу начинает хватать ртом воздух и машет на него ладонью, чтобы не разреветься еще сильнее. Вся кухня в шоке. Кто-то перестал бить ножом по доске, кто-то уставился на нас на автомате помешивая суп. По моему, я даже чувствую запах пригоревшего молока.

— Если ты думаешь, что так повлияешь на мое решение, то ты ошибаешься, — выплевывает Илья. — По договору я имею права увольнять кого угодно, когда угодно и ты не вправе мне помешать.

— Ну, если в договоре прописано, то кто бы спорил, — протягиваю я. — Договор есть договор. Ты теперь здесь хозяин. Наполовину только правда. Но это же не умаляет твоей значимости. Однако, есть одна загвоздка, — снисходительно улыбаюсь ему, глядя в глаза. — У меня такие же права, как и у тебя. Поэтому! Андрей, ты тоже уволен, — выглядываю из-за Ильи на су-шефа.

— Марк Давидович! — восклицает Андрей.

Я вижу как верхняя губа Ильи начинает нервно подергиваться. Похер. Вообще. Я обхожу его и направляюсь прямо к Андрею. Снова подмигиваю ему, так чтобы никто не видел. Су-шеф понимает меня.

— Не спорь, Андрей, — громогласно говорю я. — Я здесь главный, что хочу то и делаю. А ты мне надоел. Не справляешься со своими обязанностями.

— Да что ж такое-то! — Андрей картинно достает из-за пояса полотенце и бросает его на пол, как бы в сердцах.

— Вот-вот, — указываю пальцем на его выходку. — Разводишь тут антисанитарию. А вообще, знаете что? Так. Стоп кухня! Все отставили поварешки и ножи в стороны, выключили газ и замерли.

Персонал недоуменно смотрит на меня, но приказ выполняет. Двадцать пар глаз не мигая уставились на хозяина заведения. Не люблю я все эти сцены если честно, но куда деваться.

— Вы. Все. Уволены! — провозглашаю я, широко расставив руки в стороны. — С этой вот самой минуты. Поздравляю, товарищи, теперь вы официально безработные.

Кажется, до персонал начинает доходить. Кто-то бросает нервные смешки. Кто-то повторяет за Андреем театральный бросок полотенца на пол. У кого не было полотенца тот проворачивает тоже самое с чепчиком.

Я выразительно смотрю на Илью.

— Ну, а что? — вопросительно говорю я. — Нам все равно нечем им платить — выручки в кассе мизер. Из своих личных денег я платить зарплаты не собираюсь. А у тебя такой суммы попросту нет. Так что давай, надевай китель и вставай на горячий. Я буду тебе заказы зачитывать. Потом поменяемся. Андрей, сколько там столиков сейчас?

— Семь, Марк Давидович.

Я поднимаю глаза в потолок.

— Справимся, — задумчиво произношу я. — Давай-давай партнер, шевелись.

Я подхожу к столу-заказов и беру первый попавшийся чек.

— Лангустины, цезарь и два марципана. Не так сложно, я думаю. Эх, еще бы официантов уволить. Вот заживем.

Мне кажется или Илья уже буквально хрустит зубами? Он весь красный, а дрожащие

руки сжимает в кулак. Да, партнер, так бывает.

— Великолепное представление! — отчеканивает он, разворачивается на каблуках и широкими шагами устремляется прочь. Лиза бежит следом за ним.

— Прекрасно, — выдыхаю я. Поворачиваюсь к кухне и вижу благодарные и уважительные взгляды персонала. Улыбаюсь им в ответ. — Так, а что все прохлаждаются? Давайте за работу! Вы снова наняты!

Идея Агаты совсем не вписывается в концепцию нашего ресторана. Высокая французская кухня, претендующая на Мишлен, и «Ночлежка». То еще сочетание. Жак Мартен перевернется в гробу если узнает. Хотя ему бы эта идея понравилась с человеческой точки зрения. Он любил всех людей — хороших, плохих, злых, добрых. Добродушный был человек. И, тем не менее, идея Агаты работает.

Мы связываемся с этим центром и проводим масштабную рекламную акцию в сети. Подтягиваем блогеров, лидеров-мнений, всех чье влияние на аудиторию на сколько-то имеет значение. Рука Семенова дотянулась только до «ресторанного ревизора». Тот ни в какую не хочет связываться с нами. И да, мне приходится сильно в это все погрузиться, открыв для себя новый дивный мир различных социальных сетей и СМИ в интернете. Оказывается, пиар в них имеет достаточный вес. А я, открывая фешенебельный ресторан, и, полагаясь только на высокую кухню и богатых гостей, безнадежно от всего этого отстал. Ну ничего, наверстываю в процессе, так сказать.

Надо сказать, что вся эта деятельность возымела просто колоссальный успех, люди начали снова верить ресторану. Осторожно так, выглядывая из-под одеяла. Не толпами идут, конечно, но в пятницу вечером я наконец вижу полную посадку. Агата на седьмом небе от счастья. Да что там, вся кухня с упоением режет заготовки и отдает заказы в запаре, которой не было уже очень давно.

Даже, вроде бы, Илья доволен. Он не верил в эту идею с самого начала. Впрочем, я и сам не был уверен до конца. Но все же, когда мы увидели результат, успех Агаты невозможно было отрицать.

Остался только один раздражающий фактор — билборд напротив ресторана. Как я только не пытался уговорить хозяина рекламной компании снять его, какие только деньги не предлагал, он был непреклонен. Если даже больше сказать, он недвусмысленно намекнул, что снимать этот билборд ему категорически нельзя, иначе пострадает его бизнес. Что ж, это ожидаемо, рука Семенова крепко схватилась за этот рычаг.

И ведь сколько я не звонил, сколько не пробивал свои связи, все равно не смог выйти с депутатом на прямой контакт. Он отгородился от меня плотной стеной игнора. Некоторые знакомые открыто говорили, что не будут мне с этим помогать, потому что боятся. Не мне их винить. Но дружба всегда познается в беде. Сразу становится ясно кто с тобой до конца, а кто с тобой только когда у тебя все хорошо.

Мать Агаты по-прежнему парализована, только выглядит живее. Хоть ей и начали реабилитацию, положительная динамика осталась на уровне стабилизации и отсутствия отрицательной.

Мы стоим у ее койки в клинике, и девушка крепко держит ее за руку. Палата сплошь обставлена букетами красных роз, отчего все пространство заполняется сладким запахом.

— Как думаешь она нас понимает? — спрашивает Агата, пристально глядя на лицо своей мамы.

Я кладу ей руку на плечо и несильно сжимаю.

— Конечно, понимает, — уверяю ее я. — Даже если этого не осознает, информация оседает где-то на подкорках. Когда она проснется, то расскажет тебе сон, как ты к ней приходила с неизвестным ей мужиком, — пытаюсь ее приободрить.

Агата вдруг опускает голову, поворачивается ко мне и утыкается в плечо. Тихий всхлип раздается по палате.

— Ну ты чего? — ласково спрашиваю я, кладя ей руку на макушку и прижимая к себе. — Все будет хорошо. Слышишь? Мы и с этим справимся. Твоя мама выберется, не сомневайся в этом.

— Ты сказал про сон, и я вспомнила, как мне на днях, снилось что ее больше нет с нами, — ревет Агата. — Позвонили из больницы прямо тебе на телефон. Мы спали и... — Агата отстраняется, вытирая слезы. — И звонок разбудил нас. Я сначала не поняла, откуда идет звук. Потом вижу, как светится твой телефон. Беру его в руки, а на нем большими красными буквами написано: «БОЛЬНИЦА». Я отвечаю и сначала не могу понять, что мне говорят. Какой-то глухой мужской голос, что-то бормочет — разобрать невозможно. А потом так четко, знаешь — “ваша мама умерла”, — Агата снова разряжается слезами и утыкается мне в плечо.

— Ну что ты, дурашка? Это всего лишь сон, — смеюсь я, поглаживая ее по голове. — Дурацкий неправдивый сон.

— Ага, — всхлипывает Агата. — А дальше я в шоке кладу трубку и пытаюсь разбудить тебя. Ты нехотя просыпаешься, я тебе все рассказываю, а ты отворичаешься, натягиваешь на себя одеяло и говоришь — «Это не мои проблемы».

Агата еще пуще ревет. Видимо, стресс последних дней накатывает на нее новой волной и только сейчас она дает волю своим чувствам.

— А вот это точно неправда, — твердо говорю я. Снова отстраняю ее от себя и смотрю в глаза, полные слез вперемишку с тушью. — Я уже говорил, что никогда не брошу тебя. Слышишь? Сколько можно это повторять? Твои проблемы, это и мои проблемы тоже. И сейчас мы тут вместе. Вдвоем.

Агата согласно кивает.

— Да, я понимаю, — говорит она. — Это всего лишь сон. Дурацкий сон, — девушка осекается и потупляет глаза. — Я так больше не могу, Марк. — она молчит какое-то время, а потом поднимает взгляд. — Мне каждый день угрожают.

Глава 15. Агата

Марк отстраняется от меня, с удивлением смотря сверху вниз.

— Не понял.

Я вздыхаю и киваю на дверь палаты, призывая его выйти в коридор. Мы выходим и направляемся к скамейке с сидениями. Я сажусь, упираюсь локтями в колени и обхватываю ладонями голову.

— Первый раз ко мне подошли двое мужчин бандитского вида в парке, где я гуляла с Марсиком, и сказали, что я должна порвать с тобой, но я их послала. А затем, начались бесконечные сообщения с угрозами. Сначала с призывами бросить тебя и не ломать себе жизнь. Потом стали писать про маму, что знают, где она находится. Сейчас угрожают моим близким. В последнем сообщении даже по бизнесу Кирилла прошлись. Я боюсь, Марк, — поднимаю глаза на мужчину. — Мне очень страшно.

Марк ходит туда-сюда по коридору, заложив руки за спину. Но когда я замолкаю, подходит ко мне и садится на корточки, отчего наши глаза оказываются на одном уровне.

— Почему ты мне сразу не сказала?

— Не хотела еще больше усложнять тебя жизнь, — вздыхаю я.

Марк меняется в лице и сжимает руки в кулаки.

— Неужели ты до сих пор так и не поняла? Тебе больше на надо быть сильной и самостоятельной. И решать свои проблемы в одиночку тоже, — он встает и кладет ладони на затылок. — Особенно, когда эти проблемы из-за меня.

— Марк...

— Я рядом с тобой, — он снова садится на корточки и заглядывает мне в глаза. — Ты можешь полностью положиться на меня во всем. Не надо было скрывать это.

— Я не знаю, что теперь делать.

— Перешли мне все сообщения. Я попробую пробить номер.

— И что это даст? — развожу я руками. — За всем этим стоит Семенов, так или иначе.

— Но его шестерок можно прижать.

Я задумчиво смотрю в зеленые глаза Марка и медленно киваю. Сидеть сложа руки и трястись от страха все-таки не выход. Я и так на грани нервного срыва. Почти не сплю ночью, прислушиваюсь к каждому шороху и часто звоню родным и близким, чтобы узнать все ли у них порядке. Это не жизнь. Поэтому есть есть шанс сделать хоть что-то им надо воспользоваться.

— Ладно, Марк, ты прав. Я перешлю тебе все сообщения.

Я встаю, чтобы вернуться в палату.

— Спасибо, что приехал со мной. Я вернусь к маме, хочу побыть с ней сегодня на физиотерапии.

— Хорошо, — Марк тоже встает и берет меня за руку. — Заехать потом за тобой?

— Не надо, спасибо, я вызову такси.

— Тогда я пришлю Олега.

— Не стоит, — мотаю я головой.

— Нет, — поднимает он ладонь. — И даже не вздумай спорить.

Мужчина берет меня за руку и притягивает меня к себе. Я обнимаю его за талию и вдыхаю полной грудью такой родной запах. Страх медленно начинает отступать. Мы стоим

так пару минут, и неохотно, я отстраняясь от мужчины, целую его на прощание и иду по коридору в сторону маминой палаты.

Следующие полтора часа я наблюдаю как физиотерапевт проводит реабилитационные мероприятия, и мое сердце обливается кровью. Мама не говорит и, кажется, что практически ничего не понимает. Двигательные функции нарушены и складывается ощущение, что она уже никогда не восстановится. Но врачи уверяют меня в обратном. Я стараюсь не опускать руки и поддерживать эту веру в отца, но сама все чаще предаюсь унынию.

— Агата Александровна, — останавливает меня доктор.

Маму на каталке увозят в палату, а я остаюсь в коридоре с лечащим врачом.

— Я вижу ваше беспокойство, но поймите, восстановление после такого рода инсульта — длительный процесс. Не знаю, в курсе ли вы или нет, но восемьдесят пять процентов людей, перенесших геморрагический инсульт умирают, не доезжая до больницы. Вашей маме своевременно провели операцию, сейчас все ее показатели в норме. Вам просто надо набраться терпения и верить в силу характера Нины Петровны. Я уверен, что она старается изо всех сил, видя такую заботу о себе.

— Вы правы, Петр Аркадьевич, — я киваю врачу. — Просто столько всего разом навалилось, что порой в светлое будущее уже не веришь.

Доктор понимающе улыбается мне и по-отечески кладет ладонь на плечо.

— Вам просто надо отдохнуть. Взять пару выходных и уехать за город. Такая хорошая погода в Питере редкость. Езжайте на природу. Это придаст вам сил.

— Спасибо, — снова киваю я. — Я думаю, что воспользуюсь вашим советом.

— Вот и правильно. А с вашей мамой все будет хорошо.

Спустя два дня мы с Андреем расставляем шеренгу блюд на барной стойке, и я ловлю себя на мысли, что пару месяцев назад мы все это уже делали. Только блюда были другие и повод. Но сейчас мы собираемся презентовать Марку и Илье новую концепцию. Удивительно, но Андрей сразу меня поддержал в этой затее, и совместными усилиями мы разработали новое меню, подачу и, в целом, весь концепт. Марку я ничего не говорила. Не хочу, чтобы он предвзято отнесся к этому предложению. Он должен его оценить и обдумать, как владелец ресторана и бизнесмен, а не как мой мужчина.

С Ильей мы за это время отношения так и не наладили. Он здоровается со мной сквозь зубы, но на кухню больше не лезет и поваров не цепляет. Еще бы отвалить от кухни его преданную шпионку и было бы вообще хорошо. Посетители неохотно возвращаются в ресторан. Два вечера подряд была полная посадка и на этом все. Пустые столы на завтраках и полупустые на обедах. Выглянув в очередной раз, в заполненный лишь на треть, зал, я убеждаюсь, что мой план должен быть хотя бы озвучен, а что с ним делать дальше, пусть решают владельцы. Но сидеть сложа руки я не могу.

Илья и Марк, тихо о чем-то переговариваясь, входят на шефскую кухню и удивленно смотрят на барную стойку.

— Ты хочешь нам что-то предложить? — заинтересованно поднимает на меня взгляд Марк.

— Да, — я стискиваю руки, чтобы унять дрожь. — Мы с Андреем разработали новое меню для ресторана. Глобально, это предполагает под собой ребрендинг, с изменением зала и полностью сменой концепции.

— Тебя кто-то об этом просил? — вскидывает бровь Илья.

— Нет, это лично моя инициатива. Но чтобы ресторан продолжил существовать и приносить доход, возможно придется что-то поменять.

— Ну, судя по всему, не что-то, а все? — Марк наклонив голову, осматривает блюда на стойке.

— Многое, да, — уклончиво отвечаю я.

Андрей стоит позади меня с невозмутимым видом. Я рада, что су-шеф на моей стороне и полностью разделяет мою точку зрения. Мы полдня провели в приготовлениях, чтобы грамотно все презентовать владельцам.

— Ну, давайте послушаем вас, — Марк садится на стул и кивает Илье, приглашая присоединиться к нему.

Тот нехотя усаживается рядом, всем своим видом демонстрируя полное безразличие к происходящему.

— Сейчас “Есенин”, в первую очередь, работает на обеспеченных и влиятельных гостей, а уже потом на туристов. Ведь для основной массы туристического потока у нас непомерно высокая цена.

— Но и кухня соответствующая, — уточняет Марк.

— Несомненно, — поднимаю я руку. — Но, чтобы сейчас нам выйти в плюс, этих клиентов мало. Сейчас наши посетители — люди, для которых имя и престиж слишком важны. Поэтому, большая часть из них так и не вернется в ресторан. По разным причинам... — запинаясь я, но Марк кивает, понимая, что я имею в виду. — Получить приток клиентов мы сможем только делая ставку на туристов. Для этого нам нужно снизить ценник и изменить концепцию.

— Ты предлагаешь переделать фешенебельное заведение в забегаловку, как у Московского вокзала? — морщится Илья.

— Нет, — выдерживая я его взгляд. — Я предлагаю переделать заведение в ресторан русской кухни, снизить в полтора раза ценник, что теперь будет сделать просто, так как себестоимость блюд упадет почти в два раз, и сделать ставку на туристов, коих здесь безумное количество. Расположение “Есенина” просто кричит о необходимости работы на туристический поток. А что еще может быть привлекательней для туристов, чем ресторан национальной кухни? Мы получим дополнительный приток клиентов, а еще увеличим маржу.

— Да, только перед этим нам надо вбухать непомерно большую сумму денег в переделку заведения. Где их взять у тебя тоже есть идеи? — Илья, гадко ухмыляясь, смотрит на меня.

— Я думаю, что привлечь инвесторов все еще возможно. Даже в наших условиях.

— Ну да, думает она, — Илья встает и проходит вдоль барной стойки изучая меню. — Она думает, что можно зарабатывать деньги, кормя людей борщом и блинами, — ни к кому конкретно не обращаясь, продолжает бывший управляющий. — Марк, а ты что молчишь?

Марк тоже встает и проходит вдоль стойки, разглядывая еду на тарелках.

— Я думаю, что борщ это вкусно. Как, впрочем, и блины. Но насчет этой идеи не уверен, — он смотрит на меня и едва заметно пожимает плечами. — Но это не значит, что я не согласен. Это значит, что мне надо подумать.

— Конечно, кто бы сомневался, — бормочет себе под нос Илья.

— На что ты хочешь сделать ставку? — спрашивает у меня Марк.

— На аутентичность. Даже, если можно так сказать, гипертрофированную

аутентичность. В меню щи и пельмени, осетрина и холодец, блины и расстегаи, соленые огурцы и квашеная капуста, кисель, квас, сбитень и водка. Сделать часть блюд сезонными, такие как окрошка и несколько видов кваса, например. Придется, конечно, переделать оформление ресторана, но название можно не менять, а повара все справятся с новым меню.

Марк задумчиво трет подбородок и берет со стойки ложку. Я наблюдаю как он зачерпывает щи и щурится от удовольствия. За вкус наших с Андреем блюд я не переживаю. Но сама концепция может показаться спорной и Илья, к сожалению, прав в одном, все это будет дорого стоить.

— Вкусно, как впрочем и всегда, — констатирует Марк. — Но все остальное мне надо обдумать

Я киваю, не ожидая от него никакого другого ответа.

— Ты попробуешь? — кивает Марк Илье, но тот лишь отмахивается.

— Какой в этом смысл? У нас все равно нет денег на ребрендинг. И ни один инвестор сейчас не будет с нами работать. Это все может быть и съедобно, но не жизнеспособно, — обводит Илья руками барную стойку.

Марк снова смотрит на меня, а затем переводит взгляд на Андрея.

— Андрей, а ты что об этом думаешь?

— Я принимал в этом участие с самого начала, Марк Давидович. Думаю, это говорит само за себя. Я полностью согласен с идеей Агаты Александровны и ее концепцией.

— Прихлебатель, — едва слышно шипит Илья за спиной у Марка.

— Я работал в ресторане русской кухни, — делая вид, что не слышит последних слов Ильи, продолжает су-шеф. — Блюда русской кухни довольно просты в приготовлении, они понятны и близки людям, а еще имеют невысокую себестоимость. Расположение ресторана позволяет поставить ценник чуть выше среднего, что даст нам отличную маржу.

— Я понял, — кивает Марк. — Спасибо за презентацию, это надо обдумать.

Он поворачивается к Илье и, улыбаясь, широко разводит руки в сторону.

— Нам есть что обсудить. Да, партнер?

От идеи Агата с рестораном русской кухни веет жизнью. Честно говоря, я даже не задумывался о том, что все может быть так просто. У нас отличное месторасположение и город с кучей туристов. Да, таких ресторанов пруд пруди по Питеру, но у нас большой плюс — прекрасный шеф, который умопомрачительно готовит. Все блюда, которые я попробовал из нового меню Агаты, на первый взгляд, просты и обыденны, но на вкус просто шедевральны.

Я стою напротив Ильи, в его кабинете — да, теперь мы часто обсуждаем все деловые вопросы именно здесь, потому что ко мне он идти категорически не хочет. Меня это не парит — чем бы дитя не тешилось... Я в любой момент могу это прекратить, когда захочу, а сейчас пускай наиграется в босса вдоволь.

— Ты, конечно же, поддержишь ее идею, — язвительно произносит Илья, стоя у бара и наливая себе виски.

— А ты, конечно же, будешь возражать изо всех сил, — в тон ему отвечаю я. Сажу на самом дальнем кресле от его стола, прямо у самой двери. Это место стало для меня уже привычным. Не хочу подходить ближе.

— Русская кухня, — хмыкает Илья. — Это же банальщина!

Он наливает стакан до краев, ставит графин на стол и закрывает его пробкой. Потом неспешно берет напиток в руку и идет к дивану.

— У тебя есть идеи лучше? — спрашиваю я.

— Да полно, — произносит он, садясь на диван и одновременно отхлебывая из стакана.

— Ну тогда поделись, — усмехаюсь я.

— Вот только не надо этого снисходительного тона, — ощетинивается он. — У нас ресторан! Здесь может быть что угодно. Паназиатская, итальянская, греческая, да даже американская...

— Ой нет, — болезненно реагирую я. — Только не американская.

— Да без разницы, — машет рукой Илья. — Чешская, немецкая, китайская, в конце концов. Масса всего!

— Это уже тоже банальщина, — резонно замечаю я. — Все это есть в Питере и пользуется популярностью.

— Да есть, но не в таком количестве, как русская.

— Ты забываешь одну важную деталь, друг моя, — произношу я. От этих слов меня как будто передергивает внутри. Уже похоже, что и не друг вовсе. Вижу, как Илья напрягается, видимо тоже так считает. — Французский ресторан мы за достаточно небольшие вложения денег быстро превратим в русский. А вот все остальное, потребует значительно больших вливаний. Они есть у тебя?

— У меня их нет, — цыкает Илья. Он вновь делает глоток виски, кряхтит и вытирает языком губы. — И как я уже сказал, инвестора нам не найти. Никто в здравом уме, не придет в НАШ ресторан и не профинансирует его ребрендинг, — эти его постоянные акценты на слове «наш», меня раздражают. Как будто он пытается убедить не только меня, но и себя, в том что он владелец. — Так что нужно отбросить утопическую идею. И продолжать восстанавливать руины имеющимися средствами.

— В этом ты прав. Инвестора не найти, — загадочно произношу я. — Но найти деньги

ты можешь. По крайней мере, половину точно. А о своей половине я позабочусь сам. А ты, как бизнесмен, думаю способен решить эту нетривиальную задачу.

Говорю уверенно, потому что уже прикинул стоимость вложений. И такие деньги у меня есть, в отличии от «партнера». Его должны задеть мои слова. Признаться в собственной несостоятельности он не может — слишком упертый и тщеславный.

— Я могу, конечно, — глядит в одну точку Илья. — Но что, если мне эта идея попросту не нравится? Я не вижу в ней перспектив.

— Предложи другую

— Я уже предложил.

— Предложи ту, которая понравится мне. И, — я делаю паузу. — Ту которую я профинансирую.

Илья задумывается на мгновение. Морщит лоб, как будто прокручивает все возможные варианты развития события. А их тут нет. Ни единого. Он прекрасно должен понимать, что без моей половины денег ему никуда.

— Я так понимаю, малой кровью мы не обойдемся, — глухо произносит он и снова делает глоток.

— Какой кровью? Поднимать со дна затонувший корабль? Мы больше потеряем чем приобретем.

— Идея с благотворительностью сработала.

— Чтобы продержаться на плаву какое-то время, — резонно замечаю я. — И идея, кстати, была Агаты, — Илья морщится на этих словах. — Что? Тебе не нравится? Ты и такого не предложил. А благодаря Агате мы сейчас можем позволить себе эту конскую аренду и зарплаты персоналу. В минус уходим не так сильно, как раньше. Так что, тебе бы ей спасибо сказать, а не морщиться.

— Ох, давай ты не будешь указывать, что мне делать, — снова морщится Илья. — Я насытился по горло твоими указаниями, еще когда был управляющим.

Ты им и остался, хочется сказать мне. Ни грамма предпринимательской фантазии. Только топорное управление имеющимися средствами.

— Будь по-твоему, — я встаю и поправляю пиджак. — Жду идей до пятницы. Если их не будет, можешь начинать искать деньги на ребрендинг. Я дам задачу своим маркетологам, они просчитают необходимые вложения.

С этими словами я выхожу и выдыхаю. До чего сложно стало с ним разговаривать. Статус портит человека. По себе знаю. Хорошо, что я встретил Агату, которая буквально отрезвила меня.

Я захожу на шефскую кухню, где за столом сидит Агата и что-то пишет в блокнот.

— Поговорили? — не отрываясь от дела, спрашивает девушка.

— Откуда ты знаешь, что это я зашел? — удивляюсь я.

— По шагам. У тебя каблук цокает и шаг широкий. Так никто не ходит здесь.

— Ну ты и...

Договорить я не успеваю. Меня прерывает звонок. Я достаю телефон.

Черт!

— Да, пап, — отвечаю я на звонок. На этих словах Агата перестает писать и поднимает голову.

— Здравствуй, сын. Мать сегодня готовит гуся. Что-то на нее снизошло. Хочет, чтобы и ты приехал вечером. Бери там свою девушку и мы ждем вас.

— Нет! — восклицает Агата. — Сегодня у меня много работы. Я и так весь день провела за приготовлением нового меню.

Она сопротивляется. Естественно, это стресс для нее. Да и для меня он не меньший. Еще неизвестно для кого больше. Но выхода у нас нет. Раз отец позвал к себе на ужин, а мать готовит гуся, нам нужно ехать. В нашей семье пропускать мамино гуся не принято. Какими бы важными делами ты не занимался.

Агата меряет шагами шефскую кухню, по-моему уже третий раз или четвертый. Я стою в стороне и умиляюсь.

— Андрей со всем справится, не переживай, — говорю я.

— Нельзя все время валить на Андрея. Я в конце концов здесь шеф, — всплескивает руками Агата и осуждающе смотрит на меня. — То на больничном, то ты на свидания меня крадешь... У нас тут вообще черти что происходит.

— Мы же не в рабочее время туда идем, — резонно говорю я. — Вечером мы вольны делать все, что угодно. Ну, а сегодняшний придется провести вот так.

— Я не одета для вечернего ужина.

— Мы заедем домой и переоденемся. Не переживай. Примешь душ, накрутишь прическу, если захочешь. И будешь блистать. Как, впрочем, и всегда.

— Я элементарно устала. Я буду казаться тухлой рыбой на этом празднике жизни.

Агата снова начинает ходить из угла в угол, громогласно восклицая.

— Ну тебя же никто не заставляет, там мешки таскать. Будешь сидеть, кушать вкусную еду и поддерживать беседу. В принципе, все тоже самое, чем бы ты занималась дома.

— Почему нельзя это сделать на выходных, а? — жалобно смотрит на меня девушка. — К выходным мы бы закончили все дела на работе и подготовились.

— О-о-о, мамино гуся нельзя пропускать. Раз она его готовит, значит, тому есть причина.

Я стараюсь выглядеть спокойным, чтобы она так не нервничала, но у самого внутри буквально все клокочет. Мягко говоря, не очень я люблю эти посиделки с отцом.

— Так значит еще и повод какой-то есть.

Я в два шага ловлю Агату и заключаю в свои объятия.

— Послушай, — мягко говорю я. — Мне все это нравится не больше чем тебе. Но так получилось, что выхода у нас нет. Придется потерпеть. Если ты не хочешь, можешь не ехать. Но с тобой я буду чувствовать себя там гораздо лучше. Тем более отец сделал акцент на твоём приезде. Значит они ждут.

— Чтобы оценить новую девушку своего сына, — закатывает глаза Агата.

— Я понимаю, ты думаешь, что там придется показывать что-то сверхъестественное. Думаешь, что от тебя там много ждут? Но поверь, мои родители хоть и специфические, но добрые. Ну может только отец иногда бывает груб. Поэтому тебе не надо строить из себя невесту кого. Будь собой — этого будет достаточно. Потому что ты прекрасна, — говорю я и мягко целую ее в губы.

Вечером Олег подвозит меня к парадной Агаты. Пришлось разъехаться по домам, чтобы надеть свежую одежду и принять душ. Когда же мы уже съедемся, блин? Все эти разъезды — жутко неудобны. Надо бы настоять на этом.

Агата выходит из парадной в темно-синем шелковом топе, так подходящем цветом к оттенку ее глаз, юбке карандаш чуть выше колен. И я не могу оторвать от нее глаз.

— Я сам, — бросаю я Олегу и выскакиваю из Майбаха, ровно также, как это было пару

месяцев назад, когда мы ездили на конкурс юных шефов, где первый раз поцеловались.

Агата смущенно берет меня за протянутую руку и с моей помощью садится в автомобиль.

По дороге мы молчим. Я жутко нервничаю и потею так, что тонны дезодоранта, вылитого на себя перед выходом, не помогают. Агата это замечает и берет меня за руку.

— А ты-то что нервничаешь? — вкрадчиво спрашивает она.

— У нас с отцом натянутые отношения, — говорю я, глядя в окно.

— Почему? Расскажешь? — аккуратно спрашивает девушка.

— Я не оправдал его ожиданий. Он хотел для меня другого будущего. Хотел, чтобы я стал юристом. Так он думал, что я состоюсь как человек и попутно буду заниматься еще и его вопросами. Сама понимаешь — юрист в семье бизнесмена человек полезный.

— А ты вместо этого подался в ресторанный бизнес.

— Да, — киваю я. — Он его и за бизнес-то не считает. Для него это слишком мелко.

— Но тем не менее у тебя получилось.

— Наверно, — поджимаю губы я.

Мы подъезжаем к дому родителей ровно в назначенное время — опаздывать нельзя. Огромный коттедж в элитном поселке за трехметровым каменным забором. Агата смотрит на него восхищенно, а я с сожалением.

Ворота плавно открываются, и мы въезжаем на участок.

— Маркуша, — всплескивает руками мама, выбегая к нам из дома.

Она цокает каблуками по брусчатке и выглядит как и всегда довольно эффектно. Густые длинные блондинистые волосы спускаются ниже плеч. Острое лицо с тонким слегка курносим носом, выразительные губы и большие зеленые глаза. Как всегда, в элегантном строгом платье, на этот раз синем, и коротким голубым маникюром. Они одеты в тон с Агатой, значит, точно подружатся.

Да, мама даже когда готовит всегда при параде.

— Как я рада тебя видеть, — она бросается мне на шею и расцеловывает в обе щеки.

— И я тебя, — улыбаюсь я ей. В отличие от отца, проблем с ней у меня никогда не было. — Мама познакомься — это Агата, — представляю ей, только что появившуюся из машины девушку. — Агата — это Дина Натановна.

— Рада познакомиться, — смущенно улыбается Агата, протягивая руку.

— И я, дорогуша, и я, — сверкает ослепительно белой улыбкой мама, пожимая руку. — Ты такая красивая! Марк, из какого банка ты украл этот бриллиант? — смеется мама. — Ой, не смущайся, я всегда говорю правду и то, что думаю, — машет она рукой на Агату.

— Спасибо, мне очень приятно, — улыбается девушка в ответ самой обворожительной улыбкой.

— Так, пойдете в дом. Гусь скоро будет готов. Марк, не маринуй Олега в машине. Пускай зайдет и нормально поест на кухне. Заодно и отдохнет от твоих постоянных нравоучений.

— Мама! — восклицаю я. — Я уже давно таким не страдаю.

— Знаю-знаю я тебя.

Я машу Олегу, чтобы он не сидел в машине, и мы идем в дом.

Перешагнув порог, я тут же чувствую, что вернулся в детство. Да, когда я был маленьким мы так не жили, но запах был именно такой. Особенный, родной, так нигде не

пахнет как здесь. А этот умопомрачительный аромат запеченного гуся. Он всегда у нас был только по праздникам.

— Не разувайтесь. Мы с отцом перестали это делать пока лето, — бросает нам мать, проходя дальше по коридору. — Я пойду проверю как там гусь, а вы пока расположитесь в гостиной. Там вас ждет отец.

— Может я вам помогу? — спрашивает Агата.

— Спасибо, деточка, я только загляну в духовку.

Только заглянет она как же. Знаю я ее. Там наверняка все ломится от еды.

Но спорить с маман бесполезно. На пороге в гостиную я замираю. Агата утыкается мне в спину. Встречи с отцом всегда похожи на заседание суда, где постоянно мне задают каверзные вопросы и тут же выносят приговор за ответы, а роль судьи и прокурора играет лишь один человек. Я знаю что меня ждет, и не хочу заходить. Надежд на то, что произойдет что-то другое у меня нет. Я беру за руку Агату, крепко сжимаю и делаю шаг вперед.

Глава 17. Агата

Я смотрю на человека перед собой и вижу будущее Марка. Он так похож на отца, что по спине бегут мурашки. Только мужчина стоящий в гостиной почти полностью седой, и на его лице застыло хмурое выражение. Он стоит у камина спиной к двери, но когда мы заходим в комнату, оборачивается. В его руке бокал с виски, я ухмыляюсь про себя, понимая, что у Марка с отцом больше общего, чем ему кажется.

— Отец, — кивает Марк и протягивает мужчине ладонь.

— Сын, — в тон ему отвечает тот и пожимает протянутую руку.

— Познакомься, — разворачивается ко мне Марк. — Агата Лушкевич, моя девушка. Агата, мой отец — Давид Иосифович.

Я делаю шаг вперед и протягиваю мужчине руку. Его рукопожатие крепкое и уверенное. Он с интересом оглядывает меня.

— Приятно познакомиться, — стараюсь я не тушеваться под его взглядом.

— Взаимно, Агата, взаимно, — кивает отец Марка и выпускает мою ладонь. — Выпьете? — немного поднимает он бокал.

— Нет, благодарю, — мотаю я головой.

— Как дела, Марк? — теряет ко мне интерес мужчина.

— Все так же, — пожимает тот плечами.

Мы стоим напротив друг друга и вся ситуация выглядит довольно неловкой, но тут в комнату, словно вихрь, врывается мама Марка, широко улыбаясь.

— Давид, Маркуша, чего же вы стоите, как два столба, и девочке сесть не предложили? — она переводит укоризненный взгляд с мужа на сына и обратно. — Но впрочем, ладно. Пойдемте к столу.

Ни слова не произнося, Марк разворачивается, берет меня за руку и ведет за собой. Пока мы идем, я оглядываю интерьер дома, восхищаясь вкусом его хозяев. Дом оформлен в современном стиле и пастельных тонах. Мраморная плитка на полу сияет чистотой, на стене встречается парочка картин абстракционистов, и готова поспорить, это подлинники. В доме большие окна, за счет чего свет буквально пронизывает его, дополняя ощущение уюта. Видно, что хозяева любят свой дом и счастливы в нем.

Мы проходим в столовую, где я восторженно оглядываю огромный стол, полностью заставленный едой. Посередине стола гордо возвышается блюдо с запеченным гусем. Кроме него я замечаю несколько закусок, пару салатов, блюдо с запеченным картофелем и несколько тарелок с нарезками.

— Мама! — восклицает позади меня Марк. — У нас будет званый ужин?

— Ну что ты, — машет на него рукой Дина Натановна. — Посидим скромно по семейному.

— Я вижу, — слышу я в голосе Марка улыбку.

— Ну же, не стойте, подходите, — машет руками женщина. — Агата, милая, садись поближе ко мне.

Вокруг стола начинается суэта, мы рассаживаемся, Дина Натановна раскладывает еду по тарелкам, не забывая комментировать каждое блюдо. Обстановка становится менее напряженной, и я ободряюще улыбаюсь Марку через стол.

— Агата, — поворачивается ко мне Давид Иосифович, когда все тарелки наполнены. —

Расскажите о себе, где вы работаете? А то наш Марк такой скрытный, совершенно ничего не рассказывает.

Мне слышится в его словах скрытый упрек, и если судить по лицу Марка, так оно и есть. Я широко улыбаюсь мужчине и поворачиваюсь к его отцу.

— Я шеф-повар в ресторане.

— Надо полагать, в ресторане Марка? — вскидывать бровь он.

— Вы не ошиблись, — улыбаюсь я и делаю глоток воды.

— А ваши родители? Тоже повара?

— Нет, — я ощущаю себя, как на допросе и начинаю нервничать. — Мой отец военный в отставке, а мама, — я немного запинаюсь, — учитель в школе.

— Благородные профессии, — с одобрением кивает Давид Иосифович. — Марк, — снова поворачивается он к сыну, — как дела идут в «Есенине»?

— Неплохо, — стискивает зубы Марк, а затем переводит взгляд на меня и широко улыбается. — Благодаря Агате нам удалось улучшить положение дел.

— Да? — удивлённо смотрит на меня его отец. — И как же, если не секрет?

Я снова смущаюсь под его пристальным взглядом, но Марк отвечает за меня.

— Агата предложила несколько отличных идей, связанных с благотворительностью.

— Интересный ход, — задумчиво кивает Давид Иосифович.

— Мальчики, — вступает в разговор Дина Натановна. — Ну что вы все о работе, да о работе. Агата, — поворачивается она ко мне. — Скажите как повар, как вам гусь? — лукаво улыбается она.

— Шикарный, — совершенно искренно говорю я. — Мне кажется, или вы мариновали его в белом вине?

— Ты совершенно права, моя дорогая, — качает головой она. — Не будет наглостью, если я попрошу тебя поделиться со мной парочкой профессиональных секретов?

— Конечно, нет, — смеюсь я и расслабляюсь.

Дальше вечер проходит довольно в непринужденной обстановке. Я замечаю, что Марк с отцом почти не разговаривают, обмениваясь сухими и отрывистыми фразами, но со мной Давид Иосифович предельно вежлив и, кажется, что я даже ему понравилась. Когда приходит время прощаться, Дина Натановна порывисто обнимает меня.

— Я рада познакомиться с тобой, дорогая, — улыбается мне женщина. — Будет здорово если вы приедете к нам еще. А то Маркуша так редко заезжает в последнее время, — в ее словах мне слышится тоска, и я ободряюще улыбаюсь в ответ.

— Конечно, Дина Натановна. Мы с удовольствием. Спасибо большое за ужин, все было восхитительно.

Мама Марка гладит меня по плечу и поворачивается к сыну.

— Хорошо, что вы нашли время, — грустно улыбается она ему.

Марк обнимает мать, целует ее в щеку и поворачивается у Давиду Иосифовичу.

— Отец, — сухо говорит он.

— Сын, — вторит ему отец.

Еще один обмен рукопожатием.

— Рада была с вами познакомиться, — улыбаюсь я мужчине.

— Я тоже, Агата, — кивает он мне.

Наконец, с прощанием покончено и мы садимся на заднее сидение Майбаха.

— У тебя чудесные родители, — смотрю я на Марка.

Он морщится как от зубной боли и берет меня за руку.

— Когда отец не устраивает перекрестный допрос.

Я хочу ответить ему, но из сумочки раздаётся звонок телефона, и я лезу внутрь, чтобы достать его. На экране высвечивается телефон лечащего врача моей мамы, и меня накрывает паника.

— Алло?

Я чувствую как от страха сердце подскакивает куда-то к горлу.

— Агата Александровна, простите, что беспокою так поздно, но сотрудники скорой сообщили, что все документы я смогу запросить у вас.

— Какие документы? — непонимающе произношу я в трубку.

— Отказ от пребывания в больнице, разумеется.

Не понимая ни слова из того что он говорит, я перевожу взгляд на Марка. Он выглядит встревоженным и жестом показывает мне включить громкую связь. Я нажимаю на экран.

— Пётр Аркадьевич, — вкрадчиво говорю я. — Давайте с самого начала. Я совершенно ничего не понимаю.

— Подождите, — тушуетса врач, — но разве?

В трубке повисает недолгое молчание, но затем он продолжает.

— Сегодня утром приехала скорая, с разрешением от вас на транспортировку пациентки Самсоновой. Я не смог сразу до вас дозвониться, но в документах все было правильно, а санитары очень торопились. Поэтому мы все оформили и вашу маму увезли в другую клинику. Я, конечно, удивился, что вы не предупредили меня заранее, но это ваш выбор, — в голосе доктора мелькает обида. — Санитары только сказали, что отказ будете писать лично вы и подъедете в течении дня. Мы вас не дождались, собственно, поэтому я и звоню.

Я чувствую, как дрожат мои руки и перевожу полный ужаса взгляд на Марка. Он забирает у меня смартфон и цедит в трубку:

— Пётр Аркадьевич, вы не в себе? Что вы несете?

— Марк Давидович, рад слышать вас, — бормочет доктор. — Ничего не понимаю.

— Мы тоже! — злится Марк.

— Но, получается, если вы не забирали Нину Петровну, то кто ее забрал?

— Очень хороший вопрос! Вы в клинике? Мы сейчас будем! — не дожидаясь ответа, произносит Марк.

— Да, да, конечно, — бормочет Пётр Аркадьевич.

Марк отключается и возвращает мне телефон. На его лице читается злость вперемешку с решимостью.

— Олег, в кардиологический центр, — бросает он.

— Принял, шеф.

Я забираю из рук Марка смартфон и чувствую как слеза стекает по моей щеке.

— Марк, — шепчу я, кусая губы. — Что же это такое?

Он кладет ладонь мне на руку, но я ничего не ощущаю. Ужас пронзает меня и вгрызается в каждую клеточку тела. Смартфон издает звук входящего сообщения, и я опускаю взгляд на дисплей. На экране незнакомый номер и всего два слова.

«Тебя предупреждали»

Я перевожу взгляд на Марка и из моей груди вырываются рыдания.

Все происходящее далее я воспринимаю словно через какую-то пелену. Слезы безостановочно льются из глаз, а руки трясутся. В голове бьется только мысль о том, как

должно быть маме сейчас страшно.

Мы паркуемся у клиники и Марк, практически на ходу, выскакивает из машины. Я рывком открываю дверь и бегу вслед за ним. В дверях мнется Пётр Аркадьевич, заламывая руки.

— Мы посмотрели камеры, — говорит он, едва завидев Марка. — Лица видно хорошо, да и номер скорой помощи тоже.

— Это ничего не даст, — отмахивается Марк. — Как вам вообще хватило ума отдать пациентку?!

— Понимаете, — запинается доктор, — они были так убедительны. Говорили, что Агата Александровна очень занята на работе, поэтому сама не может приехать. Все документы были вроде в порядке. Даже копия паспорта с собой была.

— Это все равно не давало вам никакого права! — звереет Марк.

Я понимаю, что здесь мы ничего не добьемся и без сил опускаюсь на стоящее рядом сидение. Слезы с новой силой начинают литься из глаз. Марк раздраженно отмахивается от доктора и опускается передо мной на корточки.

— Агата, милая, не плачь. Я со всем разберусь. Мы найдем ее, — отрывисто говорит он. — Я уверен, что она в порядке. Все это сделано с одной целью — напугать нас, выбить из равновесия.

— План сработал, — всхлипываю я. — Что теперь делать?

— Я вызову полицию. Твоя мама скорее всего в какой-то больнице. Не думаю, что они станут причинять ей вред. Полиция отыщет ее.

— А если не найдут? — обреченно спрашиваю я.

Марк вздыхает, садится рядом и крепко прижимает меня к себе.

— Все будет хорошо, — шепчет он мне в макушку. — Я обещаю тебе.

Я прижимаюсь к мужчине всем телом и даю волю слезам.

Полиция третий час опрашивает персонал больницы, не добыв никакой новой информации. Они изымают записи с камер, протоколируют показания и, наконец, уезжают, оставив нас ни с чем. Меня бьет крупная дрожь, и я не знаю как сообщить обо всем отцу. Несколько раз пытаюсь позвонить, то так и не набравшись смелости убираю телефон в сумку.

Подготовленные бандиты. Даже паспорт мой где-то раздобыли. Я не знаю, что мы может им противопоставить. Семенов очень высоко сидит и скорее всего нам его оттуда не достать. Но он уже переходит все границы.

Ко мне подходит Марк, устало потирая лицо.

— Поехали, домой. Здесь мы больше ничего не узнаем.

Я киваю и молча поднимаюсь ему навстречу. Марк берет меня за руку и ведет к Майбаху, стоящему на парковке. На Питер уже опустилась ночь, но я совершенно не чувствую усталости. Только беспросветный ужас.

— Там Марсик не выгулян, — невпопад говорю я.

— Приедем, я с ним погуляю, — гладит меня по руке мужчина.

— Марк, — поворачиваюсь я к нему. — Мне кажется Семенов победил. Я так больше не могу. Мне страшно и у меня больше нет сил бороться.

— Он не победил и не сможет, — стискивает мужчина зубы. — Ему не удастся нас уничтожить. Я с ним разберусь.

Марк сжимает ладони в кулаки и отворачивается к окну. Я смотрю на его профиль на

фоне ночного Питера и закусываю губу.

Глава 18. Марк

Мелкий дождик противно окропляет шевелюру так, что хочется надеть капюшон, которого нет. Я держу поводок Марсика и жду пока он сделает свои дела, с каждым новым порывом ветра все сильнее втягивая голову в плечи. Мне не хотелось оставлять Агату одну, но брать ее с собой на прогулку по такой погоде я не стал. Дома она тут же начала вручную мыть посуду, хотя для этого у нее есть посудомойка. Понимаю как ей тяжело. Мне не легче. Даже наверно тяжелее, потому что я осознаю, что все это из-за меня. Не появись я в ее жизни, все было бы по-другому. Больше всего на свете не могу выносить женские и детские слезы. Сразу хочется сделать все, лишь бы они не плакали.

Я крепко сжимаю рулетку поводка.

Мне нужен Семенов! И чем быстрее, тем лучше.

Острое желание порвать его в клочья не оставляет меня ни на секунду. Как это сделать — вопрос важный. И на него у меня нет ответа.

Вибрирует телефон. Я достаю аппарат из кармана. На экране мелькает сообщение почтового клиента и тут же исчезает. Я открываю программу, но там пусто. Ни одного нового сообщения. Лезу в папку спам — там тоже. Что за чертовщина?

Снова вибрация и снова всплывающее сообщение.

«Письмо будет приходить и тут же удаляться» — только и успеваю прочитать я.

«Читай быстрее и внимательнее» — всплывает и через секунду удаляется.

«Не отвлекайся!»

«Готов воспринимать информацию?»

«Видим, что готов»

«Мы проббили номера телефонов, которые ты просил»

«Естественно, это тот, о ком ты думаешь. Через десятые руки»

«Но ему это не пришьешь»

«Этих жучек, что угрожали твоей девушке, прессовать смысла нет. Забудь»

«Кто украл матушку мы не знаем. Действовали профессионалы»

«Но у тебя есть шанс пообщаться с народным избранником лично»

«Сегодня он будет в одной своей резиденции»

«Ориентировочно через полчаса, но пробудет там, где-то час. У тебя не так много времени»

«Так что поторопись»

«Он тебя не ждет, но мы уверены, что ему интересно будет побеседовать»

«Сейчас сбросим адрес»

«Не пытайся запомнить, сделай сриншот»

«Готов?»

«Три»

«Два»

«Один»

«Поселок Северный, улица Ленина, д. 7/3»

Я едва успеваю нажать кнопки захвата экрана, как сообщение исчезает.

«Надеюсь успел»

«Ну все, бывай»

«PS Посмотри уже флешку, что мы тебе дали. Как ребенок, чesn слово»

Я улыбаюсь. Мирон, значит. Спасение пришло откуда не ждали. А говорил, что пути-дорожки наши расходятся навсегда. Вот так бывает, когда с человеком хорошо обходишься. Все-таки карма есть. Люди помнят добрые дела.

Так, время не ждет. Марсик вроде сделал все свои дела. Да даже если и не сделал. Я подтаскиваю пса к себе на поводке, хватаю его подмышку и несусь с вырывающимся псом в руках в сторону дома Агаты.

Врываюсь в квартиру, как метеор.

— Агата!

— Что? — доносится из кухни.

— Мне нужно срочно отъехать! — кричу я, ставя Марсика на пол. — Помой ему лапы.

— Откуда такая срочность? Уже ведь поздно! — Агата выбегает с кухни, на ходу вытирая руки полотенцем, перевешанным через плечо. — Ты узнал, где мама?

— Нет. Не совсем. Я потом объясню. Сейчас некогда, честно, — я чмокаю ее щеку и передаю поводок. — Дверь никому не открывай кроме. НИ-КО-МУ! Поняла? — девушка кивает. — Отлично. Надеюсь, я быстро.

Я выхожу из квартиры, дожидаюсь пока обалдевшая девушка закроет дверь на все замки и через три ступеньки спускаюсь вниз.

— Олег, в поселок Северный, — бросаю я водителю, закрывая за собой дверь Майбаха.

— Принял, шеф. Далековато, конечно, — удрученно говорит Олег, мягко трогаясь с места.

— Насколько далековато?

— Километров восемьдесят. Навигатор показывает полтора часа езды.

— Блядь! — восклицаю я. — У нас столько нет. Надо быть там через полчаса край.

— Миссия невыполнима, шеф. Мы же не на вертолете, — резонно говорит водитель.

— Давай, гони. Хотя бы за час успеть, — умоляюще произношу я.

— За час, можно попробовать. Пристегивайтесь, шеф.

Олег переводит коробку передач в режим «Спорт» и резко утапливает педаль газа в пол. Майбах рвет с места так, что меня отбрасывает на спинку сиденья. Безумная гонка по ночному городу начинается. Олег, не глядя на навигатор, едет по улочкам Питера. В таких местах даже я никогда не бывал, но он на огромной скорости выворачивает руль то вправо, то влево, временами сигналижая тихоходам и пешим туристам. Три раза мы пересекаем сплошную, два раза заезжаем под кирпич. Олег сосредоточенно смотрит вперед, но ни один мускул не напрягается на его лице. Временами мы выезжаем на дороги общего пользования, но перед самым светофором снова ныряем во дворы.

На очередной придворой дороге, Олег, истошно сигналижая, не дает выехать из двора наглухо тонированному Гелендвагену. Хозяева этих машин обычно считают себя королями мира, которым можно всё и все должны их пропускать. Этот оказался не исключением. С диким ревом и свистом шин он устремляется за нами вслед.

Вспышка сзади. Я оборачиваюсь. Гелендваген утыкается к нам в багажник и истерично моргает дальним светом. Постоянно виляет рулем, чтобы обогнать то слева, то справа, но не может из-за встречного потока и припаркованных машин.

— Ну что за мудака-то? — в сердцах вопрошает Олег.

Гелику, наконец, удается прорваться и обогнать нас по встречной полосе. Машина

равняется с нами. Пассажирское стекло опускается и оттуда показывается морда с абсолютно лысой головой, которая в гневе брызжет слюной.

Олег невозмутимо достает из плечевой кобуры пистолет, показывает его морде и жмет кнопку стеклоподъемника. Стекло даже на половину не опустилось, а морда что-то кричит в салон, и водитель Гелика жмет по тормозам, уводя машину обратно во дворы.

— Эх и дебилы, — осуждающе говорю я.

— Все смелые, а как до дела, так в кусты, — усмехается Олег.

Гонка продолжается и спустя пятьдесят пять минут мы стоим у обозначенного адреса. Олег останавливается у въезда, которым перекрыт шлагбаумом. За ним метрах в пятидесяти виднеется непонятного вида трехэтажное здание. Что оно за собой скрывает, понять трудно.

— Может с вами сходить? — спрашивает Олег, осматривая через лобовое стекло данный пейзаж.

— Нет, я сам.

Я выхожу из машины и по брусчатой дороге иду ко входу. Когда я подхожу к крыльцу, двери здания открываются. Из них появляются два охранника, а за ним тот, кого я жажду увидеть последние три недели.

Семенов смотрит на меня сверху вниз с высоты десяти ступенек. Его лицо так искажает злоба, что рот кривится от отвращения. Охранники тут же бросаются ко мне.

— Стоять, — обрывает их на полпути депутат.

Те послушно замирают на лестнице.

— Какая встреча, — цедит Семенов. — Боюсь представить, чего тебе стоило оказаться здесь.

— Оказалось не так трудно, как я думал, — сквозь зубы произношу я.

— С чем пришел? — бросает Семенов.

— Мы здесь будем разговаривать? — поднимаю бровь я.

Семенов хохочет в голос, картинно задирая голову вверх.

— С чего ты вообще решил, что я хочу с тобой разговаривать? — спрашивает он.

— Ты можешь не разговаривать, но выслушай меня. Прошу, — умоляюще говорю я. Он этого хочет. Надо играть в его игру, иначе меня вышвырнут отсюда, как щенка. А другого шанса с ним поговорить, может и не представится.

— Вот, так другое дело, — довольно кивает Семенов. — Ты всегда теперь должен жалобно просить, запомни, — он разворачивает и лениво машет мне рукой. — Пойдем.

Я поднимаюсь по лестнице, но упираюсь в твердые силуэты охранников. Оба смотрят на меня пристально, а когда их хозяин уходит на приличное расстояние, разворачиваются и идут следом. Я рассерженно плетусь за их спинами.

Внутри здания полумрак. Мы проходим большую залу, сплошь увешанную занавесками и тюлями. За ту минуту, что я прошел по ней, кажется, увидел все существующие оттенки красного. Исключительно пошлая, порочная обстановка. Мы заходим в длинный коридор с большим количеством дверей. Здесь царит еще больший полумрак, только утыканые по стенам слабо светящиеся лампы дают глазам хоть что-то разглядеть. Я чувствую приятный восточный запах, но не могу разобрать что это. Где-то вдалеке слышится звон цепей. Одна из дверей приоткрывается и оттуда выходит абсолютно голая девушка. Красивое гладкое тело, красивое лицо, черные волосы, но абсолютно стеклянные глаза. Она слабо улыбается мне и пытается дотронуться рукой. Я сторонюсь ее, мы идем дальше.

Да это бордель! Странно, что не слышно стонов и криков. Может специфическое место? Звон цепей-то был. Или Семенов выкупил его полностью на час, чтобы никто не видел. Скорее всего.

Мы заходим в какой-то обеденный зал с длинным столом, вокруг которого расставлено немислимое количество стульев. Он ломится от всевозможной еды. Стены подпирают колонны и статуи, между ними красуются дорогие гобелены и картины. Дорого-богато.

Семенов садится во главе стола и, положив правую ногу на соседний стул, закидывает в рот огромную оливку. На его самодовольной роже мелькает улыбка. Похоже он неплохо оторвался этим вечером. А тут еще я пришел с кошачьими глазами смотреть на него. От этой мысли я сжимаю руки в кулак. Верхняя губа нервно подергивается.

— Садись, не стой в дверях, — величественным тоном произносит Семенов.

— Я постою, — сухо говорю я, подходя ближе к столу. Берусь за спинку стула и с силой сжимаю ее.

— Рассказывай чего хотел, — чавкая новой оливкой, говорит депутат.

— Тебе не кажется, что ты перешел все границы? — осторожно начинаю я, по-прежнему сжимая спинку стула.

— Пха, — усмехается Семенов. — Я только начал, а ты говоришь, что я уже куда-то перешел. Нет! Я же сказал, что раздавлю тебя. Но ты, видишь, сам пришел. На своих двоих. Раздавленным совсем не выглядишь. Все еще впереди.

— Со мной понятно. Но девушка причем?

— Она же твоя девушка. Значит, причем.

— Ее мать тоже причем? — срываюсь я.

— Злишься? Злись сколько угодно. Я тоже злился. А потом страдал. И ты будешь страдать. Сильнее, чем сейчас будешь. Я видел, как страдал мой сын. Самое дорогое что у меня есть... было... А теперь ты мучайся. Хоть узнаешь какого это — видеть муки того, кто тебе дорог. Так что мать твоей бабы еще как причем.

Не понимаю откуда он мог видеть, как страдал его сын, ведь в ресторане его тогда не было. Может у него фантазия богатая? Но эта фраза меня несколько обескураживает. Где-то в глубине я понимаю — что-то не так. Пытаюсь собраться с мыслями и найти подходящие слова.

— Скажи, что ты хочешь и мы покончим с этим, — говорю первое, что приходит в голову.

— Я же уже сказал, чего я хочу.

— Я не виноват в смерти твоего сына.

— О, я много думал над этим, — рука Семенова с оливкой замирает на полпути. — Очень много. Да, ты не клал орехи моему сыну, не заставлял его есть этот сраный десерт, тебя даже не было рядом в тот момент. Но видишь какая штука. Ты — ответственный за все, что происходит у тебя в ресторане. Ты нанимал этих людей, обучал их. Ты платишь им. Фактически они делают то, что говоришь им ты. А получается, что они убивают людей. Оплошность, случайность, роковая ошибка — называй это как хочешь. Ты за них отвечаешь, тебе и наказание нести.

— Логика неоспоримая, — цежу сквозь зубы я.

— Кто-то должен пострадать. Менты ведь так никого и не нашли. Мои люди тоже искали и не нашли. Значит, отдуваться тебе. И, кстати, очень забавно получилось, что ты встречаешься со своей шеф-поварихой. Она в иерархии пониже тебя рангом, но тоже свою

руку приложила. Так что получается двух зайцев.

— Слушай, если хочешь на ком-то отыгрываться, делай это на мне. Не трогай Агату, — снова умоляюще прошу я. Искренне. Боюсь, что он может еще сделать. — Раз ты меня обвинил во всем, то пусть только я несу эти твои муки и страдания. Не впутывай девушку.

— Ну ты же с ней. Она с тобой, — пожимает плечами Семенов, снова закидывая в рот оливку. — Вместе вы трудности преодолеваете. У меня такой роскоши нет. Так что, — вздыхает депутат. — Терпи, Михельсон. Бог терпел — нам велел.

— Это все какой-то бред, — я рывком отстраняю от себя стул. Охранники бросаются в мою сторону, но непоколебимый Семенов делает им жест рукой. — Я сочувствую тебе в гибели твоего сына, сказал тебе об этом в первый же день, — я начинаю ходить из стороны в сторону, неловко жестикулируя. — И да, я в какой-то степени осознаю свою вину в произошедшем. Кто бы там ни готовил этот долбаный десерт, отвечать мне — пускай.

— Хорошо, что ты это осознаешь, — удовлетворенно кивает Семенов.

— Ну так и делай плохо только мне. Зачем впутывать невинную мать девушки сюда?

— С матерью все в порядке. За ней присматривают должным образом. Я не настолько плох, как может показаться.

— Но тогда, что ты хочешь? — нервно восклицаю я.

— Ты страдаешь, баба твоя страдает — я доволен, — пожимает плечами Семенов.

Я внимательно смотрю на него, сжимая кулаки. Сжимаю зубы от злости, потому что безумная идея, которая пришла мне в голову — единственное что я могу ему предложить. Слова застревают в горле и приходится прилагать невероятные усилия, чтобы выдавить их из себя.

— Если я расстанусь с Агатой, ты вернешь ей мать и оставишь их в покое?

Семенов на секунду задумывается.

— Она тебе дорога, я это знаю. Вдали друг от друга вы тоже будете страдать. В принципе меня устроит.

Я облегченно выдыхаю.

— Увижу, что вы снова вместе — тогда пощады не жди, — продолжает Семенов. — Узнаю, что вы договорились и произошедшее покажется вам цветочками. Страдайте поодиночке. Как я.

— Я тебя понял, — киваю я, опустив голову и положив руки на пояс. — Как я могу искупить свою вину? — осторожно спрашиваю.

Семенов замирает и пронзительно смотрит на меня.

— Никак, — коротко отвечает он.

Дальнейший разговор бесполезен. Он упрямо верит, что вершит справедливость. Скорее всего ему даже легче от этого.

Я разворачиваюсь и, не говоря ни слова, иду к выходу. Когда прохожу охранников, Семенов окликает меня.

— Михельсон.

Я останавливаюсь, но, не разворачиваюсь, а только слегка поворачиваю к нему голову. Не вижу его, но чувствую взгляд на своей спине.

— Лучше закажи себе броневик.

Я угрюмо киваю и выхожу, по пути осмысливая все сказанное сегодня. Безысходность положения накрывает меня одна волной за другой. Это все не кончится. Если удастся спасти

Агату и ее мать, расставшись с ней, что ж, хотя бы их это не заденет.

Уже на улице я набираю полную грудь холодного ночного воздуха. У ворот стоит Майбах, возле которого нервно курит Олег. Увидев его, я вспоминаю последние слова Семенова про броневик. Придется задаться этим вопросом всерьез.

Олег поворачивает голову, видит меня и удовлетворенно кивает. Похоже, наконец, успокоился. Нервничал, пока я был в этом заведении. Я ускоряю шаг, хочется побыстрее убраться отсюда. Олег выбрасывает наполовину выкуренную сигарету и тянется к ручке двери.

Я не успеваю пройти шагов двадцати до автомобиля, как...

Б-А-А-А-Х!

Майбах разрывает взрывом на части.

Глава 19. Агата

Марк уехал, а я в растерянности смотрю из окна в ту сторону, где скрылась его машина. Меня терзает тревога, потому что причиной такого поспешного отъезда вряд ли может быть какая-то хорошая новость.

Марсик недовольно повизгивает у входной двери, и я вспоминаю, что так и не помыла ему лапы. С тяжелым вздохом, выхожу в коридор, отстегиваю поводок от ошейника и заношу пса в ванную комнату. Марсик переминается с лапы на лапу в ванне, а я на автопилоте совершаю привычные действия.

Не зная чем себя занять до возвращения Марка, я сажусь на диван и в течении нескольких часов бездумно переключаю канал за каналом. Глаза слипаются, но мне хочется дождаться пока он вернется домой, и я держусь из последних сил. Кулинарное ТВ-шоу сменяется музыкальной программой, я снова переключаю канал и попадаю на новости. На экране появляются кадры полыхающей машины в каком-то дорогом коттеджном поселке. Я не слушаю диктора, но засыпающий мозг выхватывает знакомую фамилию, и я прибавляю звук.

“Сегодня вечером, в коттеджном поселке Северный, по неустановленной причине произошел взрыв автомобиля. По полученной информации автомобиль марки Мерседес принадлежит известному ресторатору Марку Михельсону. На данный момент данных о пострадавших и погибших во время взрыва автомобиля нет. На месте происшествия уже работают следователи и врачи скорой помощи. Мы будем следить за развитием событий.”

Видеоряд на экране телевизора сменяется на прогноз погоды. Я выключаю звук и смотрю на красивую девушку в коктейльном платье, которая грациозно водит руками по карте страны, пытаюсь осмыслить услышанное. Когда, наконец, до меня доходит, я бегу на кухню и хватаю смартфон, лежащий на столе. Руки трясутся, а мозг лихорадочно пытается сформировать план действий. С третьей попытки мне удается разблокировать экран и нажать на кнопку вызова. В трубке раздаются гудки, и я немного успокаиваюсь. Это же хороший знак, верно? Но Марк не отвечает, и паника накрывает меня с новой силой. Я переодеваюсь и хватаю ключи от машины, но застываю у двери в коридоре. Куда ехать? Я даже не знаю в какой больнице его искать.

Сев на пуфик у обувницы я снова набираю номер Марка и опять слушаю в трубке безжизненные гудки. Вызов обрывается, и тут же мой телефон вибрирует. Но я чуть не плачу, когда вижу, что звонит Вера, а не Марк.

— Агата, — осторожно начинает подруга. — Ты новости видела?

— Видела, — отвечаю я.

— Информации никакой нет?

— Никакой, — из груди вырывается всхлип. — А кто мне ее даст? Если он в больнице, то мне даже не сообщат, я ему никто. А Марк не отвечает.

— Что он вообще там делал?

— Я не знаю, Вер, — вздыхаю я. — Он гулял с псом, ворвался в квартиру, сказал, что ему надо уехать и тут же умчался. Сказал, что скоро вернется.

— Я сейчас приеду, — говорит подруга.

— Не надо, Вер. Я попытаюсь его найти.

— Агат...

Я слышу звук входящего звонка и, не дослушав Верку, переключаюсь на вторую линию.

— Марк, — выдыхаю я в трубку.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Я да. Ты как? Я слышала в новостях, что машину взорвали. Подожди, а Олег?

Господи, что с ним? Где ты?!

Мне хочется одновременно плакать от страха и смеяться от облегчения, что Марк жив.

Паника, тисками сжимающая мое сердце, пытается выплеснуться наружу истерикой.

— Я в Боткинской. Олег где-то здесь. Врачи не говорят что с ним, — голос Марка

звучит глухо. — Я отделался парой царапин.

— Я сейчас приеду, — поднимаюсь я с пуфика.

— Не надо, — пытается отказаться Марк.

— В смысле не надо? Даже не вздумай спорить!

Я отключаюсь, захлопываю за собой входную дверь и несусь вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Спустя полтора часа я паркуюсь у Боткинской больницы и влетаю в приемный покой.

Он полон журналистов, которые гудят, как рой разъяренных пчел. Я протискиваясь мимо них к окошку и низко наклоняюсь к девушке.

— Где мне найти пациента Михельсона? — спрашиваю я.

— В очередь, — огрызается девушка и машет рукой в сторону журналистов.

Я непонимающе смотрю на нее.

— Я его родственница, — пытаюсь еще раз.

— Ага, я и говорю, — поднимает она на меня взгляд. — Вам в очередь из родственников.

Я наклоняюсь к окошку.

— Девушка, посмотрите на меня. Я правда его родственница, — вкрадчиво говорю я. — Самая близкая. И я одна.

Девушка нерешительно поднимает на меня взгляд. Возможно ее убеждает мое опухшее лицо или мольба в глазах, но она медленно кивает мне в ответ.

— Он на третьем этаже, в триста седьмой, — шепчет она.

— Спасибо, — благодарно улыбаюсь я девушке.

За пару минут преодолев три лестничных пролета, я врываюсь в палату. На койке сидит Марк в окровавленной рубашке, баюкая забинтованную левую руку. На его лице алеют многочисленные царапины, брюки порваны в нескольких местах. Сердце сжимается, и я стремительно бросаюсь к нему.

— Марк, — порывисто я обнимаю его.

— Я же просил не приезжать, — цедит мужчина.

— Ты и правда считаешь, что после того что я увидела в новостях, я смогла бы остаться дома?

— Это рискованно, — не сдается Марк.

— Уже поздно это обсуждать, — я сажусь рядом с ним. — Что с Олегом?

— Не знаю, — стискивает зубы мужчина. — Он в реанимации и врачи не дают никаких прогнозов. Олег стоял почти у самой машины. Не знаю как он не погиб на месте, — мотает Марк головой.

— А ты сам как? — трогаю я его за плечо.

— Жить буду, — сквозь зубы отвечает он.

— Марк...

— Подожди, — поднимает здоровую руку он. — Нам надо поговорить.

От этой фразы, сказанной таким чужим тоном, у меня внутри все холодеет. Марк делает вдох и, практически не разжимая губ, цедит:

— Нам надо расстаться.

Я задыхаюсь от неожиданности его слов и смотрю на мужчину, открыв рот.

— Это из-за взрыва, да? — догадываюсь я. — Ты боишься что он доберется до меня и пытаешься меня таким глупым образом защитить?

Марк морщится, но смело смотрит мне в глаза.

— Сейчас не самое подходящее время для отношений. Прости, но мне стоит больше времени уделить проблемам.

— Подожди, — отшатываюсь я. — А как же мама? Как же все эти слова про то что мы решим все вместе и вместе со всем справимся. Вместе! Ты помнишь?

— С мамой я все решу, ты можешь не беспокоиться. Ей ничего не угрожает и она так же будет проходить лечение в кардиологическом центре. Но все остальное... — он проводит рукой по лицу. — Прости, Агата, — повторяет мужчина. — Но сейчас не лучшее время для всего этого.

Марк обводит здоровой рукой себя и меня и отворачивается. Мне хочется вскочить и накричать на него. Накричать, что он идиот и никакой Семенов не может вынудить меня отказаться от него. И что мы со всем справимся, как и планировали — вместе. Но вместо этого я медленно встаю с кровати и поворачиваюсь к Михельсону.

— Хорошо, — киваю я. — Но еще раз я тебя в свою жизнь не пущу.

Не оглядываясь на Марка, сидящего на кровати, я выхожу из палаты и в полной растерянности спускаюсь вниз.

Уже в машине на парковке, я даю волю рвущимся наружу слезам. Я плачу по маме, Марку и Олегу, по нашим поломанным жизням и разрушенным отношениям. Я чувствую как в груди снова разбивается мое сердце. И не смотря на то, что где-то на задворках сознания, я понимаю причину этого внезапного расставания, больно от этого меньше мне не становится. Я злюсь на Марка за трусость и за то что он решил, что я не справлюсь со всем этим. Когда слезы, наконец, заканчиваются, я набираю Веркин номер и произношу в трубку:

— Я сейчас буду.

Над Питером занимается рассвет.

Позже утром, привлеченная запахом блинов, я выбираюсь из постели и босиком прохожу на Веркину кухню. Подруга, напевая себе что-то под нос, переворачивает блин на сковородке и, не глядя на меня, кивает на кофемашину.

— Наливай кофе, сейчас будем завтракать.

— Где дети? — спрашиваю я, садясь на стул.

— Киря к бабушке их повез.

— Из-за меня? — морщусь я.

— Нет, — мотает головой Вера. — Они давно договаривались, ты здесь не при чем.

Вера снимает последний блин и ставит передо мной полную тарелку от которой исходит пар и потрясающий аромат. На блинах лежит кусочек масла, пропитывая их. Я благодарно улыбаюсь ей, встаю и иду к кофемашине.

— Ты поедешь на работу? — спрашивает Вера, когда я сажусь обратно.

— Ну если он меня не уволил, то да.

— Агат, ну ты же понимаешь, что это попытка тебя защитить? — закатывает она глаза.

— Даже если так, он должен был со мной это обсудить. А не принимать решение за нас двоих.

— И ты бы сказала, что не расстанешься с ним.

Я не отвечаю, потому что Вера права, и она правильно истолковывает мое молчание.

— Вот видишь? — ухмыляется подруга. — О чем я тебе и говорю. А Марк просто испугался за тебя, и я могу его понять.

— А я не могу его понять, — сжимаю в руках кружку с кофе. — Ладно, Вер, — вздыхаю я, — закроем тему.

Подруга смотрит на меня осуждающе, но лишь пожимает плечами, и в полной тишине мы завтракаем.

Через полчаса я завожу Порш и отправляюсь в «Есенин». Как бы там ни было, я все еще являюсь шеф-поваром этого ресторана. Не уверена, что Марк появится там, но не знаю как буду смотреть ему в глаза если все же он придет. Слова Веры не способны меня успокоить, я все еще считаю, что Марк поступил нечестно по отношению ко мне, какими бы ни были его мотивы. Пока я объезжаю все городские пробки по пути на работу, раздается звонок на телефон. Я нажимаю на руль и включаю громкую связь.

— Агата Александровна, — раздается в трубке голос Петра Аркадьевича. — У меня для вас хорошие новости, — его голос дрожит от возбуждения. — Сегодня утром вашу маму привезли обратно. С ней всё в порядке, все её показатели в норме, так что можете вечером приехать и навестить.

Вздых облегчения вырывается из моей груди.

— Как она?

— Совершенно нормально, вам ни о чем беспокоиться. — частит доктор. — Мы сегодня же начнем снова все процедуры по реабилитации. Марк Давидович уже оплатил полностью весь курс. Поэтому можете не переживать.

Как только доктор упоминает Марка сердце сжимается, и я сразу понимаю, что скорее всего Вера была права. Видимо, Марк с Семёновым все-таки о чем-то вчера договорились. Только зачем тогда было взрывать его машину?

— Хорошо, Петр Аркадьевич, — отвечаю я. — Спасибо, что позвонили.

Я прощаюсь с доктором, и рука тянется набрать номер Марка, но я одергиваю себя и записываю голосовое Илье, чтобы предупредить о том, что задержусь и разворачиваю машину.

Часом позже я сижу в палате и держу маму за руку. Она выглядит так же как и несколько дней назад, и я в первый раз думаю, как было бы хорошо, если бы она сейчас ничего не понимала. Мне страшно, что все произошедшее не пройдет бесследно, хотя Пётр Аркадьевич убеждает меня в том, что с мамой все в порядке. Если бандиты просто держали ее в другой больнице, то мама, скорее всего, ничего и не поняла.

Когда я приезжаю на работу, отмечаю, что в ресторане снова слишком мало посетителей. Марк с Ильей еще не решили по поводу ребрендинга, поэтому никаких особых задач на сегодня перед кухней не стоит. Я становлюсь на раздачу и делаю то что привыкла делать всегда — ищу спасение в любимой работе.

За весь день мы не пересекаемся с Марком ни разу, чего я, если честно, и ждала. Судя по всему, у него сломана рука и скорее всего он все еще в больнице.

Отрабатывая смену без каких-либо происшествий, я сажусь в машину и снова

направляюсь в кардиологический центр. Пока я еду, на телефон приходит сообщение, я беру смартфон в руки на светофоре и открываю его. Меня удивляет что оно от Артёма.

«А я тебя предупреждал», — читаю я.

Следом приходит ещё одно.

«Давай встретимся?»

Я удаляю оба сообщения, бросаю телефон на пассажирское сидение и сосредоточено продолжаю вести машину.

Глава 20. Марк

Агата уходит. А я остаюсь полностью опустошенным. Только-только у нас все наладилось. Только она стала мне доверять. И я... Снова рушу все ее надежды. А ведь постоянно твердил, что мы через все будем проходить только вместе. Дерьмо жрать. Что ж и это нам придется съесть. Вместе, но по отдельности. Если бы я поступил по-другому ей бы грозила смертельная опасность. Взрыв это только подтвердил. Семенов не остановится ни перед чем, пока не растопчет меня и не уничтожит все, что мне дорого. Начал с малого, с ресторана, потом взялся за девушку. Кто следующий? Родители? До отца ему не добраться, силенок не хватит. Остаюсь только я сам. Но я стойко приму этот вызов. По крайней мере сделаю все, что смогу. Агата теперь в безопасности и это, на данный момент, главное. Поймет она мой поступок или нет, сейчас уже не так важно. С этим разбираться будем потом.

Шквал звонков не прекращается — друзья, знакомые, коллеги, бывшие партнеры и даже те, кого я считал своими врагами, атакуют мой телефон. Я по началу отвечаю, но потом бросаю это безнадежное занятие. Беру трубку только когда звонит мать.

— Маркуша, — ее голос дрожит. — Что с тобой? Что случилось?

— Привет, мам, — как можно мягче говорю я. — Не знаю. Машина взорвалась. Я в порядке, не переживай.

— Как? Сама? — удивляется мать. — Такого же быть не может!

— Может — не может, теперь этим делом занимается полиция. Вот они пускай и разбираются что произошло.

— Боже ж ты мой, что творится, — начинает причитать мать. — Уже же не девяностые. Куда мир катится?

— Мам, — пытаюсь остановить ее я. — Все нормально, не переживай.

— Да как тут не переживать? А если бы ты сидел внутри? — вдруг всхлипывает мать. — Даже боюсь представить... А Олег? Что с Олегом, Марк? Он же в машине сидит всегда.

— Олег выжил. За его жизнь борются...

— Бог ты мой, — плачет мать.

— С ним все будет хорошо, — начинаю быстро говорить, чтобы она не успела опомниться. — Ему повезло — он стоял рядом с машиной и курил. Хоть какая-то польза от этой дурацкой привычки.

— Да уж, точно...

— Но он находился ближе, чем я. Ему и досталось чуть больше. Но все обойдется, обязательно обойдется. Мам, отец в курсе?

— Конечно, в курсе, — я слышу как она вытирает слезы и сразу представляю как она это делает. Аккуратно, одним пальцем, чтобы не размазать тушь. — Сидит рядом. Я не дала ему тебе позвонить. А то вместо сочувствия ты бы получил порцию негатива и стресса.

Я слышу, как на заднем фоне, отец что-то кричит, но слов разобрать не могу. Видимо сидит он достаточно далеко.

— Ладно, мам, медсестра пришла. Мне надо идти, — нагло вру я.

— Хорошо. Звони мне, сынуль, прошу тебя, — умоляюще говорит мать.

— Обязательно.

Я отключаю звонок.

Долбаный Семенов! Хочет, чтобы я страдал? Хрен ему, а не страдания. Раз за разом прокручиваю наш диалог от начала и до конца. И меня смущает одна деталь. Где он мог видеть, как мучается и умирает его сын? У нас ровно одна камера направленная в зал и висит она высоко под потолком, подальше от чужих глаз. Полиция забрала записи, сделанные с помощью нее. Но она забрала копии, а оригиналы остались. Получается, либо Семенов подкупил кого-то из полицейских, либо кого-то из персонала. А это значит среди нас крыса.

Кто бы это мог быть?

Из всего штата, только два имени тут же всплывают в голове. И меня тут же осеняет. Я резко встаю с койки, рука так и болит, а саднящие раны периодически простреливают неприятными ощущениями. Не обращаю на них внимания. Спускаюсь на пол и начинаю обуваться.

Как назло в этот момент в палату заходит сестра, девушка лет двадцати пяти, полненькая, но симпатичная.

— Вы куда? Вам нельзя, — строго говорит она.

— Можно-можно, — бросаю я ей, пытаюсь завязать шнурки на ботинке. — Меня только что выписали.

— Я сейчас доктора позову, — угрожает сестра. — Вам нужно лежать.

— Доктор меня не остановит, належался уже, — сквозь зубы произношу я. Одной рукой завязывать шнурки дело нелегкое, а если подключать травмированную левую, боль возникает такая, что глаза лезут на лоб. — Лучше бы помогли вот.

Я сажусь на край кровати и вздыхаю, как будто вагон разгрузил.

— Вот видите, — с укором говорит медсестра. — Я же сказала, что вам рано еще вставать.

— Не хотите помогать, тогда так пойду, — со скрипом встаю и направляюсь в сторону двери.

— Да стойте же.

Сестра выбегает в коридор следом за мной, я прихрамываю, но упорно иду дальше.

— Станислав Андреевич! — кричит сестра в противоположную от меня сторону. — Станислав Андреевич! У нас пациент сбегает!

Я слышу, как за спиной хлопают двери, топот ног по коридору, и какие-то возгласы. Но упорно иду вперед, стараясь как можно меньше наступать на больную ногу.

— Куда вы собрались мужчина? — хватает меня за локоть врач.

На шум из разных палат появляются недовольные и сонные лица пациентов. Пока они молчат, но если продолжить шуметь, я уверен они в полной мере выскажут свое недовольство.

— Я выписываюсь, — коротко произношу я. Останавливаюсь возле лифта и нажимаю кнопку вызова.

Лифт отзывается глухим гулом. Только сейчас смотрю на доктора. Молодой, опрятный, сонный.

— Пишите отказ, если хотите уехать, — назидательно говорит врач. Как будто это должно меня испугать.

— Без проблем. Давайте бланк, я подпишу.

Мы вместе спускаемся на лифте вниз. В регистратуре я подписываю ворох документов и с облегчением выхожу из больницы. Вызываю такси, которое приезжает так быстро как

никогда не приезжало.

Над Питером занимается рассвет.

Я стою напротив нужной мне двери, не отпуская руку от звонка. Дверь открывается и в щель пролезает сонная лохматая голова.

— Привет, Илья, — с наигранной улыбкой говорю я и коротко бью его здоровой рукой в нос.

— Ай, блядь! Ты что рехнулся? — вопит Илья, хватаясь за нос, из которого брызнула тонкая струйка крови.

Я заталкиваю его внутрь, а сам хромаю следом. Закрываю дверь за собой на все замки.

— Что все это значит? — гнусавит Илья.

— О да, сейчас мы во всем разберемся! — зло сверкаю глазами я.

Ненависть накатывает волна за волной. Я хватаю его за шкуру и запихиваю в одну из комнат, похоже это зал. А пока он отлетает от меня, еще и пинка под зад отвешиваю. Илья запинается о ковер и падает лицом на пол. В комнате полумрак. Видимо окна выходят на запад и рассвет из них не видно. Интуитивно шарю по стене на уровне пояса. Вот и выключатель. Свет загорается.

Илья встает на четвереньки, сплевывая сгустки крови на дорожкой, по всей видимости, ковер. Я обхожу его и сажусь на край дивана прямо у его головы.

— Ну что? Мне продолжать? — сквозь зубы спрашиваю я. — Или ты сам мне все расскажешь?

Илья пыхтит, кряхтит и периодически сплевывает. Он поднимает на меня свое окровавленное лицо. Да-а-а. Приложился об пол он знатно. Неожиданный смех разряжает обстановку. Он ржет, как сумасшедший и безумными глазами смотрит на меня.

— Конечно, — сквозь смех говорит он. — Сейчас я тебе все расскажу.

С этими словами он отталкивается от пола и бросается на меня. Я успеваю лишь немного отпрянуть. Но это не помогает. Почему-то он целится не в лицо, а куда-то в грудь или живот. Его голова упирается в меня, а руки обхватывают с обеих сторон и сцепляются в замок сзади.

Больно, черт. Травмированную левую руку просто распирает от боли.

Я пытаюсь напрячься всем телом и хоть как-то обхватить его здоровой правой рукой, но он вцепился в меня мертвой хваткой. Чувствую как он пытается меня приподнять, но сделать это с первого раза силенок не хватает. Он расслабляется, положив на меня все тело и тут же берется снова за дело. Все это время я безуспешно пытаюсь хоть как-то его схватить, чтобы улучшить свое положение. Мне удается втиснуть свое колено между собой и его грудью. Это уже отлично. Давлю коленом в его грудную клетку и его руку расцепляются сами собой. Илья по инерции летит назад. Я вскакиваю и бросаю хук вдогонку. Кулак проходит четко по его скуле. Илья делает два шага назад, но удерживается на ногах.

— Вы что рехнулись? Успокойтесь! — слышу знакомый женский крик. Оборачиваюсь. Ну точно — администратор Лиза, в одной ночнушке. Они значит уже съехались.

Илья пользуется моим замешательством, и я едва уворачиваюсь от неуклюжего удара. Кулак только чиркает по уху. Зато ответный хук точно пробивает челюсть. В этот раз удар сокрушает моего противника. Тот не может устоять на ногах и валится назад, прямо на жопу.

— Двинешься и я тебя вырублю, — поднимаю бровь я, глядя в глаза Илье. Немного оставляю правую ногу назад и перекладываю на нее вес. Движение едва уловимое, но у меня ощущение, что он его замечает и понуро опускает голову. — Тебя это тоже касается, —

бросаю я, стоящей в шоке Лизе. — Если хочешь, чтобы твой мужичок был в порядке, лучше стой и не двигайся.

Краем глаза вижу, как девушка кивает. Мне этого достаточно. В случае чего, моего бокового зрения хватит, чтобы среагировать.

— Что ты хочешь? — спрашивает Илья, вытираю ладонью рот от крови.

— Откуда у тебя деньги на долю в «Есенине»? — сжимая кулаки, спрашиваю я.

— Накопил, — выдыхает Илья.

— Врешь. Я знаю. Ты это знаешь. Она это знает, — киваю я на Лизу. — Но я хочу услышать от тебя. В глаза мне смотри, — Илья нехотя поднимает голову. А я слегка наклоняю свою. — Друга решил продать, так?

— Ты мне уже давно не друг, — он снова ржет, обнажая окровавленные зубы. — Ты перестал им быть, когда взял на работу эту свою Агату, которая испортила наш ресторан. Которая принесла нам несчастья одним лишь своим появлением. Да, я продал Семенову запись с наших камер. В тот же день продал. Когда он жрал у нас этот всратый десерт и угрожал тебе. За хорошую сумму причем. Но я не при делах! Он сам предложил. Какой бы дурак отказался от таких денег. Просто воля случая.

Я опускаю голову и расслабляюсь. Не испытываю ни ненависти, ни злости к нему. Только отвращение.

— По этой твоей воле случая, Семенов возненавидел меня и решил заставить меня страдать также, как страдал его сын. Как страдал он, когда видел это. Мы с тобой больше не партнеры. Завтра я решу, что делать с рестораном.

С этими словами, я разворачиваюсь и хромаю к выходу. Лиза бросается к своему суженому и начинает причитать. Уже у входных дверей, слышу едва уловимый мужской шепот: «Козел!». Но мне уже плевать.

На улице я набираю полную грудь холодного воздуха и вызываю такси. Домой еду долго. По крайней мере мне так кажется. Сознание помутнело, и я не разбираю дороги, не понимаю пейзажа за окном, не узнаю улиц и домов. Все сузилось до одной маленькой точки на подголовнике перед моими глазами. Мне кажется, эта поездка длится вечность.

Уже дома я буквально падаю на кровать лицом вниз и засыпаю прямо в одежде.

Сколько длится сон я не знаю. Сны сменяют один другой. Я их не запоминаю. Все, кроме последнего. Последний слишком яркий. Я выхожу из “Есенина” и вижу, как Агата сидит за рулем своего Порше. Я улыбаюсь ей, она мне. Делаю шаг вперед, и машина в ту же секунду взрывается.

Я вскакиваю на кровати. Липкий страх окутывает все тело, тяжело дышу и пытаюсь прийти в себя, вытирая лицо рукой.

Это просто сон. Всего лишь сон.

Снимаю с себя всю одежду, бросаю на пол, хромаю в душ и долго стою под струями едва теплой воды. Это хоть как-то меня приводит в чувства. Вытеревшись насухо полотенцем, возвращаюсь в комнату. Хватаю первые попавшиеся джинсы и тут же нащупываю в кармане что-то твердое. Лезу внутрь — флешка Мирона.

Подхожу к столу и поднимаю крышку ноутбука. Увиденное на флешке погружает меня в шок. Рука сама тянется к телефону, на автомате ищет контакт в записной книжке и набирает тот самый второй номер, которому я так не хотел звонить.

Глава 21. Агата

Дома я цепляю поводок к ошейнику пса и на автопилоте иду гулять с Марсиком, в это же время разговаривая с отцом по телефону.

— Пап, ну я же говорю — в больнице был какой-то карантин, — в третий раз повторяю отцу свою ложь — Сейчас уже все в порядке.

— Мне кажется, ты от меня что-то скрываешь, — сомневается в моих словах он.

— Да нет же, — выдыхаю я. — Просто устала на работе. С мамой все в порядке. Завтра после работы я заеду за тобой и отвезу к ней. Договорились?

— Хорошо, дочка, — после непродолжительной паузы говорит он. — У тебя точно все в порядке?

— Все отлично, — нагло вру я отцу и прощаюсь с ним.

Вернувшись в квартиру пытаюсь закинуть в себя холодную свинину, но понимаю, что есть мне совершенно не хочется. Все чего мне сейчас хочется — отмотать время назад и послушать Верку, которая сразу сказала, что устраиваться на работу к Михельсону глупая затея. Мне обидно и больно, но вдобавок ко всему — страшно. Я боюсь за Марка, потому что, судя по всему, Семенов ни перед чем не остановится, чтобы уничтожить его. Мне хочется быть рядом с Марком, давая ему понять, что он не одинок в этом противостоянии. Но он сам отказался от меня, а значит, ему это не надо.

Я ложусь в кровать и беспокойно ворочаюсь не в силах заснуть. Экран телефона, лежащего на тумбочке загорается. Я беру смартфон в руки и читаю очередное сообщение от Темы

“Спишь?”

Удаляю его и кладу телефон экраном вниз. С самого вечера он заваливает меня сообщениями и звонками, которые я упорно игнорирую. Мне не о чем с ним разговаривать. Да и зачем? Все что он хотел мне сообщить уже сообщил. Ничего нового я от него не услышу.

Телефон вибрирует. Я не реагирую и лежу, уставившись в потолок. В голову приходит нелепая мысль, что это может звонить Марк. Я хватаю телефон и смотрю на дисплей. Нет. Снова Артем. Хочется разреваться, но легче от это не станет. Никогда не становилось. А значит надо просто двигаться дальше.

Утром следующего дня я подхожу к машине, стоящей у парадной и замираю. Около Порше мнетса Артем, и когда я останавливаюсь около него, поднимает на меня виноватый взгляд. В руках у Темы букет цветов. Выглядит он куда лучше чем в прошлую нашу встречу. Волосы аккуратно подстрижены, лицо гладко выбрито. На Теме приличный и, судя по всему, недешевый костюм. Белоснежная рубашка под расстегнутым пиджаком.

— Привет, — делает он шаг ко мне. — Ты не отвечаешь на мои звонки.

— Потому что мне не о чем с тобой разговаривать, — цежу я и пытаюсь его обойти.

— Подожди, — преграждает мне путь Артем. — Выслушай меня.

Я вздыхаю и бросаю демонстративный взгляд на часы.

— У тебя пять минут, — киваю я. — Иначе я опоздаю на работу.

— Я виноват перед тобой, — сразу же начинает Тема и делает еще шаг в мою сторону. — Я вел себя как дурак, не ценил того, что ты делаешь, а в конце... — он проводит рукой по лицу. — В общем, прости меня.

— Это все? — вскидываю я бровь.

— Нет, — мотает головой мужчина. — Я не просто все осознал, но и изменился.

Я недоверчиво хмыкаю и Тема это замечает.

— Посмотри на меня, — делает еще шаг. — Я нашел работу. Нормальную работу в юридической фирме. Завязал со стримами и алкоголем. После того как потерял тебя, я многое осознал. Ты самое дорогое, что было у меня, а я все так бездарно просрал.

— Ты именно поэтому принес мне ту гнусную папку? — морщусь я.

— Я хотел, чтобы ты поняла, что он ничем не лучше меня, — пожимает Тема плечами.

— Где ты ее вообще взял?

— Добрые люди помогли, — хмыкает он. — Сами вышли на меня и предложили посмотреть документы. Сказали, что мне будет это интересно. Так и вышло. А потом я подумал, что тебе эта информация тоже пригодится. Но это все неважно, — мотает он головой. — Я пришел просить тебя о еще одном шансе.

— Тема, о чем ты? — смеюсь я. — Какой шанс? Я застала тебя в нашей постели с другой девушкой, которая по факту еще и проституткой оказалась. О каком втором шансе ты говоришь? Между нами все кончено, раз и навсегда.

— Агата, — подходит он почти вплотную ко мне. — Но разве нам было плохо вместе? Мы можем забыть об этом недоразумении и жить дальше. Пожениться и стать счастливыми.

Я смотрю на Артема и не верю своим ушам. Мне кажется, что он просто не в себе. Вот так внезапно объявиться и просить об еще одном шансе. Еще так удачно для него, когда Марк решил расстаться со мной. А кстати...

— Тема, почему сейчас?

— Что? — непонимающе смотрит он на меня.

— Почему ты пришел именно сейчас? — переспрашиваю я.

— Потому что сейчас мне есть что предложить, — пожимает он плечами. — Я же сказал, что нашел работу. Сейчас я смогу обеспечить тебя и дать тебе все, чего ты достойна.

— Нет, Артем, — отрицательно мотаю я головой. — Наши отношения давно себя изжили. Никакого шанса не будет.

— А если я люблю тебя?

— В тебе говорит, что угодно, но только не любовь, — ухмыляюсь я.

— Ты ошибаешься, — морщится Артем. — И я докажу тебе это.

Я непонимающе смотрю на мужчину, когда он сокращает расстояние между нами до неприличного. Запах роз от букета, который он все еще держит в руках ударяет мне в нос, и я морщусь от их приторного запаха. Артем кладет ладонь свободной руки мне на затылок и притягивает к себе. Я не успеваю среагировать, и его рот властно накрывает мой.

Поцелуй длится всего секунду, после чего я с силой толкаю мужчину в грудь.

— Ты с ума сошел? — взрываюсь я. — Между нами все кончено, понимаешь? Никаких отношений, шансов и тем более свадьбы. Уходи!

— Но почему? — почти кричит Артем.

— Потому что я не люблю тебя, — уже тише говорю я. — Все просто, Тема. Я больше тебя не люблю.

— А его? Его любишь? — шипит Тема и его лицо искажается злобой.

— Это не твое дело.

— Мне вот интересно, — задумчиво тянет мужчина. — Чем же он все-таки лучше чем я? А? Ну кроме того, что у него денег как у дурака фантиков.

— Тебе не понять, — мотаю я головой.

— Прекрасно, — цедит Тема.

Он резко разворачивается и отшвыривает букет на дорогу. Розы ударяются об асфальт и во все стороны разлетаются красные лепестки. Перед глазами тут же встает изуродованный Мерседес Марка, и я вздрагиваю. Артем уходит, больше ни слова не произнеся и оставляя меня одну.

Путь до работы я проделываю словно в бреду. Хорошо дорога изучена и проблем не возникает. Все мои мысли заняты этим внезапным приходом Артема. Такое ощущение, что где-то там, абсолютно скрытый от нас есть невидимый кукловод. Он дергает за ниточки, заставляя нас играть по его правилам. И все это напоминает кукольный театр безумца.

Паркуясь около ресторана, я ищу глазами машину Марка, но Мерседес изуродован, Майбах взорван, а Хаммера здесь нет, как, скорее всего, нет и его владельца. Я захожу в “Есенин” и озираюсь по сторонам. Ресторан снова почти пуст, всплеск клиентов, вызванный благотворительной акцией сошел на нет. Нужно что-то большее чем благородные поступки Михельсона, чтобы вернуть сюда клиентов. На встречу мне проносится Илья, едва удостоив меня кивком. Мне кажется, или его лицо отликает фиолетовым? Я киваю ему в ответ и торопливо прохожу в раздевалку, чтобы переодеться. Сейчас весь фокус моего внимания направлен на то как избежать встречи с Марком. Господи, ну какой идиоткой нужно было быть, чтобы заводить отношения со своим начальником?. Я мысленно ругаю себя все время пока переодеваюсь и пока так же торопливо проскальзываю на кухню.

— Привет, — машет мне с раздачи Андрей.

Я машу ему в ответ и прохожу на шефскую кухню. Через пять минут он заходит следом.

— Все в порядке? — спрашивает он, сядя напротив меня. — Ты выглядишь бледноватой.

— Да, — отмахиваюсь я. — Просто немного устала.

Андрей понимающе смотрит на меня, но никак это не комментирует. После того как сушеф стал свидетелем нашей ссоры с Ильей, он ни разу не позволил себе неуместных замечаний в адрес наших с Марком отношений. За что я стала уважать его еще больше.

— По ребрендингу нет обратной связи? — интересуется он.

— Пока нет, — мотаю я головой.

— Ну да, Марку Давидовичу сейчас точно не до этого, — задумчиво произносит Андрей. — Не знаешь, что с водителем? Выжил?

— Вроде в реанимации, — закусываю губу я. — Надеюсь выкарабкается.

— Я тоже, — кивает Андрей. — Неплохой мужик этот Олег.

Я молчу, не зная как продолжить этот разговор. Каждое упоминание Марка отзывается тупой болью между ребер. Андрей что-то понимает по моему лицу и меняет тему. Но тоже не очень удачно.

— Анжелику снова допрашивала полиция. Она божится, что из пяти заказанных десертов без орехов все пять так и отдавала.

— Как же тогда они попали в этот чертов десерт? — бормочу я.

— Не знаю, — пожимает плечами Андрей. — Лиза утверждает, что на стол посетителю поставила тот десерт, что взяла на раздаче.

— Лиза? — удивляюсь я. — Почему заказ относил Лиза?

— А черт их там разберет, этот зал, — машет Андрей рукой. — То ли Светка заболела, то ли Машка загуляла. Но Лиза тогда в зал встала и заказы разносила. Так что...

Договорить Андрею не удастся, потому что на кухню врывается Игорь.

— Агата Александровна, — бормочет он. — Там поставка молочки пришла.

— Спасибо, Игорь, — встаю я. — Сейчас подойду.

— Просто там Илья Владимирович уже все принял... — мнется в дверях повар.

— Так... — замираю я.

— В общем, там примерно треть продуктов — просрочка, — выдыхает Игорь.

Я сажусь обратно на стул и подпираю голову руками. Приехали. Только таких бессмысленных расходов не хватало ресторану.

— Что с ними делать? — неуверенно спрашивает повар.

— Как что, Игорь? — поднимаю я взгляд на него. — Списать.

— Хорошо, Агата Александровна, — облегченно кивает он и быстро выходит.

— Ну дела-а-а, — тянет Андрей и встает со стула. — Пойду посмотрю что там.

— Спасибо, — киваю я су-шефу. — Я сейчас подойду.

Он ободряюще улыбается мне в ответ и выходит вслед за Игорем. Я поднимаю глаза от стола и рассматриваю кухню. Помещение, где я чувствую себя на своем месте. Работу, которая стала смыслом моей жизни. Я внимательно рассматриваю столы из нержавеющей стали, отличную технику и удобную поварскую посуду. С тяжелым вздохом я встаю со стула и подхожу к ящику с письменными принадлежностями. Быстро нацарапав две записки, одну кладу в карман кителя, а вторую оставляю в руках. Еще раз окидываю кухню быстрым взглядом и выхожу.

Путь до кабинета Ильи занимает несколько минут. Я стучусь в дверь и только после того как слышу приглашение, открываю ее. Илья сидит в своем тесном и неудобном кабинете с видом победителя. На его лице и правда расцветает синяк и пара ссадин. Интересно, это ему законный муж очередной любовницы навалял или кто-то другой? Илья отрывает взгляд от бумаг, лежащих перед ним и высокомерно смотрит на меня.

— Ты что-то хотела? — говорит он, откидываясь в кресле.

— Да, — подхожу я к столу. — Мне нужна твоя подпись.

Я кладу лист бумаги, который все это время сжимаю в руке, ему на стол.

— Что это? — не глядя на документ, спрашивает меня Илья.

— Мое заявление на увольнение.

Пока идут гудки, я с силой сжимаю телефон. Ладонь потеет. Как же долго тянутся эти секунды. Как будто на том конце думают брать трубку или нет. Мне кажется, проходит целая вечность...

— Слушаю, — говорит, наконец, угрюмый голос в трубку.

— Это я, — отвечаю пересохшим голосом.

— Я в курсе.

— Удобно говорить?

— Говори.

— У меня проблемы.

— Я в курсе.

Я замолкаю на секунду. Беру всю свою волю в кулак, слова даются крайне тяжело.

— Мне нужна твоя помощь.

Повисает тягостное молчание. Оно длится довольно продолжительное время. Я слышу тяжелое дыхание на том конце. Похоже, я зря позвонил. Помощи мне ждать неоткуда. Ну, по крайней мере я попытался. Что ж, пусть будет...

— Через полчаса. В Летнем Саду. Опоздаешь — уйду, — перебивает мои мысли голос и человек на том конце вешает трубку.

Я еще сижу какое-то время слушаю короткие гудки, а потом тишину, и не могу оторвать трубку от уха. Неужели после стольких лет появилась надежда на нормальные взаимоотношения?

На автомате встаю из-за стола с ноутбуком и одеваюсь. Полчаса вполне достаточно, чтобы добраться до Летнего Сада. Но все же опаздывать не стоит. Оперативно делаю себе бутерброд, глотаю его, почти не жуя, и заливаю все половиной коробки апельсинового сока. Завтрак знаменитого ресторатора. Рука по-прежнему болит, нога отчего-то не хочет полностью сгибаться и отдает болью если нормально шагать. В прихожей снова возникают проблемы с обувью — шнурки не хотят завязываться. Плюю на все, достаю из шкафа кроссовки без них и довольный вылетаю на улицу.

Такси приезжает мгновенно. Брать Хаммер я не рискую — в таком состоянии, могу и не справиться с управлением. Как прекрасно оказалось — из трех машин у меня осталась одна, причем самая нелюбимая. Та, которую я уже давно хотел продать.

Ровно в назначенное время я иду по аллее Летнего Сада, к той самой лавочке. Я знаю где искать, потому что это место, можно сказать, знаковое для нас.

Мужчина в сером костюме и кепке, сидит развалившись, положив ногу на ногу и убрав руки в карман. Он старше меня на пять лет, но его русые волосы уже усыпаны проседью. Его острое лицо покрыто густой бородой и сосредоточенно смотрит прямо, глаза скрыты солнцезащитными очками. Не смотря на всю свою показную расслабленность, я знаю, что он предельно собран и сосредоточен.

Я подхрамываю к лавочке и замираю, глядя на него.

— Привет, — с едва уловимой улыбкой говорю я.

— Давно не виделись, — не поднимая головы, говорит мужчина.

— Слишком давно, — киваю я.

— Что хотел?

Я хочу начать выкладывать свои проблемы, но тут же осекаюсь. Не с этого нужно начать наш диалог. Так неправильно.

— Для начала извиниться, — поджав губы говорю я. Мужчина внезапно смотрит на меня и поднимает правую бровь. Эти слова стали для него неожиданностью. — Я много раз думал о нашей с тобой ситуации. По началу не сомневался в своей правоте. Был даже зол на тебя. Очень долго злился и не понимал, почему ты первый не идешь мириться. В какие-то моменты мне даже не хватало тебя, когда я не мог справиться с чем-то или заручиться поддержкой. И от этого злился еще больше. Но чем старше становился, тем приходило больше понимания. Я остыл, а совсем недавно, может месяц назад или чуть больше, понял какой страшный поступок я тогда сотворил. Трудно представить, как ты тогда не убил меня на месте. Я был полнейшим ослом. Вот честно. Говорю, искренне, не из-за проблем, которые на меня свалились. Я действительно так считаю. Прости, я был полнейшим ослом тогда. Прости, если сможешь...

— Извинения приняты, — кивает мужчина, пристально глядя на меня.

— Пожмем руки? — протягиваю я свою.

— Ты еще обняться предложи, — хмуро усмехается мужчина, пожимая ее. — Если ты остыл и готов мириться, это не означает наличие тех же чувств у меня. Твои извинения приняты, но пока не более того.

— Понимаю, — опускаю голову я.

— Теперь рассказывай что у тебя, — уже более дружелюбно говорит мужчина.

Я подтягиваю джинсы и сажусь на лавку рядом с ним. Кладу локти на колени и тут же осекаюсь от удара боли в локоть. Хочется схватиться за него, но я сдерживаю себя. Не хочу чтобы он видел. Вместо этого сажусь, немного поворачиваясь, так, чтобы не опираться на больную руку.

— Депутат Семенов заимел на меня зуб. Причем конкретный, — начинаю я.

— Ого, — присвистывает мужчина. — Фигура крупная. Чем ты ему так насолил?

— Да. Даже чересчур крупная. Его сын умер от анафилактического шока у меня в ресторане. Кто-то по ошибке положил орехи ему в десерт.

— В твоём ресторане кто-то что-то сделал по ошибке? Я думал у непоколебимого Марка все под контролем, — усмехается мужчина.

— Я тоже так думал. И получается ошибался. Семенов устроил на меня настоящую охоту.

— Поэтому ты хромаешь?

— Да. Ты что новости не смотрел?

— Это немного не мой профиль. Можешь не рассказывать, сам узнаю.

— У меня есть это, — я достаю флешку из кармана и протягиваю мужчине. — Там тако-о-ое — туши свет. Но я не представляю, что с этим делать.

Мужчина забирает у меня флешку и убирает в карман, даже не взглянув на нее. Повисает тягостное молчание. Я вроде бы и хочу рассказать, что со мной происходит, но, с другой стороны, я знаю, что информации ему достаточно.

— Помнишь, как мы гуляли здесь пацанами? — нарушает молчание мужчина. — Ты вечно прятался так, что тебя хрен найдешь.

— Помню. Но ты находил.

— С трудом. Ты всегда хотел быть первым и лучшим.

— Ты единственный кто мог меня найти.

— Возможно.

Снова повисает тяжкое молчание

— Иосиф, — говорю вдруг я.

— М? — откликается тот.

— Почему ты не пришел на мамино гуся?

Брат смотрит на меня поверх солнцезащитных очков и вдруг улыбается, обнажая зубы.

— А ты сам-то был, деловой? — спрашивает он.

— Конечно, — улыбаюсь я в ответ. Неужели лед растаял? Становится так легко на душе. — Ты же знаешь, что его пропускать нельзя. Да и отец настойчиво звал. Не удивлюсь, если это он и попросил мать его приготовить.

— Мы с отцом в последнее время не в ладах, — морщится Иосиф.

— Ты и отец в ссоре? — вскидываю я брови вверх. Вот это поворот.

— Не то чтобы в ссоре, — пожимает плечами Иосиф. — Скажем так, у нас появились непреодолимые разногласия. Как и у тебя в свое время. Общаемся мы сейчас крайне редко, больше по его инициативе. Зачастую сквозь зубы.

— Боюсь представить, чем любимый сын мог так разочаровать отца, — качаю головой я.

— Все как обычно — делал не то, что он хочет, — Иосиф хлопает ладонями по коленям и встает. — Как и ты в свое время. Так что ты должен меня прекрасно понимать. И тут еще неизвестно кто кого больше разочаровал. Ладно, это дело десятое, — машет рукой он и смотрит на меня. — Займись твоим делом сегодня. Посмотрим, что там есть на Семенова, — он протягивает мне ладонь.

Я встаю и крепко жму ее.

— Спасибо, — коротко произношу я, глядя ему в глаза.

— Пока не за что, — кивает Иосиф. Поджимает губы, не выпуская мою руку. — Я рад, что ты решился поговорить со мной. Хоть и пришел с проблемами. Надеюсь у нас еще будут поводы встретиться, когда они разрешатся, — он хлопает меня по плечу и задерживает на нем руку, легко сжимая пальцами.

— У меня только что камень с души упал, — выдыхаю я, повторяя его жест.

Мы стоим так какое-то время. Как два таких родных брата, которые давно не виделись и как будто между нами никогда не было каких-либо размолвок.

— Бывай, — бросает Иосиф. Разворачивается и уходит.

А я стою еще какое-то время и смотрю ему вслед. Теперь дело за ним. Все, что от меня зависело, я сделал. Если у Иосифа не получится справиться с Семеновым, то уже и ни у кого не получится. Останется только заявиться к депутату с пистолетом, застрелить его и застрелиться самому.

Найти бы того, кто подавал его сыну десерт. Конечно, не для того, чтобы сдать Семенову. Это означало бы переложить ворох своих проблем на невинного человека. Боюсь представить, что стало бы с обычной официанткой, если уж на меня словно лавина обрушилась. Но поговорить с ней стоило бы. По крайней мере, узнал бы как так получилось. Может быть, что-нибудь да прояснилось. Семенов не прав, что за роковую случайность жаждет мести, как от намерения. Хочет унять свою боль, причинив боль окружающим. Так себе методы.

Мысли о Семенове возвращают меня к взрыву. Перед глазами снова вырисовывается картина как огонь охватывает Олега, а потом отбрасывает его в сторону, и я отключаюсь.

Олег...

Я хватаюсь за смартфон и вызываю такси. Через двадцать минут я хромаю по коридорам больницы. Навстречу мне идет доктор в белом халате и со стетоскопом на шее. Лицо крайне знакомое. Мужчина тоже поднимает голову и хмурится, увидев меня.

— Вернулись, значит, — деловито осведомляется он, когда мы поравнялись.

Да это же он меня выписывал из больницы, когда я сбегал. Станислав Андреевич, кажется. Скольжу взглядом по халату и натыкаюсь на бейджик. Ну точно — Ефремов С.А. Как я мог так забыть его лицо? Хотя немудрено — у меня та ночь как в пелене.

— Нет, Станислав Андреевич, — мотаю я головой. — Хочу навестить своего водителя.

— Похвально, конечно. У него сейчас посетители.

— Кто? — вскрикиваю я. Страх мгновенно окутывает меня так, что кулаки непроизвольно сжимаются.

— Спокойно, — вскидывает руки вверх Станислав Андреевич и машет ими на меня. — Это девушка, сказала, что его невеста.

— Нет у него никакой невесты! — сквозь зубы говорю я. — Где его палата? Вы можете показать?

Доктор смертельно бледнеет в ответ на мою реакцию. Видимо, сложил все обстоятельства. Водитель, взрыв, реанимация, мой побег.

— Пойдемте, — сглотнув говорит он.

Мы стремглав несемся по коридорам больницы, ловко лавируя между пациентами и персоналом. Несемся и лавируя — это конечно громко сказано. У доктора может еще и неплохо получается. Но хромой я, иду по мере сил, и только отпрыгиваю от окружающих.

Станислав Андреевич сворачивает направо и вихрем заносится в палату. Я ковыляю следом. Внутри на огромной койке лежит, закрыв глаза, мой водитель. Его лицо неузнаваемо под синевой, все отекло и сплошь испещрено защитными порезами. Один глаз заплыл так, что от него осталась тонкая, почти невидимая полоска. Голова забинтована, тело скрыто белым покрывалом. Возле него сидит молодая симпатичная блондинка с распущенными волосами и накинутым на плечи халатом. Она держит свою руку на нем и еле слышно роняет слезы.

Когда девушка оборачивается на шум, я с трудом узнаю ее заплаканное лицо.

— Марк Давидович? — испуганно спрашивает она.

Врач останавливается и в недоумении смотрит то на меня, то на нее. Я замираю и поднимаю бровь, не зная как реагировать. Анжелика, мой кондитер из «Есенина», хлопает глазами и явно смущена, будто я застал их с Олегом за чем-то неприличным.

— Я так понимаю, тревога оказалась ложной, — произносит доктор.

— Вот как, — только и удается выдавить мне из себя. — Значит, вы с Олегом, э-э-э, — я быстро указываю пальцем то на Анжелику, то на него.

— Никто не знает, — нижняя губа девушки поджимается и начинает трястись. По ее лицу катятся крупные слезы. — Возможно, теперь никогда и не узнает.

— Ну-ну, — ласково произношу я, подхожу к девушке и обнимаю за голову.

Анжелика вжимается в меня, обхватывает руками и начинает громко рыдать.

— Все будет хорошо, — пытаюсь успокоить девушку, поглаживая рукой ее макушку. — Он живой, а это самое главное. Доктора видишь, как постарались, подлатали его. Он сильный, выкарабкается.

Я вопросительно смотрю на Станислава Андреевича.

— Состояние очень тяжелое, но стабильное, а это главное, — отвечает тот на мой

немой вопрос. — Он не в коме, пока просто без сознания. Если к завтрашнему дню придет в себя, это будет чудо. Но пока прогнозов никаких.

Доктор с сожалением опускает голову.

— Понятно, — опустошенно произношу я. — Поплачь-поплачь, легче станет, — продолжаю гладить голову Анжелики.

— Марк Давидович, — осторожно говорит доктор. — Я бы все-таки вас повторно осмотрел.

Я еще какое-то время пытаюсь успокоить Анжелику, но она, услышав слова врача, решительно отправляет меня с ним, заверив, что сама здесь справится. И да, эта забота тепло греет мне душу. Хорошо, когда тебя любят твои же сотрудники.

Уже через пятнадцать минут я сижу на кушетке, а Станислав Андреевич тщательно осматривает мои травмированные конечности.

— Да уж ситуация, — смеюсь я. Какой-то смех на нервной почве, чтобы хоть как-то сбросить напряжение.

— Да не говорите, — тоже смеется врач. — Вы когда мне сказали, что у него невесты нет, меня чуть кондратий не хватил. Насмотришься фильмов, а потом в башку лезет черти что.

— Есть такое, — подтверждаю его слова.

Дзынь-дзынь!

На смартфон приходит сообщение, которое тут же стирает улыбку с моего лица. Неизвестный номер присылает фотографию, на которой моя Агата целуется с тюфяком.

Илья смотрит на меня и внезапно широко улыбается.

— Сдулась, значит, — кивает он, словно соглашаясь с собственными мыслями.

— Не люблю работать с идиотами.

— Это я что ли идиот? — взвизгивает Илья

— Я этого не говорила, — усмехаюсь и киваю на стол. — Подпишешь?

— С удовольствием, — снова улыбается он, но внезапно его рука замирает над листом бумаги. — Но тебе придется отработать две недели.

— Для чего? — устало вздыхаю я.

— Потому что я так сказал! — отрезает Илья.

Он правит дату в заявлении, размашисто подписывает его и отдает мне.

— Можешь идти, — повелительно кивает он на дверь.

Я, стиснув зубы от раздражения, выхожу из кабинет. Отдав кадровику подписанное заявление возвращаюсь на кухню, где Андрей и Игорь, практически в голос матерясь выкидывают продукты из новой поставки.

— Что тут? — подхожу к ним.

— Как Игорь и сказал, почти треть продуктов просрочка, — морщится Андрей. — Причем, у чего-то срок вышел вчера, у чего-то сегодня.

— Ясно, — окидываю взглядом гору испорченных продуктов. — Использовать это нельзя, поэтому смело все списывайте.

Мужчины кивают и продолжают заниматься утилизацией. Я захожу на шефскую кухню и сажусь за стол, обхватив голову руками. Утешаю себя тем, что две недели в этом дурдоме я точно смогу продержаться, да и новую работу подыскать будет время. Не ясно как повлияет реабилитация на маму и будет ли результат, а значит, мне надо быть готовой к тому, что деньги еще могут потребоваться на продолжение лечения.

Решение уйти из “Есенина” — не сиюминутная истерика. С того самого момента, как Марк порвал со мной, эта мысль поселилась в моей голове. Мы не сможем работать вместе, поэтому мое увольнение всего лишь вопрос времени. И я решила, что самое время именно сейчас. Самодур Илья упорно топит заведение, а сил с ним бороться у меня не осталось, да и желания, если честно, тоже. Поэтому я отработаю две недели и забуду “Есенин”, а вместе с ним, и Марка Михельсона как страшный сон.

Как только я думаю о Марке, на телефон приходит сообщение и, как это ни странно, от него. Сердце предательски замирает в груди, я вытираю вспотевшие ладони о китель и открываю сообщение. Перед моими глазами фотография, увидев которую, я забываю как дышать. На ней запечатлена я, стоящая у своего Порша этим утром. И все бы ничего, но только, если верить фотографии, в этот момент я самозабвенно целуюсь с Артемом. Кроме фотографии больше в сообщении ничего нет. Никаких комментариев от Марка, вопросов или, на худой конец, обвинений. Я морщусь, как от зубной боли и тут же набираю его номер телефона. После четвертого гудка мне становится понятно, что он мне не ответит. Я сбрасываю звонок и с силой стискиваю в руках телефон.

Спустя три дня поговорить с Марком мне так и не удастся. Я звонила ему еще пару раз в тот день, когда получила эту фотографию, но он все так же не брал трубку, а позже мне не перезвонил. Несмотря на то, что Марк сам принял решение закончить наши отношения, я

чувствую, что должна объясниться с ним. Со стороны ситуация выглядит до простого понятной и довольно омерзительной. Но мне все же хочется прояснить этот момент. Но два моих сообщения тоже остаются без ответа, и тогда я оставляю бесплодные попытки с ним связаться. В ресторане Марк все это время не объявляется.

Единственное что я делаю — отправляю снимок Артему.

“Твоих рук дело?” — подписываю я фотографию.

“Ну на фото я, значит и целуешься ты со мной”, — приходит быстрый ответ.

“Я про саму фотографию. Это ты подстроил?”

“Ну что ты. Это не в моем стиле. Знаешь, очень похоже на почерк твоего Михельсона”

А затем от него приходит еще сообщение.

“Может попробуем еще раз?”

С трудом подавив желание написать в ответ что-то резкое, я просто игнорирую его.

— И что ты планируешь дальше делать? — спрашивает меня тем же днем по телефону Вера.

Я иду по коридору в сторону раздевалки, чтобы заменить китель, на который умудрилась опрокинуть почти полный сотейник соуса. Со стороны я выгляжу как жертва безумного маньяка, искромсавшего меня огромным тесаком. Звонок от Веры застает меня в дверях кухни.

— Прямо сейчас переодеться, и вернуться на кухню, чтобы все-таки приготовить демиглас, — вздыхаю я.

— Перестань. Ты поняла о чем я, — цедит Верка.

— На завтра у меня назначено два собеседования, — сдаюсь я, подходя к раздевалке. — В Жан-Жаке и в Тифлисском дворике.

— Грузинский ресторан? — с удивлением уточняет подруга.

— Я изучаю все варианты, — морщусь я.

— А как Марк? — резко меняет Вера тему.

— Все так же, — снимая китель, продолжаю разговор. — В ресторане его нет, перезвонить или написать мне он, видимо, не захотел. Но это его решение. Снова.

— Он знает, что ты увольняешься?

— Я ему не говорила. Если не сказал Илья, то вряд ли.

— Ты не хочешь ему сообщить? — аккуратно интересуется Вера.

— Нет, — отрезаю я. — Ладно, Вер. Мне пора возвращаться на кухню.

Я прощаюсь с подругой и, переодевшись в новый китель, выхожу из раздевалки и снова иду по коридору, когда до меня доносятся крики ссоры откуда-то из-за закрытых дверей. Я прислушиваюсь и понимаю, что ссорятся, судя по всему, в кабинете Ильи. Голос совладельца “Есенина” звучит приглушенно, но узнаваемо, а вот кому принадлежит женский, несмотря на внушительную громкость визга, определить не удастся. Я ускоряюсь, чтобы не стать невольной свидетельницей скандала, когда до меня внезапно доносится обрывок фразы.

— Если все это вскроется, то сяду я, а не ты! — кричит девушка, и, наконец, я понимаю, что в кабинете Ильи находится Лиза.

Открыв рот от удивления, я замедляю шаг и, оглянувшись по сторонам, подхожу ближе к двери кабинета бывшего управляющего. До меня доносится приглушенный голос Ильи.

— Не ори, дура. Если ты будешь визжать, то мы оба окажемся за решеткой. Но лучше

так, чем попасть в руки Семенова.

Я зажимаю рот рукой от шока и продолжаю вслушиваться в их перепалку.

— Ты обещал мне место управляющего, когда все это случится. Как долго мне еще ждать? — уже немного тише говорит Лиза.

— Ты видишь, что сейчас творится с рестораном? — зло шипит Илья. — Я не предполагал, что это обернется такой катастрофой для “Есенина”. Я думал, что уволят эту тупую суку, ну и Марку достанется, а вот заведение, которое окажется под угрозой закрытия, не входило в мои планы.

— И когда ты меня повесишь? — снова взвизгивает Лиза.

— Сейчас для этого нет денег, понимаешь ты или нет? Я не могу просто взять и повесить тебя! Никаких уважительных причин для того чтобы увеличить расходы на персонал у нас нет. Марк ни за что не согласится на это.

— Знаешь, что? — голос Лизы искажается от злобы. — Я одна отвечать за все не буду. В случае чего, я утяну тебя за собой. И подумай, дорогой, есть ли уважительные причины у тебя теперь.

Поняв, что их разговор окончен, я, практически бегом несусь по коридору и едва успеваю заскочить в раздевалку, когда слышу как хлопает дверь кабинета Ильи. Прижавшись спиной к стене, я закусываю губу, пытаюсь отдышаться и уложить только, что услышанное в голове. Сердце колотится так сильно, что кажется еще мгновение, и оно выскочит из груди.

Я мысленно прокручиваю разговор Лизы и Ильи и не могу в это поверить. Неужели все что творится сейчас с нами и рестораном это не роковая случайность, а злой умысел? Жажда власти, денег и обычная зависть. И для всего этого человеческая жизнь оказалась просто разменной монетой. Ладони холодеют от ужаса, и я достаю из кармана брюк телефон, чтобы, в очередной, раз набрать Марка. Но, как и прежде, телефон не отвечает. С тяжелым вздохом, я сажусь на пуфик, стоящий около металлических ящиков с вещами и обдумываю как мне поступить со всей этой информацией.

Влетев через пятнадцать минут на кухню, я подхожу к Анжелике. Приглядевшись к девушке, понимаю, что ее лицо осунулось, под глазами залегли, практически, черные тени, а пухлые губы искусаны в кровь. Кажется, что она совершенно не спит ночами. Руки трясутся и заметно, как сильно девушка напряжена. Я делаю себе мысленную заметку позже поговорить с Анжеликой, но сейчас меня беспокоит только один вопрос.

— Лика, — подхожу я к ней.

Девушка вздрагивает и поднимает на меня глаза. Кажется, она совсем недавно плакала. Однозначно, с ней надо будет поговорить.

— Да, Агата Александровна, — вопросительно отзывается она.

— Андрей мне сказал, что в тот день, когда здесь умер парень, Лиза работала в зале. Ты не помнишь, что случилось с той официанткой, которая не вышла?

Если Анжелика и удивляется моему вопросу, то вида не подает. А может ее мысли сейчас заняты совершенно другим.

— Свете позвонили и сказали, что ее сыну в детском саду плохо, — пожимает повар плечами. — А что?

— Да просто любопытно, — отмахиваюсь я. — И что, она на больничный ушла?

— Да нет, — хмурится Лика. — Кажется, выяснилось, что произошла какая-то путаница или это вообще была чья-то глупая шутка. Она примчалась в сад, а с ребенком все хорошо, но обратно ехать уже не стала. Лиза ей разрешила остаться дома.

Холодок поднимается по моему позвоночнику и волосы на загривке шевелятся от ужаса. Неужели все и правда было спланировано? И ради чего?

— А Лиза встала в зал?

— Да, официантов, вроде, не хватало. На кухне запара была, — Анжелика резко скидывает голову. — Но я помню, все пять крокембушей, Агата Александровна! Я точно все пять отдавала без орехов!

Глаза повара наполняются слезами, и я жалею, что завела этот разговор именно с ней.

— Я знаю, Лика, — кладу ей ладонь на плечо. — Тебя никто не обвиняет.

Потому что теперь я точно знаю кто виноват во всех наших бедах. Осталось только доказать это.

Убедившись, что Лиза занята в зале, я снова почти бегу по коридору. Время перед ужином самое горячее, и я молюсь, чтобы никому в голову не пришло зайти сейчас в раздевалку, потому что мне будет довольно сложно объяснить, что я тут делаю.

Оглянувшись по сторонам и прикрыв за собой дверь, я подхожу к двери шкафчика Лизы и достаю свой ключ. Эти замки настолько хлипкие, что их можно открыть разве что не с помощью ногтя. Я засовываю ключ в замочную скважину и замок, ожидаемо, открывается. Резко распахнув дверь, заглядываю внутрь. Сменные балетки на полу шкафчика, кофта, висящая на крючке, косметичка и лекарства. Все это меня не интересует. Я перебираю вещи на верхней полке, стараясь особо не переставлять их с места на места.

Позади косметички стоит коробка из-под монпансье и больше ничего. На металлической крышке конфет изображена панорама Санкт-Петербурга, и я расстроено вздыхаю глядя на нее. Кажется, здесь я ничего не найду. Шкафчик Лизы выглядит почти пустым, и в задумчивости я прислоняюсь к соседнему. Если не здесь, то может у Ильи в кабинете мне удастся отыскать хоть что-то? Сама не понимая, что я хотела тут найти, я машинально поднимаю крышку и замираю, не веря своим глазам. В металлической коробке сувенирных конфет лежат, размолотые практически в пыль, грецкие орехи.

Глава 24. Марк

Зачем я отправил Агате эту фотографию? Секундный порыв ярости сменился понимаем всей ситуации. Неслучайно тюфяк снова появился, неслучайно где-то рядом дежурил фотограф. Семенов не дремлет и хочет сделать все больнее мне. Но как бы не так! Не доставлю ему такого удовольствия. Не могла Агата так самозабвенно целоваться с этим тюфяком. Просто не могла.

Девушка мне перезванивает. Я не беру трубку. Потом еще раз. Потом шлет сообщение. Я не удивлюсь, если это проверка Семенова. Он же сказал, что узнает, если мы попытаемся его одурачить. Значит, нужно вести себя максимально отдаленно. Вот я и сжимаю зубы и не отвечаю Агате. Хотя очень хочется.

Вечер проходит, как в тумане. Больница, улица, такси, парадная, квартира. И вот я уже лежу в собственной кровати. Хоть доктор и сказал, что я в порядке, чувствую себя разбитым. Травма и накатившая усталость дают о себе знать. Лежу без сил и прокручиваю случившиеся события. Все это больше похоже на зловещий кошмар. Завтра нужно будет заехать в «Есенин» и до конца разобраться с Ильей. Его омерзительный поступок не лезет ни в какие ворота. С этой мыслью я засыпаю.

Ночь проходит в огне. Я вижу огонь перед собой везде, куда ни поверну голову. Он окутывает меня, но, когда я начинаю судорожно стряхивать его с себя, огонь отступает. И так раз за разом. Мне кажется, это длится всю ночь.

Просыпаюсь от настойчивой тирады сообщений.

Илья.

«Привет»

«И где ты?»

«Обещал же разобраться со мной и рестораном»

«Кстати, дама твоего сердца вчера уволилась»

«Наконец-то!»

«Но Я отпускаю ее только через две недели. Мне же нужно найти нового шефа на ее место»

Вскакиваю с кровати, как ужаленный. Еще раз перечитываю все сообщения. Черт! Агата уволилась! Ну зачем? Конечно, оставил ее там одну с этим выродком боссом. А сам... сам пытаюсь защитить ее.

Пулей иду в душ, а после надеваю на себя первое что попало под руку. Рука и нога, на удивление, сегодня почти не болят. Лишь слегка прихрамывая, я иду в прихожую. Трель телефона снова отвлекает меня.

Да что там еще?

Достаю из кармана. Иосиф.

— Алло.

— Спускайся через пять минут. Тебя будет ждать черный микроавтобус, — слышу серьезный голос брата.

— Но... — пытаюсь возразить я.

Но слышу только короткие гудки.

Сегодня специально беру кроссовки со шнурками и, сжимая зубы от боли, все-таки завязываю их, после чего спускаюсь вниз. У парадной дежурит черный, полностью

тонированный, микроавтобус Мерседес. Когда я подхожу ближе, пассажирская дверь откатывается и меня буквально втаскивают внутрь.

— Поехали, — слышу я незнакомый голос.

Дверь захлопывается, и микроавтобус со свистом стартует с места.

Меня посадили на противоположное сиденье-диван. Напротив меня сидят два незнакомых мужика в черных костюмах. Только черных очков не хватает. Они не улыбаются, не хмурятся, лица вообще не выражают никаких эмоций. Только пристальный взгляд на меня.

— Куда едем? — спрашиваю я, устраиваясь поудобнее на сиденье.

— Все вопросы потом, — отвечает тот, что постарше.

Я вздыхаю. Ну а что еще можно было ждать от Иосифа? Только конспирация, секреты и ни хрена непонятно. Съездил в ресторан, блин. Но по крайней мере, теперь появился шанс на разрешение ситуации. Иосиф бы просто так меня не дергал.

Мы едем с полчаса по городу, какими-то откровенными курмышами. Заезжаем в промзону и колесим по ней так, что я окончательно запутываюсь в собственном местоположении. Еще и желудок предательски урчит. С утра даже бутер в себя закинуть не успел, не говоря уже о том, чтобы сварить себе кофе. Агата всегда делает его таким вкусным. Тепло разливается по моей груди, но тут же сменяется грустью.

Микроавтобус тормозит у какой-то пятиэтажки.

— Приехали, — коротко кивает один из черных костюмов.

Меня заводят в подъезд, и мы поднимаемся на последний этаж. Мы стоим перед массивной железной дверью, которая выделяется на фоне остальных обшарпанных и хлипких.

Черный костюм постарше открывает дверь и пропускает меня вперед. Я захожу внутрь. Квартира на жилую особо не тянет, мебели практически нет.

— Располагайтесь. Еда в холодильнике, чайник на плите. После обеда к вам приедут. А пока придется потерпеть. Телефоном не пользуйтесь вообще — никаких сообщений и, тем более, звонков. Лучше вообще выключить, хотя это уже не особо важно.

Они кивают, разворачиваются и уходят, захлопывая за собой дверь и проворачивая все замки, которые, кстати, ни хрена изнутри не открываются. Я стою в полном недоумении. Все надежды и теплота, которые появились по дороге сюда, просто спущены в унитаз.

Делать нечего, придется ждать.

После обеда приезжает Иосиф. Я уже успел поесть, попить и даже поспать. Все-таки не до конца восстановился от травм еще.

— Ну как ты? — с порога спрашивает брат, улыбаясь. — Не так роскошно, как у тебя дома, но жить можно.

— Жить можно, — вторю ему я. Стою в коридоре, оперевшись на дверной косяк и кусая добытое из холодильника яблоко. — Но хотелось бы знать, что все это значит.

— Сейчас-сейчас, не гони коней, — бормочет Иосиф, открывая дверь в ванную и шаря по стене в поисках выключатель. — Я тебе все объясню. Руки только помою.

Свет зажигается и Иосиф тщательно намывает руки, стоя над раковиной. Я все это время стою и смотрю на него, откусывая яблоко.

— Дай яблочко, — просит он, вытирая руки.

— Пойдем, — мотаю головой в сторону кухни.

Мы проходим на кухню, где одному-то тесно, а двоим здоровым мужчинам так вообще не развернуться. Протягиваю брату миску, тот берет самое красное и откусывает.

— Там пиздец, брат, — хмуро говорит он.

Я сажусь за стол, дотягиваюсь рукой до ящика со столовыми приборами, достаю оттуда нож и зачем-то начинаю очищать кожуру с оставшейся половинки яблока. Иосиф садится напротив.

— Не сказать, что я не догадывался, о том, что там пиздец, — говорю я, закусываю губу и сосредоточенно глядя как ножик тонко срезает красную шкурку.

— Та флешка очень нам пригодилась. Вскрылось много моментов не на поверхности. Но самое главное, та травля, с которой ты столкнулся, она для него, можно сказать, привычна. Не удивлюсь, если у него какие-то психические отклонения. Два года назад у него от рака умерла сестра, она его воспитывала в детстве, заботилась и все такое. Форма была тяжелая, болезнь быстро распространялась, химия не помогла, операция притормозила процесс, но ненадолго. Ну и врачи только руками разводили, да там ничего и не сделать было. Сестры не стало, а главного онколога Боткинской, что руководил ее лечением, стали донимать назойливые сообщения с угрозами. А потом и вовсе мелкие неурядицы начались, то машина сломается, то жена в ДТП попадет, то собака заболит. Мужик знатно перетрухал, пошел в полицию, но там только руками развели. Доказательств же нет. А дальше еще хуже началось, с похищением родных и конкретной порчей имущества. В общем довели мужика до того, что он в Израиль свалил с семьей и детьми.

Я слушаю Иосифа и боюсь пошевелиться. На ум приходит только одно — Семенов получает удовольствие от того, что делает. Сраный маньяк, который не может остановиться.

— Ну, а с тобой он решил, значит, повторить уже обкатанный сценарий. Сын — это же святое. Он считал, и до сих пор считает, что занимается абсолютно праведным делом — мстостью. Вот такая философия у человека. Приплюсуй ко всему этому связи, положение и неограниченные финансовые возможности. И все. Готовый мститель без маски.

— Он похоже получает удовольствие от всего этого, — озвучиваю вслух свои мысли.

— Не исключено, — кивает брат. — Я же говорю — психическое отклонение там точно есть. И это хорошо, что ты ко мне обратился именно сейчас. Насколько нам стало известно, там для тебя у него такие испытания припасены еще, что взрыв твоего Майбаха покажется цветочками.

— Про все узнал, значит, — усмехаюсь я.

— Пока нет, — со вздохом говорит Иосиф. — Мне нужно время, чтобы проверить всю информацию с твоей флешки. Поэтому ты здесь. Да-да, брат. Придется потерпеть дня три-четыре. Может неделю. Побудешь здесь, приведешь мысли в порядок. Мне бы не хотелось, чтобы Семенов испытал на тебе весь свой арсенал проблем...

— Я не могу, — ошарашенно говорю я. — А как же Агата?

— За Агатой мы присматриваем, не переживай, — хлопает меня по плечу Иосиф. — С рестораном за неделю ничего не случится. Ну хуже ему уже точно не будет. А мне не хватает пары доказательств, чтобы прижучить этого козла. Все что я сейчас имею — крайне мало. Его адвокаты на суде просто размажут обвинение. Можно, конечно, устроить общественный резонанс. Тогда судью будет тяжело переубедить. Но оно тебе надо? Это затянется на год и вы с Агатой будете там главными потерпевшими. Нервотрепка сплошная. Посидишь недельку здесь, я добуду доказательства и мы прижучим его не по твоему делу, а за его еще более темные делишки. Тогда шансов соскочить с пожизненного у него не будет.

— Знал бы ты...

— Знаю, — перебивает меня Иосиф. — Я все знаю. Ты здесь прячешься, она там на

передовой отдувается за тебя. Твое мужское «Я» задето. Чувствуешь себя, как сыкло, это нормально. Стандартные чувства взрослого адекватного мужика. Но, поверь, так будет лучше. Агате сейчас ничего не угрожает, от слова «совсем». А ты попадешь под такую раздачу, еще и ее зацепит, если она рядом, не дай бог, будет.

— Ладно, уговорил, — машу рукой я. — Все равно в этой ситуации я мало что могу.

— Можешь-то ты много, — усмехается Иосиф. — Но правильные действия только такие — сидеть и не отсвечивать. Еды в холодильнике навалом, но раз в день будет приезжать курьер — обновлять так сказать. Можешь ему заказывать в принципе, что хочешь. Только в пределах разумного! Никаких там омаров и фуагра.

— Да это понятно, — усмехаюсь я. — Мне и обычная еда сойдет.

— Алкашка тоже под запретом, — поднимает палец Иосиф. — Даже не проси, все равно не привезут.

— Да и не думал даже. Что-то даже не хочется, — поеживаюсь я.

— Ну и отлично, — снова хлопает меня по плечу Иосиф и встает. — Телефон убери подальше, лучше выключи, чтобы соблазна не было позвонить кому, или смс отправить. Берешь трубку только от меня. Родителей я предупрежу, всем остальным не нужно знать где ты и как ты. Так все. Мне пора. Семенов сам на себя доказательства не предоставит.

Иосиф уходит, оставляя меня одного. Какого хрена вообще? Такая злость разливается внутри. Сидеть и ждать у моря погоды, когда за меня все решат. Я сжимаю кулак и бью в стену от собственного бессилия. Плохо еще, что не могу сказать Агате хоть слово, хоть написать ей короткое сообщение, чтобы знала, что все это скоро закончится. Вместо этого я оставил ее там одну. Мудак!

Минуты тянутся как часы, часы как дни. По прошествии первых суток, мне кажется, я начинаю сходить с ума. В квартире есть телевизор и огромное количество книг на любой вкус. Но читать я сейчас не могу, потому что мысли в кучу, а телевизор идет фоном, смотрю просто сквозь него. Агата пишет сообщения, с просьбами взять трубку, а потом и оправданиями по поводу этой злополучной фотографии. И от этих сообщений становится только больнее. Нахрена я ей отправил это фото? Надо делать все, только когда вспыхнувшие чувства отойдут на второй план.

Второй день тянется также долго, как и первый. На полках я нашел старую приставку денди с картриджем на тыщу игр. Ностальгия окутала меня так, что я запустил ее на телике, и чтобы хоть как-то отвлечься и скоротать время включил старые-добрые танчики. Игра затянула и помогла хоть немного забыться. Отвлекает меня только приезд курьера, который привозит огромные мешки с продуктами. Как будто я тут не один, а рота солдат, честное слово. Он забирает мусор и уезжает.

Третий день ознаменовался сначала танчиками, а потом лежанием на диване и созерцанием люстры на потолке. Почему-то снова звонит Агата. Я уж думал, она все рассказала в своих сообщениях, а тут снова звонок. Может случилось что?

Я начинаю жутко переживать из-за этого, но помня заветы Иосифа не беру трубку. Вот если второй раз позвонит, значит, точно что-то случилось и требуется моя помощь. Но вибрация телефона прекращается, а экран гаснет. Второго звонка не следует.

Я немного успокаиваюсь, но все равно как-то не по себе. Теперь уже даже интересно, чего она хотела.

Но не успеваю я все как следует обдумать, как на телефон приходит смс:

«Нам нужно поговорить. Я знаю кто убийца»

Не верю своим глазам. Что-о-о?

Я вскакиваю и снова хожу по комнате. Как она узнала? Почему убийца? Это разве не несчастный случай? Это что все спланировано было?

Тысячи вопросов проносятся в голове.

Слышу как в прихожей открывается входная дверь. Курьер!

— Здрасьте-здрасьте, — говорит он, пронося пакеты в кухню.

Я киваю ему в ответ и краем глаза замечаю приоткрытую входную дверь. Вот он путь к свободе, путь к Агате. Я мешкаю с секунду, а потом решительно иду к ней и выхожу наружу.

Глава 25. Агата

Я фотографирую содержимое коробки из-под конфет и аккуратно возвращаю ее на место. Не знаю, что докажет эта фотография, и докажет ли, но подтверждение тому, что я не выдумала жестянку, полную размолотых орехов, лишним быть не может. Поправляю за собой все вещи внутри шкафчика, чтобы все стояло так как было. Интересно, что сподвигло Лизу оставить орехи у себя?

Закрыв дверь шкафчика, я снова сажусь на пуфик и достаю телефон. Не знаю на что я рассчитываю, отправляя Марку сообщение. Но ответ, привычно не приходит, поэтому я вздыхаю и встаю. Надо что-то предпринять и как можно быстрее. Семенов уже переходит все границы, руша наши жизни словно карточный домик. И так больше продолжаться не может. Убедившись, что Марк мне так и не ответил, я выхожу из раздевалки и иду на кухню.

Меня все еще сковывает ужас от осознания того, как хладнокровно эти двое убили человека, ради своих личных целей. Не ясно только, сын Семенова попался им под руку случайно или цель была выбрана заранее. Но, судя по тому, как негодовал Илья из-за того, что ресторан идет на дно, с жертвой им просто не повезло. Хотя, их жертве, не повезло гораздо больше. Погрузившись в свои мысли, я не замечаю идущего мне навстречу человека и сталкиваюсь в дверях с Андреем.

— Ты куда пропала? — спрашивает он, ловя меня на плечи. — Илья Владимирович хочет, чтобы сегодняшнюю посадку всю отдавала ты.

Я смотрю на Андрея, плохо понимая, что он говорит. Мозг пытается лихорадочно сообразить, что же предпринять с правдой, которая вскрылась, но решение так и не приходит.

— Агата, — трогает меня за локоть су-шеф. — Ты в порядке?

— Да, да, — киваю я, поднимая взгляд на Андрея. — Задумалась, прости. Что ты сказал про Илью?

— Он хочет, чтобы ты сегодня всю посадку отстояла на раздаче.

— Я поняла, — улыбаюсь я через силу, пытаюсь не кинуться в кабинет Ильи, чтобы выцарапать ему глаза. — Спасибо, Андрей.

Су-шеф кивает мне и идет в сторону раздевалок, а я задумчиво смотрю на дверь кабинета бывшего управляющего.

Вечером в ресторане, как назло, почти полная посадка. Меня это должно радовать, но единственное, что я испытываю — это непреодолимое желание поделиться с Марком всем тем, что я обнаружила. Он должен знать правду. И решить, что делать дальше с ней. Но Михельсон упорно меня игнорирует, не отвечая на мои звонки и сообщения.

Пока я отдаю блюда в зал, снова прокручиваю все в голове. Для полиции, скорее всего, улик будет недостаточно. Всего лишь мои слова, против их. И коробка с орехами, которая, по большому счету, ничего не доказывает. Да еще и с моими отпечатками. Скажут, что я подложила ее в шкафчик и все. Камеры тоже ничего не показали. Лиза может и дура, но сыпать орехи в том месте, где она может попасть на запись не стала бы. Выбрала слепую зону и все. Как администратор она отлично знает самые темные углы в зале.

Кроме полиции еще есть вариант — сдать их Семенову, чтобы он, наконец, отвязался от Марка. Только вот как я себя не уговариваю не могу так поступить. Никому не пожелаю испытать того, что пережили мы с Марком. И все это депутат устроил нам, считая, что его

сын погиб по роковой случайности. А что он сделает с убийцами единственного ребенка — страшно представить.

Я ловлю встревоженный взгляд Андрея и пытаюсь сконцентрироваться на работе. Но первый раз в жизни мне это сделать не удастся. Я автоматически зачитываю чеки, принимаю и проверяю блюда, корректирую работу поваров и поторапливаю официантов. Илья пару раз заглядывает на кухню, видимо, чтобы убедиться, что я не нарушаю его приказ. Только вот все это меня уже не волнует. Наша проблема куда серьезнее, чем владелец самодур.

Я отдаю в зал рататуй, когда мой телефон в кармане кителя вибрирует. Вытащив его из кармана, я облегченно выдыхаю. Сообщение от Марка.

“Выйди на улицу. Я напротив ресторана” — читаю я.

Ладони моментально потеют, и я понимаю как была напряжена все это время. Правда неподъемной ношей лежала на моих плечах, и, оттого что я, наконец, могу разделить ее с Марком, ощущаю невероятное облегчение. Кивнув Андрею, чтобы подменил меня на раздаче, я вылетаю из кухни, на ходу срывая с себя китель.

— Ты куда? — раздается за спиной голос Ильи.

— На перерыв, — морщусь я.

— Я вроде сказал всю посадку отстоять, — не дает он мне пройти.

Я сжимаю руки в кулаки, когда телефон снова вибрирует. Бросив беглый взгляд на экран, чтобы убедиться, что это Марк, я поднимаю взгляд на Илью.

— У меня есть законный перерыв на обед, и я использую его прямо сейчас. А если тебя что-то не устраивает — уволь меня.

С этими слова, я протискиваюсь мимо Ильи и почти бегом несусь на улицу. Марк стоит на другой стороне дороги, под злополучным билбордом Боровикова. Он выглядит уставшим, но при виде меня, улыбается и делает шаг на проезжую часть. Я быстро смотрю по сторонам и схожу с поребрика, показывая Марку, чтобы он остался на той стороне дороги, а я подойду сама.

Я почти подхожу к мужчине, когда справа от меня раздается звук ревущего мотора. Я поворачиваю голову в ту сторону и успеваю заметить несущийся на меня старенький Опель без номеров, а потом чувствую сильный толчок в грудь.

Я падаю на спину и чувствую как боль простреливает правую руку. Локоть обжигает от соприкосновения с асфальтом, и я издаю негромкий стон. Машина, чуть не сбившая меня, с бешеной скоростью проносится мимо, обдавая меня брызгами из, не высохших после последнего дождя, луж. От осознания того, что только что чуть не случилось, я покрываюсь холодным потом, волосы на затылке шевелятся и в горле мгновенно пересыхает.

Я резко сажусь и озираясь по сторонам в поисках Марка. Облегчение прокатывается по мне горячей волной, когда я понимаю, что мужчина все это время стоит рядом со мной. Он испуганно протягивает мне ладонь и помогает подняться на ноги.

— Ты в порядке? — его голос полон тревоги.

— Да, а ты? — я вглядываюсь в осунувшееся лицо Марка.

— Да, — кивает он. — Нам надо уйти с дороги, — тянет он меня за собой.

Я крепко держу его за руку и покорно иду за, слегка прихрамывающим, мужчиной к тротуару.

— Что это было? — шепчу я.

— Расплата за мою самодеятельность, — морщится Марк. — Ты точно в порядке? —

еще раз спрашивает он.

— Да, Марк, точно, — отмахиваюсь я, вспоминая зачем вообще вышла на улицу. — Нам надо срочно поговорить.

Я не успеваю продолжить, как слышу свист шин и рев двигателя. Мы с Марком оборачиваемся. Тот же Опель, что чуть не сбил нас, ослепляя фарами, на огромной скорости несется прямо к нам. Мои ладони холодеют от страха. Марк сжимает мою руку, тянет в сторону, но я не могу пошевелиться, а автомобиль угрожающе приближается. В этот момент практически из ниоткуда появляется черный минивэн, который резко тормозит прямо возле нас, закрывая собой от надвигающейся угрозы. Задняя дверь с шумом отъезжает в сторону и из нее появляется огромный мужчина с густой бородой и пронзительным взглядом. Оглушительный свист шин пронзает мои уши так, что хочется их закрыть. Опель резко уходит в сторону, объезжая минивэн. Словно в замедленной съемке, я наблюдаю, как он проносится мимо нас. Дверь минивэна с шумом захлопывается, и он со свистом устремляется за ним в погоню.

Незнакомый мужчина подходит вплотную к нам. Его лицо выражает крайнюю степень негодования.

— Ты идиот? — тихо спрашивает Марка незнакомец, но ощущение такое, словно он кричит. — Я же сказал тебе, сиди тихо и не высовывайся. Ты и сам чуть не погиб и ее подставил, — кивает он на меня. — Какого хрена ты сюда поперся? Я же сказал, что она под присмотром!

Я слушаю мужчину открыв рот и внимательно вглядываюсь ему в лицо. Он неуловимо мне кого-то напоминает, но я в таком шоке, но не могу понять кого.

— Успокойся, — кладет Марк мужчине ладонь на плечо. — Агата узнала что-то важное.

— Настолько, что ради этого надо было рисковать жизнью?

— Да, брат, — кивает Марк. — Агата знает кто убил сына Семенова.

Незнакомец открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но переводит взгляд своих зеленых глаз на меня и внимательно смотрит, не издавая ни звука. Я рассматриваю его спокойное лицо, не искаженное тревогой и зажимаю рот ладонью. Передо мной стоит повзрослевший на несколько лет Марк. Только с бородой.

Когда двадцать минут спустя мы сидим в кабинете Марка, я пытаюсь осмыслить не только неудавшийся наезд на нас, но и наличие у Михельсона старшего брата, о котором я не знала. Иосиф меряет шагами кабинет, который с его появлением в нем начинает казаться мне маленьким.

— Ты уверена? — кажется, в сотый раз спрашивает он у меня.

— Абсолютно, — киваю я, стараясь подавить недовольный вздох. — Я слышала это своими ушами и видела своими глазами. Фотографию вы сами видели, — развожу я руками.

— И что мы будем с этим делать? — задумчиво спрашивает Марк у брата.

— Предлагаю поговорить с твоим партнером, — презрительно кривит он губы. — Для начала послушает, что скажет он. Дальше будет видно.

— А что Семенов?

— Мы почти все закончили, — загадочно отвечает Иосиф.

— О чем вы? — непонимающе перевожу я взгляд с одного мужчины на другого.

— Позже, — обрывает, начавшего было отвечать, Марка его брат. — Для начала решим все здесь.

Младший Михельсон кивает и поднимается из-за стола, морщась от боли. Иосиф смотрит на него, и я замечаю в его глазах едва уловимую тревогу. Чтобы ни произошло между этими двумя в прошлом, заметно, что брат беспокоится о Марке.

— Почему ты не приехал на гуся? — неожиданно для себя выпаливаю я. — Марк сказал его нельзя пропускать.

Мужчины переглядываются между собой и внезапно раздражаются смехом. Я понимаю всю нелепость и бестактность своего вопроса, и устало прикрываю глаза. Должно быть, это все последствия непроходящего стресса.

— Когда все кончится, у нас будет повод собраться, — широко улыбается Иосиф, но затем его лицо снова мрачнеет и на нем застывает непроницаемое выражение. — Тебе лучше отправиться на кухню и заняться работой. Мы дальше сами.

Несмотря на резкость в его голосе, я не возражаю. Мне не хочется участвовать в их беседе с Ильей. На самом деле, мне просто хочется, чтобы все быстрее кончилось и весь кошмар последних недель остался позади. А еще нормально спать. Поэтому я встаю и, бросив быстрый взгляд на Марка, направляюсь в сторону двери.

— Стой, — перехватывает меня за руку мужчина. — Нам надо поговорить.

— Нет, — мотаю я головой. — Точно не сейчас.

— Агата... — снова пытается Марк, но я аккуратно высвобождаю свою ладонь из его и, ничего не отвечая, выхожу за дверь.

Андрей стремительно идет мне навстречу, едва завидев меня в дверях кухни.

— Официанты сказали, что вас с Марком Давидовичем чуть не сбила машина, — взволнованно бормочет су-шеф. — Ты в порядке?

— Да, — киваю я. — Локоть вот содрала.

Андрей берет меня за руку и аккуратно поворачивает ее.

— Пойдем, рану надо промыть, — несильно тянет он меня. — Марк Давидович не пострадал?

— Нет, с ним все хорошо.

— Что-то последнее время на него свалилось слишком много неприятностей, — поднимает бровь Андрей, глядя на меня.

Я отворачиваюсь от пронизательного взгляда су-шефы, не желая это обсуждать. Андрей правильно истолковывает мое молчание и прекращает все расспросы. Мы молча проходим к санузлам по коридору, когда неожиданно из-за двери кабинета Ильи раздается оглушительный грохот.

Глава 26. Марк

Проводив Агату взглядом до кухни, я поворачиваюсь к брату. Тот стоит в дверях и одобрительно кивает мне, поджав губы.

— Отличный выбор, — произносит он. — Девушка-огонь! Рад за тебя, — хлопает меня по плечу.

Я невольно расплываюсь в улыбке и тут же хмурюсь.

— Да уж, теперь остается только как-то помириться с ней, — произношу я с толикой грусти.

— А вы поругались? — вскидывает брови Иосиф.

— Мне пришлось, — пожимаю плечами. — Семенов по-другому не хотел отстать от нее и ее родных.

— Она поймет, — обнадеживающе кивает брат. Не знаю почему, но его слова вселяют в меня уверенность. — Не дура ведь, в конце концов. Ты действовал так, чтобы защитить ее. Это благородно.

— Надеюсь, — вновь улыбаюсь я.

— Ладно, пойдем. Где этот полупокер сидит? — спрашивает Иосиф.

— Вон там, — указываю на дверь кабинета Ильи. — Только я сам начну. И так отсиживался три дня, как мышь.

— И не зря отсиживался, — назидательно говорит брат. — Тебя чуть не убили сегодня. Опять!

— Ладно-ладно, — сдаюсь я. — Ты прав. Но начну разговор все равно я.

— Как скажешь, мастер допросов, — закатывает глаза брата.

Вдвоем мы буквально вламываемся в кабинет Ильи. Дверь от сильного толчка с оглушительным стуком ударяется о стену. Илья вздрагивает и отрывается от... голый груди администратора Лизы. Девушка сидит на его колене с блаженно задранной головой, одной рукой обнимает за шею, а второй елозит у него под расстегнутой рубашкой. Илья же шебуршит у нее под юбкой своей пятерней. От резкого шума они оба тут же приходят в себя, моментально прекращая развратные действия.

Лиза с визгом вскакивает на ноги и начинает поспешно застегивать блузку.

— Тебя стучаться не учили? — выкатывает глаза Илья, вжимаясь в кожу на своем диване.

Я делаю шаг вперед, подавляя смешок. Вся ситуация дико меня забавляет.

— Еще в своем ресторане я не стучался, — безапелляционно говорю я. — А ты чего тут за разврат устроил?

— Да уж, как будто в порнофильм попали, — мотает головой Иосиф, заходя следом за мной. Он по-хозяйски хлопывает дверь и закрывает ее на ключ, торчащий из замочной скважины. Ключ прячет в карман.

Я тем временем подхожу к бару и также по-хозяйски наливаю себе виски в бокал.

— Нет, — морщусь я. — Если это порнофильм, то по закону жанра нам надо к ним присоединиться, а я брезгую. Фу!

Протягиваю бокал Иосифу, но тот делает короткий отрицательный жест рукой. Я пригубляю виски и морщусь. На этот раз от обжигающей губы жидкости.

— Что здесь происходит? Что все это значит? — вскакивает на ноги Илья.

Лиза, тем временем, стала выглядеть прилично и теперь жмется в углу кабинета.

— Хм, пожалуй, соглашусь, — кивает Иосиф, не обращая внимание на Илью. — Тогда это больше похоже на старый фильм про итальянскую мафию.

— Точно! — поднимаю вверх бокал с оттопыренным указательным пальцем. — К зарвавшейся шестерке, который почувствовал власть и поверил в себя, приходит глава клана. Предъявить ему за все.

— Пошел ты! — выплевывает Илья и делает шаг вперед. — Нихера я не шестерка.

— Сядь, — грозно говорит Иосиф металлическим голосом. Его ледяной взгляд пронизывает Илью насквозь. Даже мне прохладно стало, честно говоря.

Илья осекается и с опаской смотрит на брата.

— А ты кто такой? — презрительно спрашивает он. Вот сразу видно — человек абсолютно непроницательный. Не понимает, что если люди позволяют себе говорить с тобой таким тоном, значит, они чувствуют, что могут это.

— Неважно кто он, — не даю Иосифу сказать и слова. Не время еще. — Скажи-ка мне лучше, неуважаемый товарищ, как в твою маленькую головку пришел такой хитроумный план?

Я наполовину сажусь на стол, свесив больную ногу и перекрестив руки на коленях. Илья снова таращится, переводя взгляд с Иосифа на меня и обратно. Лиза тихонько поскуливает в углу.

— О чем ты говоришь? — морщится от непонимания Илья.

— Лучше сам нам скажи, — произносит Иосиф. — Легче будет.

— Пошел ты, — дерзит Илья. — Я нихера не понимаю о чем вы оба! Обкуренные пришли что ли?

— Дерзко, — мотает головой Иосиф, сжимая кулак. Я улавливаю это его движение, и делаю ему знак рукой, чтобы не гнал коней.

— Ты действительно лучше сам нам расскажи, — говорю я. Снова отхлебываю и морщусь. Вкус не нравится от слова “совсем”. Поэтому отставляю бокал в сторону. — Как отравил сына Семенова, как успешно по-дешевке выкупил «Есенин» и стал в нем хозяином. Наполовину. Как решил устроить здесь революцию и поджечь весь бизнес под себя.

— Ребят, что за бред? — мягче говорит Илья. — Вы точно набухались или накурились. Хотя пьяными вроде не выглядите. Но несете какую-то лютую хуйню. Я кого-то отравил! Я же не больной, честное слово. Продал записи Семенову — да, признаю. Но это удачное стечение обстоятельств. Воспользовался моментом, только и всего.

— Удачное стечение, — повторяю я загадочно. — На этом все и строится. Но видишь ли, Илюша. По удачному стечению обстоятельств у меня есть доказательства твоей причастности к убийству.

— Какие доказательства? — нервно улыбается Илья. — Что ты несешь? Я ничего не делал.

— Да? Откуда тогда у нее орехи в шкафчике? — поднимаю брови я.

Лицо Ильи перекашивает злоба, верхняя губа трясется, желваки на шее играют, из ушей вот-вот пойдет пар. Он резко оборачивается к замершей в углу Лизе, которая тут же сильнее вжимается в него.

— Ты что, блядь тупая, так и не выбросила их? — бросается к девушке Илья. Останавливается в двух шагах от нее и презрительно смотрит сверху вниз.

Я напряженно встаю со стола и медленно продвигаюсь вперед. Иосиф делает тоже

самое. Мы аккуратно, как львы на охоте, подкрадываемся к Илье сзади, готовые в любой момент прыгнуть.

— Нет, — всхлипывает Лиза.

— Я же сказал тебе их выбросить сразу, чтобы не оставлять следов! — кричит Илья.

— Это моя страховка! — вдруг хмурится Лиза.

— Что? — обалдевает Илья.

— Страховка, на случай, если ты решишь меня кинуть! — девушка выпрямляется и с ненавистью смотрит на Илью. — А ты думал я такая дура? Возьму и выброшу прямые доказательства против тебя? Не-е-ет, я тебе уже говорила, что мы пойдем на дно вместе если что...

— Ты — дура! — кричит Илья. — Как орехи в ТВОЕМ шкафчике, могут свидетельствовать против МЕНЯ?

— Сам дурак! — огрызается Лиза. — Я бы придумала, как их использовать. Тебе бы подбросила, тупой импотент!

— Ах ты, — Илья замахивается и опускает кулак на голову Лизы.

Синхронно, в один прыжок, мы с Иосифом настигаем «партнера». Брат хватается за правую руку, остановив кулак от головы девушки в нескольких сантиметрах. Я в тот же момент заламываю ему левую за спину. Илья брыкается что есть сил, совершая хаотичные движения в разные стороны, потом резко напрягается всем телом и отталкивается обеими ногами от пола. Мы валимся назад, снося по пути письменный стол, все что на нем и, стоявшее рядом, офисное кресло. Грохот поднимается такой, что в дверь снаружи кто-то барабанит и дергает ручку.

— Эй! Вы там живы? — слышу голос Агаты.

Переживает. Приятно.

— Все в порядке! — кричу ей в ответ, вставая с пола и отряхиваясь. — Все целы! У нас очень трудные переговоры.

— Помощь нужна? — спрашивает Агата.

— Огонь-баба, говорю же, — усмехается Иосиф, тоже поднимаясь и подмигивая мне.

— Нет, спасибо! — кричу Агате, усмехаясь словам брата.

Иосиф хватается за шкурку и рывком ставит на ноги трепыхающегося Илью. Тут же бьет ему под дых кулаком, отчего мужчина сгибается пополам. Брат толкает его на диван, а я поддаю пинка под зад для скорости. «Партнер» падает на кожаное сиденье и лежит на нем какое-то время, схватившись за живот.

Я поднимаю кресло и качу его прямо к дивану. Иосиф пододвигает кресло туда же.

— Так, ты тоже садись рядом, — командует он Лизе.

Девушка поспешно кивает и, аккуратно пробегая мимо нас, садится на противоположный край дивана на достаточном удалении от Ильи. Мы с братом садимся напротив них обоих и внимательно окидываем взглядом. Лиза потупляет взор и поджимает под себя ноги. Сидит с прямой спиной гордо, но ощущая собственную вину. Илья все также валяется, временами постанывает. Уже все должно было пройти давно, симулянт.

— Рассказывай, — приказывает Иосиф Лизе, упираясь в нее леденящим взглядом.

Я поворачиваю на нее голову, не забывая краем глаза посматривать на Илью.

— Мы не хотели никого убивать, — осторожно начинает она.

— Молчи, сука! — взвизгивает Илья, не отрывая лица от подушек дивана.

Лиза осекается, но Иосиф успокаивает ее взмахом руки.

— Не обращай на него внимания, — ласково говорит он. Умеет ведь и ласково. Надо же. Лиза кивает, шмыгает носом и потирает его костяшкой пальца.

— Это была случайность, — продолжает она. — Нам нужен был только случай отравления в ресторане и все. Боровиков связался с Ильей и предложил ему крупную сумму денег, если он подставит вас, Марк Давидович, — она бросает на меня осторожный взгляд, но тут же опускает его. — План он обрисовал простой. Мы травим кого-то, он поднимает шумиху в интернете, вешает билборд напротив ресторана и все. Репутация падает, вы терпите убытки и не можете претендовать на звезду Мишлен, а он получается в шоколаде. Мы хотели открыть свой ресторан на вырученные деньги и управлять им самостоятельно. Но тут подвернулся Кристиан со своим предложением и этот... — он бросает гневный взгляд на Илью. — Не устоял. Уж больно ему хотелось стать с вами наравне. Денег, кстати, Боровиков зажал. Дал только половину. Мол, мы перестарались, произошло не отравление, а убийство. Хотя, ему какое дело? Репутация ресторана была все равно растоптана. Он ведь этого и добивался. Нашел повод не платить больше. Сказал, что жалко вас стало. Козел! Но помогло то, что Семенов купил запись смерти своего сына. Блин, — она сжимает кулаки и глубоко вздыхает. — Смерти ведь никто не хотел. Мы не думали, что будет такая острая реакция. И скорую вызвали в ту же секунду.

— А жертву как выбирали? — спрашивает Иосиф, все это время внимательно ее слушавший.

— Никак, — пожимает плечами Лиза. — Я отпустила официантку домой. Позвонила ей с незнакомого номера, якобы из садика звонят, а потом сказала на работу не приходите. И все. И ждала, когда кто-нибудь закажет десерт без орехов. У первого вообще никакой реакции не было, ну или я мало положила. Не знаю. А второй вот... Сын Семенова. Я не знала, что он его сын. Честно. И говорю же, не хотела убивать, — девушка всхлипывает и утыкается лицом в ладони.

Илья вдруг резко поднимается и безумными глазами смотрит на нас.

— Вы все равно ничего не докажете, — шипит он. — Против меня у вас ничего нет. Орехи в шкафчике вы мне не припишете. Делала все она, я только скорую вызывал.

— Ага, — кивает Иосиф. — И деньги получал.

— Это вообще ничего не значит.

— Еще как значит, — усмехается Иосиф. — Она всего лишь исполнитель в этом деле. Еще и с чистосердечным. А ты получаешься организатор. Можем вообще все обставить так, что ты заставил ее сделать это.

— Че ты там обставишь, обставлятель? — презрительно бросает Илья. — Я НЕ-ВИ-НО ВЕН! Ни один следак на меня ничего не найдет.

— А он и не будет искать, — ржет Иосиф. — Ты сразу с прокурором будешь общаться. Все что ему нужно у меня уже есть. Вот запись разговора с видео, — Иосиф достает торчащую из кармана черную коробочку. — Твое поведение все за тебя сказало, а девушка только подтвердила его.

— Кто ты такой вообще? — презрительно хмурится Илья.

Брат достает из кармана синюю книжечку, разворачивает и тычет ему в нос.

— Михельсон... — запинаясь, читает Илья. — Полковник... ФСБ?

Глава 27. Агата

Я хожу из угла в угол в кабинете Марка и жду когда мужчины вернуться от бывшего управляющего, и, по всей видимости, уже бывшего совладельца «Есенина». После того грохота, донесшегося до нас из-за закрытой двери, Андрей помог мне обработать локоть, все время многозначительно поглядывая на меня. Но я делала вид, что не понимаю его задумчивых взглядов и су-шеф, перевязав мне рану марлевой повязкой, так ничего и не поняв, отправился на кухню. А я пришла в кабинет Михельсона и вот уже с полчаса кусаю губы в ожидании возвращения братьев.

Наконец, дверь распахивается и на пороге появляется Марк.

— Все в порядке? — кидаюсь я к нему.

— Да, — он шагает в кабинет, но на расстоянии вытянутой руки от меня замирает. — Иосиф вызвал своих и уже они займутся Ильей.

— Он все всем признался?

— Он нет, — хмыкает Марк. — А вот Лиза оказалась сговорчивее и выложила все. Даже уговаривать не пришлось.

— Зачем они его убили? — сжимаю я пальцами виски.

— Не повезло, — пожимает плечами Марк. — Они не хотели никого убивать, хотели лишь немного притравить. Да и конкретно сын Семенова оказался случайной жертвой.

— Не повезло, да, — тихо повторяю я. — Все из-за денег?

— Из-за них, — кивает мужчина. — Один захотел звезду, второй захотел бабла.

— Подожди, что? — поднимаю я взгляд на Марка. — Какую звезду?

— Идейным вдохновителем этой преступной парочки стал Боровиков.

Я удивленно хлопаю глаза, глядя на Михельсона, не веря своим ушам. Как же сильно нужно ненавидеть Марка, чтобы таким образом бороться за звезду Мишлен? И как же сильно нужно не верить в свои силы и свой ресторан.

— В голове не укладывается, — наконец, выдыхаю я.

— Люди иногда готовы на все ради достижения своих целей, — качает головой Марк.

Я не успеваю ответить, потому что дверь снова распахивается, и на пороге возникает Иосиф. Я все еще удивляюсь его такому сильному сходству с Марком. Если бы не густая борода Иосифа при беглом взгляде на мужчин их можно было бы перепутать.

— Все, — хлопает в ладоши Иосиф. — Ребята забрали обоих, думаю, что, немного пораскинув мозгами, твой “партнер” заговорит сам. Скорее всего, все свалит на любовницу, но с этим уже не нам разбираться.

— А Боровиков? — спрашиваю я.

— Ему мы вряд ли что-то предьявим, — мотает мужчина головой. — Он не просил никого убивать. Заказал небольшую диверсию в ресторане, а все остальное — самодеятельность этих двоих.

Я без сил сажусь на кресло, стоящее напротив стола Марка и смотрю в окно. Не верится, что это все не сюжет “Криминальной России”, а реальность наши последних нескольких недель. Иосиф обходит стол и садится в кресло Марка, с любопытством оглядывая интерьер кабинета.

— Уютно тут у тебя, — кивает он Марку, а затем поворачивается ко мне. — Ты зачем в шкаф к ней полезла?

— За уликами, — пожимаю я плечами.

— А если бы она тебя поймала? — задает резонный вопрос Иосиф.

— Ну не убили бы они меня, в самом деле.

Брат Марка многозначительно поднимает брови, и запоздалый страх холодком пробегает по моему позвоночнику.

— Иосиф, — встает за моей спиной Марк. — Что с Семеновым?

— Чтобы решить этот вопрос мне понадобится еще несколько дней. — морщится мужчина в ответ. — Думаю, слухи о твоём бывшем партнере до него уже дошли, но я бы на вашем месте еще пару дней не высывался.

Я закусываю губу и думаю о маме, Олеге и всех тех, кто попал под беспощадный каток по имени “депутат Семенов”. Мне хочется кричать от несправедливости и бессильной злобы, но я лишь стискиваю зубы и поднимаюсь с кресла.

— Спасибо, — киваю я старшему Михельсону, а затем поворачиваюсь к Марку. — И тебе тоже.

Обойдя мужчину, я направляюсь к двери, не дожидаясь ответа, но он перехватывает меня и берет за руку.

— Подожди, нам надо поговорить.

— Нет, Марк, — мотаю я головой. — Все закончилось.

Я имею ввиду ситуацию с Семеновым, но одновременно с этим и наши отношения. Марк в порядке и это главное. Больше ему и его бизнесу ничего не угрожает, а значит, я могу спокойно уходить. Но Михельсон не торопится меня отпустить.

— Илья сказал ты уволились, — аккуратно спрашивает он.

— Да, — киваю я, глядя ему в глаза.

— Это нам тоже надо обсудить.

— Нам нечего обсуждать Марк. Ты принял решение, потом я приняла решения.

Я аккуратно высвобождаю запястье из его руки и поворачиваюсь к Иосифу.

— Приятно было познакомиться, — киваю я мужчине, который все также сидит за столом и с любопытством смотрит на нас. — Жаль, что при таких обстоятельствах. Еще раз спасибо за помощь.

Брат Марка ободряюще улыбается мне.

— Взаимно, Агата. Думаю, что мы с тобой еще не раз встретимся. В конце концов, мамин гусь...

Он не заканчивает предложение, и я, невольно, улыбаюсь ему в ответ. А затем разворачиваюсь и выхожу из кабинета Марка, пытаясь подавить желание обернуться.

Тремя днями позже, я гуляю с Марсиком в парке у дома. С самого утра над Питером светит яркое солнце, скромно согревая всех тех, кто оказался на улицах города. Я приподнимаю солнечные очки, чтобы понять в какую сторону от меня унесся неугомонный пес и громко его зову. В ответ мне раздается звонкий лай и вот Марсик уже со всех ног бежит обратно. А позади пса медленно вышагивает высокий мужчина. Я прищуриваюсь и понимаю, кто ко мне приближается, вздыхаю. Пристегнув поводок к ошейнику Марсика, я поднимаю голову и вопросительно смотрю в пронзительные зеленые глаза Марка.

Вчера был мой последний рабочий день в ресторане. Все эти дни Марк больше не предпринимал попыток поговорить со мной, и я думала, что между нами все решено, но вот он стоит передо мной, убрав руки в карман джинсов, и мое сердце предательски ускоряется.

— Привет, — глухо произносит он.

— Привет, — тихо отзываются я.

— Я приехал объяснить с тобой.

— В этом нет необходимости, — морщусь я. — Я все понимаю.

— Если понимаешь, тогда почему отталкиваешь меня? — делает ко мне шаг Марк, и я слышу в его голосе боль.

— Потому что ты принял это решение за нас обоих, — я провожу рукой по лицу. — Мне понятно твое желание защитить меня, но ты не имел права решать за меня с чем я могу справиться, а с чем нет.

— Тогда ты не понимаешь, — повышает он голос. — Я стоял в десяти шагах от Олега, когда взорвался этот чертов Майбах. Я просто не простил бы себя, если бы на его месте оказалась ты. Черт, Агата, — он обхватывает ладонями голову, — почти каждую ночь мне снилось как ты погибаешь. Взрывается Порш, тебя сбивает машина и еще сотня ужасных смертей, разбивающих мне сердце. Я не мог так рисковать. Не мог, понимаешь? Только не тобой, не твоими близкими! Я прекрасно знаю тебя, — он стискивает мое запястье, а мои глаза наполняются слезами. — Только так я мог защитить тебя, потому что ты бы ни за что не согласилась оставить меня. Ты смелая и преданная.

Марк поднимает вторую руку и большим пальцем стирает слезу, катящуюся по моей щеке. В его глазах стоит мольба, и я пытаюсь подавить всхлип, рвущийся наружу.

— Ты самое дорогое, что есть в моей жизни, — почти шепчет мужчина. — Я не мог тебя потерять тогда, — его ладонь согревает мою щеку. — И сейчас не могу. Пойми меня, пожалуйста. Пойми и прости.

Не удержавшись, я все-таки всхлипываю и, поддавшись своим чувствам, порывисто прижимаюсь к Марку, вдыхая такой родной и любимый запах, присущий только ему.

— Я больше никогда не оставлю тебя, чтобы ни случилось, — гладит он меня по волосам. — Я люблю тебя, Агата. И всегда буду рядом.

Я отрываюсь от груди Марка и поднимаю на него глаза. Он неуверенно улыбается и проводит большим пальцем по моей нижней губе. До меня постепенно доходит, через какой кошмар прошел Марк, и что депутат, действительно, не оставил ему выбора. Понимая, что сама все время была одержима желанием защитить его, я медленно отстраняюсь от мужчины. Марсик негромко повизгивает в ногах, пытаюсь привлечь наше внимание, а я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и целую Марка.

Спустя тридцать минут, Марк стаскивает с меня футболку и оттесняет к кровати. Мое дыхание сбивается от его близости и настойчивости. Я скучала по мужчине, по ощущение его рук на моем теле, его теплу, согревающему меня и тем эмоциям, что дарят его поцелуи. Ладонь Марка стискивает мою ягодицу, и я закусываю губу, чтобы подавить стон.

— Я так скучал по тебе, — шепчет он, целуя меня в шею.

Я поддеваю край его футболки и Марк поднимает руки, чтобы я сняла ее. Под его смуглой кожей перекачиваются мышцы, я провожу ладонью по его груди и слышу как мужчина резко втягивает воздух сквозь стиснутые зубы.

— Я тоже скучала, — отвечаю я, перемещая ладонь на его каменный пресс.

Марк резко подхватывает меня под ягодицы и вместе со мной опускается на кровать. Он впивается мне в губы и жадно терзает их, одновременно стягивая с меня штаны вместе с бельем. Когда его ладонь оказывается между моих бедер, я выгибаюсь навстречу этому прикосновению и впиваюсь пальцами в обнаженные плечи мужчины. Я чувствую как Марк расплывается в улыбке и слегка прикусываю его нижнюю губу. Мои руки перемещаются к

краю джинсов мужчины и расстегнув молнию, я запускаю ладонь в его боксеры, обхватив возбужденный член. Марк резко втягивает воздух и толкается бедрами мне навстречу. Я провожу рукой по всей длине члена, не сильно его сжимая.

— Подожди, — стиснув зубы, цедит Марк.

Я останавливаюсь и вопросительно смотрю на мужчину. Он приподнимается на кровати и стягивает с себя джинсы вместе с боксерами, а затем снова нависает надо мной.

— Я тебя люблю, — бормочет он, прокладывая дорожку из поцелуев по моему подбородку.

— Ты это уже говорил, — смеюсь я, легонько отталкивая его от себя.

Марк отрывается от меня, и я, воспользовавшись его замешательством, переворачиваю мужчину на спину.

— Я планирую, как минимум еще несколько раз сказать тебе об этом, — выгибает он бровь, не сводя с меня взгляда полного желания.

— Хм, — закусываю я губу, перекидывая через него ногу. — Мне нравится этот план.

Низко наклонившись, я провожу языком по губам мужчины, а затем целую его. Его член пульсирует у меня между бедер, отзываясь горячей волной жара внутри. Марк просовывает руку между нашими телами и обхватывает член, направляя его. Я отрываюсь от губ мужчины и глядя Марку в глаза медленно опускаюсь на него, пока его член полностью не заполняет меня.

Стон срывается с моих губ, когда ладонь Марка сжимает мою грудь, а подушечка большого пальца касается возбужденного соска. Я отклоняюсь назад и начинаю медленно двигаться вверх-вниз, одновременно с этим поглаживая ладонями грудь мужчины. Возбуждение нарастает, и Марк обхватывает ладонями мои ягодицы, призывая меня увеличить темп. Со стоном наслаждения, я ускоряюсь, подгоняемая рваным дыханием мужчины подо мной.

— Черт, Агата, — шипит Марк через стиснутые зубы, а затем рывком стаскивает меня с себя. — Ты сводишь меня с ума, каждый раз.

Я улыбаюсь его словам, когда Марк переворачивает меня на живот, а затем подтягивает за талию к себе, ставит на колени и одним точным движением входит, заполняя до основания. Вскрик срывается с моих губ, и я с силой стискиваю в руках подушку.

— Марк, — всхлипываю я, когда мужчина полностью выходит и снова резким толчком входит в меня.

Он наклоняется и легонько прикусывает мое плечо, следом покрывая это место поцелуями. Мое дыхание окончательно сбивается, стоны становятся все громче, движения Марка все быстрее. Его рука блуждает по моему телу, то стискивая ягодицу, то сжимая сосок, я выгибаю спину, чувствуя приближение оргазма, и Марк отзывается на это движение, опуская ладонь между моих ног. Его пальцы касаются клитора и очередной громкий стон отражается эхом от стен спальни.

— Давай, девочка, кончи для меня, — шепчет Марк мне на ухо, без остановки поглаживая ставший слишком чувствительный клитор.

Я всхлипываю, и оргазм мощной волной накрывает меня. Мышцы туго сжимаются вокруг члена Марка, мужчина прижимается грудью к моей спине и с тихим стоном кончает вместе со мной, изливаясь горячей спермой внутри меня.

Я опускаюсь на кровать, все еще ощущая, как член Марка содрогается внутри, и слегка

повернув голову, шепчу ему:

— Я тоже люблю тебя, Михельсон.

Глава 28. Марк

Я кусаю Агату за шею. Она инстинктивно содрогается всем телом и прижимается ближе к моему паху ягодицами. Мой член все еще внутри нее, сокращается от нахлынувшего на меня оргазма, который от ее слов стал только ярче.

— Я тоже люблю тебя, — рычу я, прижимаясь лбом к ее затылку. — Очень-очень сильно.

Агата вдруг заливисто хохочет, задирая голову вверх.

— Мы такие дураки, — говорит она, смеясь. Девушка резко соскальзывает вниз и, развернувшись, падает спиной на матрас. Ее ноги обхватывают мои.

— Это почему вдруг? — спрашиваю я, внимательно глядя на нее.

— Совсем забыли о защите, — снисходительно говорит Агата.

Я нависаю над ней, упершись руками по обе стороны от ее головы.

— Значит, будем ждать появления маленьких Михельсончиков, — коварно улыбаюсь я и кусаю ее за подбородок.

— Нет, — пытается увернуться от моих укусов девушка. — Это неправильно. Я выпью таблетку и все.

Я замираю. С одной стороны это ранит мое самолюбие, а с другой это должно быть осмысленным и подготовленным решением. Нельзя же навязывать такое девушке.

— И почему же это неправильно? — с тяжким вздохом падаю на бок возле нее.

— Ну, как минимум, потому что мы с тобой плохо знаем друг друга, — резонно замечает она. — Плюс, столько всего свалилось сейчас. Да и вообще мы не женаты. Слишком многое неправильно.

Смотрю на нее уперевшись локтем в матрас и положив голову на руку. Глажу девушку по подбородку. Она лукаво смотрит на меня.

— Эх, не хотелось бы, конечно, — снова вздыхаю я. — Но решать тебе. Я так готов целиком и полностью.

— Я рада за тебя, но давай не будем так торопить события, — умиленно произносит Агата.

— Да-да, как скажешь, — говорю я и ложусь на спину. Немного расстроен внутри, но здравый смысл все же должен возобладать.

Агата это замечает, подтягивается ко мне и ложится головой на грудь, ногу забрасывает на обе мои и поджимает ее так, что я слегка подвигаюсь к ней, а левое бедро упирается ей в промежность.

— Лучше расскажи, есть ли новости от Иосифа, — тихо говорит она, накручивая пальцем волоски на моей груди. Волоски короткие, так что накручивать не получается, только проворачиваются вокруг пальца и все. Но Агата упорно занимается этим действием, как будто это ее успокаивает.

— Конечно есть, — обнимаю ее левой рукой, прижимая крепче к себе. — Если бы вопрос с Семеновым не решился, я бы к тебе не пришел. Ну и, собственно, приехал так поздно, потому что ждал когда все закончится.

— Все закончилось? — с надеждой спрашивает Агата.

— Да, Семенов больше нам не угрожает, — довольно отвечаю я. — Он больше никому не угрожает. Иосиф нарыл на него ТАКОЕ, что ему светит пожизненное и откупиться не

получится. От него отвернулись абсолютно все, когда стало известно, чем он занимается. А там просто все — начиная от обнала грязных денег и заканчивая наркоторговлей. Я мельком листал материалы дела, которое ему шьют, пока Иосиф у меня его не отобрал. И спорю на что угодно, там мелькало слово «работоторговля».

— Ого, — я чувствую грудью, как брови Агаты поднимаются вверх.

— Да, — усмехаюсь я. — В следственном комитете даже не удивились, что этим делом занималось ФСБ. Хотя, изначально им вообще никто не занимался. До такой степени у этого козла было все схвачено и куплено.

— Действительно козел, — вздыхает Агата. — Если он еще и людьми торговал, то я вообще не удивляюсь той истории, что приключилась с нами.

— Вот да, — подтверждаю я. — И, кстати говоря, Иосиф обмолвился, что если бы не наша история, он бы еще долго этим занимался. И если бы не флешка, которую мне дал Мирон, его бы долго искали за что прищучить.

На слова «Мирон», я чувствую как Агата морщится. Видимо, воспоминания нахлынули. Надо бы с этим поаккуратнее.

— Кстати, насчет твоего бывшего, — стараюсь я вывести разговор на более позитивное русло. — Он тоже засветился.

— Да ладно? — повышает голос Агата.

— Да, как один из последних кто получал от Семенова деньги.

Агата поднимает голову и, хмурясь, всматривается в мое лицо. Я скашиваю глаза, чтобы увидеть ее.

— Что? — спрашиваю.

— Ты шутишь сейчас?

— Нет, конечно, — отвечаю ей, как будто оправдываюсь. — Его даже на допрос вызывали, проходит фигурантом. И, возможно, ему даже условный срок дадут. Семенов солидно ему платил, на новую одежду, на парикмахера, цветы для тебя и так далее.

— То есть это Семенов прислал его ко мне? — удивленно спрашивает Агата.

— Ну, конечно, — смеюсь я. — Не сам же он заработал и купил. Отправили к тебе, сделали фото как он к тебе пристает и отправили мне, чтобы нам обоим сделать плохо.

— Ужас какой, — тяжело вздыхает Агата. — Это же все денег стоит. Неужели ему настолько на них плевать, что он готов потратить любую сумму на ТАКОЕ. Лишь бы сделать плохо другим...

— Ты знаешь, — задумчиво говорю я. — Я так понял, это ему даже удовольствие доставляло. Все вот эти хитрые схемы, удары в самые больные места и исподтишка. Ему еще и видеоотчет присылали о проделанной работе. Есть даже такой, где Майбах взрывается, а я в сторону отлетаю.

— О, ужас, — стонет Агата. — И ты видел это?

— Нет, — качаю я головой. — Иосиф рассказал, а само видео не показал, обещал потом как-нибудь...

Меня прерывает трель телефона Агаты.

— Будешь брат?

— Не хочу, — лениво говорит девушка.

— Да брось. Вдруг там что-то важное.

— Ладно.

Девушка встает с кровати и шлепает босыми ногами к сумочке. Я любуюсь красотой ей

обнаженного тела. Этих филигранных и соблазнительных изгибов и невольно сглатываю. Девушка роется в сумочке какое-то время. Когда в ее руках появляется телефон, я вижу, как она бледнеет.

— Это из больницы. Мамин доктор.

Я весь напрягаюсь и сажусь в кровати.

— Бери трубку, — произношу хмуро.

Агата поправляет волосы, заводя их за уши, садится на край кровати и включает громкую связь.

— Алло! — раздается голос доктора. Я хмурюсь еще сильнее, не понимая по интонации его настроение.

— Здравствуйте, Петр Аркадьевич. Что-то случилось? — взволнованно спрашивает Агата.

— Здравствуйте, Агата Александровна! Извините, что отрываю вас, — тараторит врач. — Я мог бы позвонить и в обед, но мне не терпелось вам сообщить.

По-моему, он улыбается на другом конце телефона.

— Что с мамой? — грубо обрывает его Агата.

— Все отлично! — радостно восклицает Петр Аркадьевич. — У вашей мамы значительные улучшения. Она как будто пришла в себя. Осознанно говорит, узнает медперсонал, спрашивала про вас и вашего отца. Это просто чудо, не иначе.

Я вижу, как плечи Агаты опускаются и она наклоняет голову вперед, а ее волосы застилают лицо. Она выдохнула. Расслабилась полностью. Возможно, впервые за эти дни. Понимаю, какая нагрузка была на ее плечах.

— Мы провели все необходимые исследования и анализы прежде, чем звонить вам, — продолжает Петр Аркадьевич. — И там явная положительная динамика. Болезнь отступает. Мы глазам своим поверить не можем.

Пока врач тараторит, я нагибаюсь вперед и завожу растрепавшиеся волосы девушке за ухо. По ее лицу крупными каплями катятся слезы.

— Ты как? — осторожно спрашиваю ее. — Все же хорошо.

Агата безмолвно кивает, роняя слезы на простыню.

— Петр Аркадьевич! — громко перебиваю врача.

— Да, Марк Давидович, здравствуйте, — слегка запнувшись, произносит врач.

— Мы можем сейчас приехать?

— Конечно! Если вы можете, это было бы замечательно. Нине Петровне просто необходимы сейчас положительные эмоции и тепло близких.

— Отлично. Мы скоро будем.

Забираю из рук Агаты телефон и нажимаю кнопку завершения вызова. Бросаю аппарат в сторону.

— Все хорошо, успокойся. Все закончилось, — произношу я, обнимаю девушку руками.

Она утыкается мне в плечо и тихонько всхлипывает. Какое-то время мы сидим так, я крепко сжимаю ее в своих объятьях, а она обхватила мои плечи.

— Поехали к маме, — отстраняясь от меня, говорит Агата, легонько шмыгнув носом.

Уже в такси девушка набирает своего отца, но тот не берет трубку. Один звонок, второй, третий. Тщетно.

— Да блин, — в сердцах бросает Агата. — У меня дурное предчувствие.

— Ты уже накручиваешь себя, — спокойным тоном говорю ей. — Человек может

просто не слышать звонка. Может он на улице или телефон в другой комнате.

— Раньше такого не случалось. Отец не любит расставаться с телефоном.

Я смотрю на нее и усмехаюсь. Почему-то моя интуиция, наоборот, спокойна и уверена, что все в порядке.

— Ну тогда поехали к нему.

Я торможу таксиста, Агата называет адрес. Машина разворачивается и топит вперед. Таксист будто слышал наш разговор и, как мне кажется, начал ехать быстрее. Все это время я сжимаю руку девушки, а она обеспокоенно смотрит в окно.

У нужного дома, Агата выбегает пулей и залетает в парадное. Я расплачиваюсь с таксистом, прося его не уезжать какое-то время, потому что надеюсь, что мы скоро выйдем. Лечу следом за Агатой. Она стоит на третьем этаже и нервно тычет в кнопку звонка.

Никто не открывает.

— Я же говорила, — Агата бледная смотрит на меня.

— Я не слышу звонка, — пожимаю плечами и прислоняю ухо к металлической двери. — У тебя есть ключи?

— Точно! Ключи! — Агата начинает рыться в своей сумочке. — Отец дал мне запасной на всякий случай, но он только от верхнего замка.

Девушка достает свой массивный кошелек, расстегивает молнию маленького кармашка и достает оттуда тонкий ключ. Я выхватываю его у нее из рук и быстро справляюсь с замком. Слава богу дверь закрыта только на него. Первым захожу в квартиру. Первое что слышу, это громко играющий телевизор. Плохой знак, честно говоря. Осторожно крадусь по коридору и заглядываю в открытые двери зала, откуда и исходит громкий звук.

От увиденного прихожу в ужас и тут же начинаю громко хохотать. Агата опешив от такой реакции, отпихивает меня в сторону и врывается в зал. Там отец в одних трусах сидит на диване и клеит модель пластмассового танка, временами поглядывая на телевизор поверх очков.

— Папа! — возмущенно кричит Агата.

Мужчина вздрагивает и оборачивается.

— Дочь? — удивленно спрашивает он. — Как ты здесь оказалась?

— Приехала! — назидательно кричит девушка. — Где твой телефон?

— На зарядке, а что? — осторожно спрашивает отец.

— Ничего! Мы тебе обзвонились. Нельзя было на зарядку поближе к себе поставить?

— Мы? — снова удивляется отец. Тут он поднимает свой взгляд и видит меня. Я машу рукой из-за спины Агаты, на что мужчина смущается.

Агата делает шаг в сторону и показывает на меня.

— Познакомься, папа, это мой парень — Марк, — говорит она. — А это...

— Александр Михайлович, — кивает отец, внимательно глядя на меня поверх очков.

— Очень приятно, — поджав губы, киваю я. Мне неловко. Думаю, ему тоже.

— Некогда нам обмениваться любезностями! — топает ногой Агата. — Папа, там мама в себя пришла. Нужно срочно ехать к ней.

Глаза родителя лезут на лоб, а щеки начинают розоветь.

— Дайте только одеться, — только и произносит он.

Через час мы толпимся в палате Нины Петровны. Выглядит она ужасающе, половина лица отнялась и не двигается, глаза какие-то стеклянные, движения заторможенные. Но при этом женщина очень ясно мыслит и настроена, в целом, позитивно. Пытается улыбаться

половинкой рта, ей трудно, но она справляется.

Агата сидит на краешке ее кровати, и крепко сжимает обеими руками ее здоровую ладонь. Александр Михайлович стоит у изножья кровати, крепко схватившись за металлическую перекладину. Я скромно притулился у входной двери, скрестив руки на груди и подперев шкаф. Даже представить себе никогда не мог, что познакомлюсь с родителями своей девушки в таких обстоятельствах.

— Ох, ребята, мне такой сон дурной снился, — вздыхает Нина Петровна. — Как будто меня похитили, а потом вернули. Все как в тумане, но так явно. Я жутко испугалась.

Агата смотрит на меня, вытаращив глаза, а у меня бежит холодок по спине и волосы на макушке приподнимаются.

— Все в порядке, Нина Петровна, — пытаюсь успокоить ее я. — Вас перевозили из городской клиники в этот частный центр. Вам наверно и почудилось.

— Возможно, — едва уловимо кивает женщина. — Ой, здесь такие прекрасные доктора. Чуткие, отзывчивые, очень вежливые. Никогда не встречала таких.

— Да, мама, в платных клиниках такой уход, — усмехается Агата.

— Мне уже сказали, что Марк оплатил лечение полностью, — с благодарностью смотрит на меня женщина. — Спасибо вам большое. Я даже не знаю, как вас благодарить. Вы же, я так поняла, шеф Агаты.

Агата и Александр Михайлович смеются, а я не понимаю над чем.

— Мама, Марк — больше, чем шеф!

Спустя месяц я стою в кабинете Марка и с волнением просматриваю меню для предстоящего свадебного банкета.

— Тебе не кажется, что мы что-то не учли? — спрашиваю я, с тревогой поднимая глаза на мужчину.

— Не кажется, — уверенно произносит он. — Свадьба будет отличной.

— Надеюсь, — закусываю губу я. — Хочется, чтобы она окончательно стерла воспоминания о пережитом ужасе у ребят.

— Брось, — подходит ко мне Марк. — Олег женится на девушке, которую любит. Это все, что ему сейчас надо. А банкет так, — он машет рукой, — приятное дополнение.

Я поднимаю взгляд на Михельсона и улыбаюсь.

— Ладно, ты прав, — соглашаюсь я. — Я какая-то сама не своя в последнее время.

Марк прижимает меня к себе и целует в макушку, а я вдыхаю такой привычный запах своего любимого мужчины и расслабляюсь в его руках.

Пару дней назад мы открыли обновленный «Есенин» и ставка на туристов уже начала приносить свои плоды. Идея ужинать русскими блюдами с видом на Исаакиевский собор очень понравилась иностранным гостям города, поэтому мы надеемся, что довольно скоро выйдем в плюс. Марк уговорил меня снова возглавить кухню ресторана. Да, если честно, я не особо и сопротивлялась и с удовольствием ввела новое меню в «Есенине».

Дело по Семенову все еще идет, но старший Михельсон утверждает, что депутату уже никак не выпутаться и сядет он надолго. Илья и Лизой оба были осуждены, и как бы мне ни было жаль девушку, они оба получили по заслугам. Даже Льву досталось. Сильно пострадала его репутация, а бизнес терпит убытки. Говорят, что голландский шеф-повар «Трёх китов» Петрус уже нашел новое место работы.

Тут в объятиях Марка, все страшные воспоминания стираются, но нам уже пора.

— Иосиф с Мишей скоро? — с трудом отрываясь от мужчины, спрашиваю я.

— Уже должны приехать, — бросает он взгляд на часы. — Пойдем в зал?

Я киваю и вслед за Марком выхожу в главный зал ресторана, полный гостей. За столиком у окна уже и правда сидит Иосиф с сыном. Завидев нас, брат Марка широко улыбается, встает и машет рукой.

— Привет, — хлопает его по плечу Марк, когда мы подходим к столу. — Миха, как ты вырос! — восклицает он.

— В одиннадцатый класс в сентябре, — с гордостью произносит Иосиф.

Парень тушует под пристальным вниманием мужчин, и я ободряюще ему улыбаюсь. Когда со знакомством и приветствиями покончено, мы рассаживаемся за столом.

— Новая школа в этом году? — спрашиваю я Мишу.

— Да, — бросает он нечитаемый взгляд на отца. — Теперь буду жить с папой, пришлось поменять школу.

Я грустно улыбаюсь парню. Марк сказал, что Иосиф развелся с женой, и я думаю как должно быть нелегко Мише сейчас. Парень отвлекается на горячее, а я украдкой достаю телефон, чтобы открыть новое входящее сообщение. Текст на экране повергает меня в шок. Марк замечает это и кладет свою ладонь на мою руку.

— Все в порядке? — обеспокоено спрашивает он.

Я проглатываю тугой комок в горле и передаю ему телефон.

— По результатам анализа, — тихо бормочет Марк себе по нос, — вероятность девяносто процентов, — он вскидывает голову и ошарашено смотрит на меня. — Это что получается ты беременна?

Я неуверенно киваю ему, не зная, как он отреагирует на эту новость. Марк вскакивает со стула, бросает мой телефон на стол и хватается руками за голову.

— Не может быть, — шепчет он.

А потом делает шаг в мою сторону, садится передо мной на корточки и дотрагивается до моего абсолютно плоского живота.

— Ну привет, сын, — улыбаясь, произносит он куда-то в район пупка.

Я слышу раскатистый смех Иосифа сбоку от меня и непонимающе перевожу свой взгляд на брата Марка.

— Вот и повод собраться всем вместе на мамино гуся, — все еще смеясь, подмигивает мне мужчина.

— Точно, — улыбаюсь я Иосифу в ответ и кладу свою ладонь на макушку Марка, который все еще что-то шепчет моему животу.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net